

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Путина Ольга Николаевна

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ
В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ЕДИНСТВЕ *ВОПРОС-ОТВЕТ*
(на материале русского и английского языков)

10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент С. В. Шустова

Пермь 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА <i>ВОПРОС-ОТВЕТ</i>	11
1.1. Диалогическое единство <i>вопрос-ответ</i> : логико-философский аспект	11
1.2. Диалогическое единство <i>вопрос-ответ</i> : лингвистический аспект.....	15
1.3. Категории вопросительности и информативности	25
1.3.1. Классификация вопросов	26
1.3.1.1. Прямой вопрос	32
1.3.1.1.1. Выяснение.....	33
1.3.1.1.2. Выпытывание	34
1.3.1.2. Косвенный вопрос	36
1.3.2. Классификация ответов.....	41
1.3.2.1. Прямой ответ.....	41
1.3.2.2. Косвенный ответ	42
1.3.2.2.1. Ассоциативный ответ.....	43
1.3.2.2.2. Уклончивый ответ	44
1.3.2.2.3. Умолчание	45
1.3.2.2.4. Молчание	46
Выводы по главе 1	51
ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ	53
2.1. Дискурсивный маркер как компонент структуры диалогического единства	53
2.2. Пространство функционирования дискурсивных маркеров	64
2.3. Проблема классификации дискурсивных маркеров в современной лингвистике	74
2.4. Функционирование дискурсивных маркеров в разноструктурных языках	78

Выводы по главе 2	83
ГЛАВА 3. ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ЕДИНСТВЕ <i>ВОПРОС-ОТВЕТ</i>	85
3.1. Основные подходы и методы исследования.....	85
3.2. Семантические, структурные и прагматические характеристики дискурсивных маркеров в русском языке ..	93
3.2.1. Дискурсивный маркер <i>ну</i>	93
3.2.2. Дискурсивный маркер <i>вообще</i>	114
3.2.3. Дискурсивный маркер <i>типа</i>	123
3.2.4. Дискурсивный маркер <i>в смысле</i>	130
3.2.5. Дискурсивный маркер <i>как бы</i>	133
3.2.6. Дискурсивный маркер <i>слушай</i>	137
3.2.7. Дискурсивный маркер <i>как хочешь</i>	141
3.3. Семантические, структурные и прагматические характеристики дискурсивных маркеров в английском языке.....	145
3.3.1. Дискурсивный маркер <i>well</i>	145
3.3.2. Дискурсивный маркер <i>anyway</i>	154
3.3.3. Дискурсивный маркер <i>sure</i>	157
3.3.4. Дискурсивный маркер <i>sort of</i>	162
3.3.5. Дискурсивный маркер <i>after all</i>	165
3.3.6. Дискурсивный маркер <i>you know</i>	168
3.3.7. Дискурсивный маркер <i>I see</i>	172
Выводы по главе 3	175
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	177
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	187
СЛОВАРИ	218
ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА	224
КОРПУСЫ	225
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	226

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена изучению диалогического единства *вопрос-ответ*, функционированию дискурсивных маркеров в рамках данного единства, разработке классификаций вопросов и ответов на основе анализа содержания и структуры диалогического единства *вопрос-ответ* в диалогическом дискурсе повседневности. Исследование относится к кругу вопросов общего языкознания, лингвистической прагматики, теории коммуникации, теории диалога, дискурсологии, лексикографии и корпусной лингвистики.

Актуальность исследования. Процессы глобализации, развитие современных технологий коммуникации, расширение международных контактов обуславливают актуальность полиаспектного исследования диалогического дискурса. Коммуникация изучается в рамках различных наук в качестве сложного социально значимого процесса, затрагивающего практически все сферы человеческой деятельности. Проблемы взаимосвязи языка и мышления приобретают все большую значимость в связи с антропоцентрической направленностью лингвистических исследований.

Центральной единицей анализа в работе выступает полиаспектная организация диалогического единства *вопрос-ответ* в диалогическом дискурсе повседневности. В процессе изучения функционирования и классификации вопросов и ответов как компонентов диалогического единства актуализируется функционально-прагматический потенциал дискурсивных маркеров. Исследование представляется актуальным в связи с широкой распространенностью диалогического единства *вопрос-ответ*, проблемой выявления коммуникативно-прагматических функций периферийных вспомогательных языковых единиц, а также необходимостью изучения функционально-прагматического потенциала дискурсивных маркеров в аспекте модификации прагматической ориентации.

Объектом исследования выступает функционально-прагматический потенциал дискурсивных маркеров русского и английского языков.

Предметом исследования является коммуникативно-прагматическая структура диалогического единства *вопрос–ответ* в диалогическом дискурсе повседневности, а также роль дискурсивных маркеров *ну, вообще, типа, в смысле, как бы, слушай, как хочешь* русского языка и *well, anyway, sure, sort of, after all, you know, I see* английского языка в его актуализации.

Цель исследования – разработать классификацию вопросов и ответов с позиций прагматики и определить прагматические функции дискурсивных маркеров в диалогическом единстве *вопрос–ответ* в русском и английском языках. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1) определить и уточнить понятия *диалогический дискурс повседневности, диалогическое единство, дискурсивный маркер*;

2) разработать классификации вопросов и ответов в диалогическом дискурсе повседневности;

3) выявить и описать функционально-прагматический потенциал дискурсивных маркеров *ну, вообще, типа, в смысле, как бы, слушай, как хочешь* в русском языке;

4) выявить и описать функционально-прагматический потенциал дискурсивных маркеров *well, anyway, sure, sort of, after all, you know, I see* в английском языке;

5) установить соотношение классов вопросов и ответов с дискурсивными маркерами.

Материалом исследования послужили данные направленной выборки из словарей (словарей синонимов, этимологических, толковых, объяснительных, фразеологических, словарей служебных слов, двуязычных, контекстных, частотных – всего 60 словарей); контексты, содержащие диалогические единства *вопрос–ответ*: 2150 контекстов из Национального корпуса русского языка; 2650 контекстов из базы корпусной лаборатории Лейпцигского университета; 1480 контекстов из Британского национального корпуса; 1120 контекстов из Корпуса современного американского английского языка; 840 контекстов, содержащих

диалоги художественных произведений. Общее количество проанализированных дискурсивных маркеров – 14; общее количество проанализированных контекстов – 8240.

Методы исследования

В качестве методологического принципа настоящего исследования избирается принцип антропоцентризма. Целостный характер исследования обеспечивается комплексным использованием следующих методов:

- 1) общенаучных методов: индукции, дедукции, анализа, синтеза, сравнения, сопоставления, обобщения;
- 2) лингвистических методов: корпусного анализа, приемов классификации и систематизации языкового материала, контекстуального анализа;
- 3) методов обработки материала: количественного анализа, графического моделирования.

Научная новизна исследования состоит в том, что уточняется понятие *диалогический дискурс повседневности*; определено понятие диалогическое единство *вопрос-ответ*; предлагается лингвопрагматическая классификация вопросов и ответов; уточняется понятие *дискурсивный маркер*; выявляется и описывается функционально-прагматический потенциал дискурсивных маркеров в русском и английском языках; описывается влияние вспомогательных функций дискурсивного маркера на прагматическую ориентацию диалогического единства *вопрос-ответ*.

Теоретическая значимость исследования состоит в разработке классификации вопросов и ответов, в комплексной методике исследования функционирования дискурсивных маркеров русского и английского языков в диалогическом единстве *вопрос–ответ*.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Диалогическое единство *вопрос-ответ* представляет собой совокупность реплик, зависимых друг от друга семантически, структурно и прагматически; диалогическое единство является моделью текста и основной единицей диалогического дискурса.

2. Классификация вопросов основывается на функционально-прагматическом подходе и включает прямой вопрос (выяснение и выпытывание) и косвенный вопрос (критика, знакомство, приглашение, предложение, приказ, разрешение, просьба, предложение, сочувствие, угроза). Ответ классифицируется на прямой и косвенный. Косвенный ответ включает ассоциативный ответ, уклончивый ответ, умолчание и молчание.

3. Виды косвенного вопроса и косвенного ответа коррелируют с прагматическими функциями, выделенными при анализе функционирования дискурсивных маркеров русского и английского языков в диалогическом единстве *вопрос–ответ*.

4. Речевой акт изоморфичен одному речевому действию и характеризуется моноинтенциональностью. В дискурсивном акте интенциональная структура высказывания актуализирует иерархию интенций, базируется на принципе приоритетности одних и второстепенности других интенций для адресата. В диалогическом единстве *вопрос–ответ* фиксируется взаимодействие вспомогательной функции дискурсивного маркера с иллокутивной составляющей высказывания.

5. В диалогическом единстве *вопрос-ответ* дискурсивные маркеры выполняют вспомогательную прагматическую функцию, включаясь в систему многоступенчатого прагматического варьирования. Дискурсивные маркеры модифицируют инвариантную интенциональную структуру в диалогическом единстве *вопрос-ответ*.

Практическая значимость работы определяется тем, что предложенная классификация вопросов и ответов и функционально-прагматический подход к описанию характеристик дискурсивных маркеров русского и английских языков применимы для лингвистического описания других единиц языка в рамках разных типов дискурса; результаты исследования могут быть использованы также при составлении словарей (толковых, объяснительных, словарей служебных слов, дискурсивных слов, словосочетаний, этикетных фраз, фатических выражений), в преподавании курсов «Общее языкознание», «Переводоведение»,

«Коммуникативная лингвистика», «Лексикология», «Дискурсология», «Межкультурная коммуникация».

Теоретическая база исследования представлена работами по следующим направлениям:

1) общему языкознанию [Аверина 2016; Ажеж 2008; Алпатов 2015; Апресян 2005, 2011; Богданов 1990; Богданова-Бегларян 2012, 2014; Бондарко 2004; Валгина 2003; Вежбицка 1985; Гак 1982, 1998; Гумбольдт 1984; Демьянков 1991, 2018; Ельмслев 2006; Есперсен 1958; Зализняк, Падучева 2018; Ирисханова 2014; Кацнельсон 2001; Кибрик 2009; Кобозева 2021; Кожина 1986, 1998; Левицкий 1995, 1998, 1999, 2004; Мурзин, Сметюк 1994; Плунгян 2012, 2013; Щерба 1957, 1974; Averina 2015; Lakoff 1972];

2) теории диалога [Ажеж 2008; Бахтин 1975; Белнап Стил 1981; Блох, Поляков 1992; Богданов 1986; Бузаров 2002; Винокур 1993; Вохрышева 1990, 2016; Голубева-Монаткина 1985, 1990; Девкин 1981; Дускаева 2014; Жинкин 1955; Заботин 1961; Иссерс 2011; Колокольцева 2001; Колшанский 1985; Конрад 1985; Ларина 2020; Леннерт 1988; Логинов 2014; Лотман 1975; Мурзин, Сметюк 1994; Романов 2020; Стрельцов 2020; Хинтиikka 1974; Шведова 1956, 2003; Шмелев 1982].

3) теории дискурса [Аверина 2016; Викторова 2014; Баранов Плунгян Рахилина 1993; Басовская 2019, 2020; Ирисханова 2014; Каменский 2015; Карасик 2016; Кибрик 2003, 2009, 2012; Киселева, Пайар 1998, 2003; Котюрова Баженова 2020; Трофимова 2020; Троценкова, Блинова 2020; Тюрина 2005; Шаронов 2012, 2017; Шилихина 2017, 2018; Fraser 1996; Dijk 2018; Schiffrin 1987];

4) лингвистической прагматике [Арутюнова 1981; Богданов 1990; Булыгина 1981; Васильев 2019; Дейк 2001; Иссерс 2016; Норман 2012; Остин 1999; Пирс 2000; Романов 2020; Степанов 1981; Царенко, Шустова 2018; Шелестюк 2014; Austin 1962; Grice 2005; Leach 1983; Searle 1976; Yule 1996];

5) семасиологии [Апресян 2005, 2011; Болдырев 2001, 2012; Никитин 1996; Стародумова, Прияткина, Тюрин, Откидыч 2017; Шмелев 1964].

Апробация исследования. Основные положения диссертации представлены в докладах на всероссийских и международных научных и научно-практических конференциях: школы-семинара молодых ученых и аспирантов «Проблемы языкознания и мировой литературы рубежа XXI века глазами молодых исследователей» (Пермь, 1997 г.); Международной конференции «Проблемы межкультурной коммуникации» (Пермь, 1999 г.); Международной научно-практической конференции «Теория и практика перевода и профессиональной подготовки переводчиков» (Пермь, 16–17 февраля 2005 г.); Всероссийской заочной научно-практической конференции «Язык и современное образование»: лингвистические и психолого-педагогические аспекты (Тверь, 2013 г.); Всероссийской научной конференции «Конвергенция в сфере научной деятельности: проблемы, возможности, перспективы» (Ижевск, 2018 г.); Международной научно-практической конференции «Мир языков: ракурс и перспективы» (Республика Беларусь, 2018 г.); Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы филологии и лингводидактики»: (Душанбе, 2018); научно-практической конференции «Иностранные языки и литературы в контексте культуры» (Пермь, 2019 г.); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Филология и образование в поликультурном мире» (Пермь, 2019 г.); Международной научной конференции «Функциональная стилистика в контексте современного гуманитарного знания», посвященной 80-летию профессора М. П. Котюровой (Пермь, 2019 г.); V международной конференции «Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака» (Москва, 2020 г.); Всероссийской научной конференции с международным участием "Личность в интерьере эпохи" (Кострома, 2020 г.); III научно-практической конференции с международным участием «Лингводидактические особенности обучения иностранным языкам в неязыковых вузах» (Москва, 2020 г.); XVII всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Иностранные языки и литературы в контексте культуры» (Пермь, 2020 г.); II всероссийской научно-практической конференции

«Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков» (Новосибирск, 2020 г.).

По теме диссертации опубликовано 29 научных статей, в том числе 5 статей в журналах, включенных в реестр Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки Российской Федерации.

Структура диссертации обусловлена проблемой, целью и задачами исследования. Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения, Библиографического списка, списков словарей, источников иллюстративного материала, условных сокращений. Работа также включает 9 таблиц, 4 рисунка.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА *ВОПРОС-ОТВЕТ*

1.1. Диалогическое единство *вопрос-ответ*:

логико-философский аспект

Изучением вопроса и ответа как категорий языка и мышления, их структуры, функций, познавательной и логической сущности интересовались ученые древности, Средневековья, новейшего времени. Различные аспекты данной проблемы занимают исследователей в области логики [Venn 2015; Боброва 2020; Строгович 2021; Асмус 2021], лингвистики и семиотики [Wittgenstein, Russel 2010; Стрельцов 2017, 2020; Кобозева 2021], риторики [Aristotle 2010; Басовская 2004; Палехова 2020], психологии общения [Gardiner 2008; Хомский 2021], когнитивной психологии [Balota, Marsh 2004; Лакофф, Джонсон, 2021], а также исследователей тех областей, где вопрос и ответ выступают в качестве элементов прикладной техники: педагогики, юриспруденции, социологии, медицины и т. п. Интерес к вопросу и ответу заключается, по всей вероятности, в том, что они всегда сопровождают познавательную деятельность человека. Дети исследуют окружающий мир в значительной степени с помощью вопросов. Взрослые задают вопросы себе и друг другу вне зависимости от возраста, пола, вероисповедания, принадлежности к тому или иному социальному классу. Вопросы взрослых, в отличие от вопросов детей, как правило, намного серьезнее, сложнее и точнее. И чем серьезнее, сложнее и точнее вопросы, тем дальше они способствуют продвижению человечества по пути знаний.

Первые свидетельства «вопрошающего человеческого бытия» фиксируются в письменных памятниках культуры Древнего Египта, содержащих образцы вопрошания и пессимизма, обусловленных социальной катастрофой и крушением идеалов [Gethmann 1993]. «Эпос о Гильгамеше», памятник культуры Месопотамии (начало II тыс. до н.э.) также содержит интересные образцы дофилософского вопрошания [Эпос о Гильгамеше 2005]. В памятниках культуры

Древней Индии (между II и I тыс. до н.э.) содержатся: а) сомнения в существовании богов; б) постановка первых философских вопросов; в) столкновение мировоззренческих позиций в форме вопросов и ответов. В древнекитайской книге «Чжуан-цзы» (IV век до н.э.) ставятся основные аксиологические вопросы и формулируются ответы на них [Чжуан-цзы 2013]. Множество вопросов, содержащихся в тексте Библии – это герменевтические вопросы, об истине бытия [Библия с комментариями 2010]. В буддийской книге «Вопросы Милинды» (II век н.э.) предлагается первая классификация вопросов, которые различаются между собой характером ответов на них: первый тип – смысложизненные вопросы: на которые даются однозначные ответы; второй и третий типы охватывают знания о мире (на вторые отвечают с оговорками, на третьи – встречным вопросом); четвертый тип – метафизические: на которые отвечают отклонением вопроса [Вопросы Милинды 1989].

Проблема сущности вопроса и ответа была актуальна в античной греческой философии со времён её зарождения (VI век до н.э.). Протагор (484–411 гг. до н.э.) впервые выделил виды речи: 1) пожелание; 2) вопрос; 3) ответ; 4) приказ [Plato 2015]. Вопросно-ответный метод поиска истины занимал Сократа (463–399 гг. до н.э.). Ему принадлежит следующее рассуждение о смысле беседы и человеческого общения: «Для меня самое главное – исследование вопроса, хотя может случиться, что при этом мы исследуем и того, кто спрашивает, и того, кто отвечает» [Леви, Станиславский, Карнеги 1993: 240]. Другой философ античного мира – Платон (427–347 гг. до н.э.) – диалектиком называл того, кто умеет спрашивать и отвечать [Прытков, Ивлев, Симонов 2018]. Кажущееся, на первый взгляд, случайным включение собеседников в изучение проблемы вопроса и ответа обосновывает Аристотель (384–322 гг. до н.э.). Он пишет: «Речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается» [Аристотель 1998: 762]. Таким образом, Сократ и Аристотель первыми отнесли говорящего и слушающего к составляющим самой речи, предвосхитив тем самым многие положения современной лингвистики, и, в частности, прагматического подхода к исследованию речи, который «неизбежно

включает человеческий фактор в анализ тех или иных свойств текста» [Макаров 1987: 47]. Заслугой Аристотеля является причисление вопроса и ответа к видам речи и описание случаев уместного употребления вопросов и ответов с целью оказания желаемого воздействия на собеседника, или, говоря языком лингвистической прагматики, получения необходимого перлокутивного эффекта [Searle 1976].

Средневековая философия также сохранила интерес к проблематике вопросов и ответов, например, Р. Декарт анализировал логическую структуру вопроса и его познавательные функции [Descartes 1984]. Ему принадлежит следующее, весьма важное для анализа вопросов замечание: «Во-первых, во всяком вопросе должно быть налицо некоторое неизвестное, ибо иначе вопрос бесполезен; во-вторых, это неизвестное должно быть чем-нибудь отмечено, иначе ничто не отправило бы нас к исследованию данной вещи, а не какой-нибудь другой; в-третьих, вопрос должен быть отмечен только чем-нибудь известным» [Леви, Станиславский, Карнеги 1993: 268].

Авторы логико-философских работ также изучают вопросы и ответы, см. например: [Ингарден 1999], Я. Хинтиikka [Хинтиikka 1974], Н. И. Жинкин [Жинкин 1955], П. В. Копнин [Копнин 1957], В. В. Заботин [Заботин 1961] и др. Так, в понимании Б. Больцано, Х. Зигварда и И. Эрдмана вопрос – это «вид суждения, имеющий ту же субъектно-предикативную структуру, но направленный на получение каких-либо новых сведений». Б. Больцано приравнивает вопрос к суждениям типа: «Я желаю получить сведения о том-то» [Заботин 1961: 68]. В постановке проблемы вопроса здесь обнаруживаются некоторые недостатки, а именно: при подчеркивании общности вопроса и суждения, принижается специфика вопроса [Заботин 1961: 68]. П. В. Копнин, исследуя формы выражения суждения в языке, выделяет три вида суждений: 1) суждение-вопрос (вопросительное предложение); 2) суждение-побуждение (побудительное предложение); 3) суждение-сообщение (повествовательное предложение). Цель суждения-вопроса, представляющего интерес для данного

исследования, состоит «в стремлении говорящего выяснить нечто, побудить собеседника или себя к сообщению и развитию мысли» [Копнин 1957: 306].

При сравнении вопроса с суждением можно отметить как сходства, так и различия между ними. В вопросе, как и в суждении, содержится определённая информация о мире, однако она составляет лишь предпосылку, а не основное его содержание. Следовательно, вопрос содержит: 1) исходную информацию о мире; 2) указание на недостаточность данной информации; 3) необходимость дальнейшего восполнения информации. Исходная информация о мире представлена в вопросе в сокращённой или свернутой понятийной форме. В вопросе фиксируется неполнота знания и движение мысли, направленное на её устранение [Заботин 1961: 69–70].

Появление *эротетической логики* (интеррогативной логики) позволило сделать дополнительный акцент на изучении вопроса. «Эротетическая логика – раздел современной символической логики, исследующий логико-семантические свойства вопросительных предложений» [Краткий словарь по логике 1991: 25]. Эротетическая логика – «есть комбинация логики значения с логикой требования» [Хинтиikka 1974: 304], демонстрирующая родство вопроса с суждением и, что немаловажно для нашего исследования, определяющая его специфику.

При изучении вопроса следует обратить внимание на ответ, так как он вызван вопросом и является его своеобразным результатом. Ответы с точки зрения логики также представляют собой суждения, поэтому «правомерно изучение логики ответа как суждения, осуществляемого под влиянием вопроса» [Заботин 1961: 74].

Рождение новых мыслей происходит лишь тогда, когда возникает вопрос. Вопрос – это форма мысли, в которой отражение действительности находится в процессе движения и становления. В вопросе некоторое имеющееся знание содержится на втором плане, в свернутом неполном виде. Целью вопроса является получения новой информации, которая может быть представлена в виде ответа. Ответ на поставленный вопрос выражает новое суждение, восполняющее недостаточную исходную информацию.

1.2. Диалогическое единство *вопрос-ответ*:

лингвистический аспект

Язык является средством коммуникации, в процессе которой все реплики каждого её участника составляют его речевую партию. При изучении коммуникативного процесса, а именно, диалогической речи, акцент делается на анализ той единицы коммуникации, которая включает взаимонаправленные реплики говорящего и слушающего.

Прежде чем обратиться к интерпретации и анализу диалогического единства, необходимо уточнить, что мы имеем в виду под интерпретацией, а что – под анализом. Интерпретация широко распространена как в научной литературе в целом, так и в лингвистике в частности: «Интерпретация – истолкование, объяснение, перевод на более понятный язык» [БЭС 1999: 453]. В процессе интерпретации того или иного положения, текста, произведения интерпретатор «...всегда вносит в интерпретируемый материал некоторый личностный смысл, истолковывает его по-своему» [Краткий словарь по логике 1991: 69]. Что касается анализа лингвистических явлений, то под ним понимается «разделение объекта на составные части» [Там же 1991: 12].

В современной лингвистике при анализе единиц коммуникации исследователи предлагают такие термины как *диалогическое единство*, *диалогическое сверхфразовое единство* [Бузаров, Волоктин 2001], *минимальный диалог* или *минимальная диалогическая единица* [Баранов, Крейдлин 1992: 84–99], *диалогическая единица общения* [Чахоян, Паронян 1989: 67–75], *сложносочиненное предложение как минимальная модель текста* [Левицкий 1997], *речевой акт*, *коммуникативный акт* и *дискурсивный акт* [Кваскова 2016].

Впервые понятие диалогического единства было введено Н. Ю. Шведовой, которая определяет его как коммуникативную единицу диалога, состоящую из сочетания реплик, взаимообусловленных семантически и структурно. Все реплики диалогического единства направлены на раскрытие единой темы. По мнению Н. Ю. Шведовой, «диалогическое единство – это сложное синтаксическое единство, которое сходно по своим функциям со сложным предложением»

[Шведова 2003: 310], поэтому нижней единицей, близкой диалогическому единству, является сложное предложение, а верхней – текст. Минимальное диалогическое единство может составлять основу одного микродиалога, несколько диалогических единств, соответственно, способны образовать макродиалог. Диалогическое единство – это поликоммуникативная единица, включающая самостоятельные высказывания, обладающие относительной смысловой и структурной завершенностью.

Исследователь А. И. Волоктина придерживается структурно-содержательного подхода и предлагает два термина для обозначения единицы диалогического текста: 1) диалогическое единство; 2) диалогическое сверхфразовое единство [Волоктина 1990: 52].

По мнению исследователя, отдельная реплика является частью диалогического единства – двух и более реплик, тесно связанных между собой формально-содержательными связями. Диалогическое единство состоит из стимулирующей и реагирующей реплик, с определённым соотношением типов предложений, синтаксических и лексических связей, употреблением временных форм, актуальным членением и т. д. Диалогическое единство обладает коммуникативной целостностью, коммуникативной интенцией, логико-семантической соотнесенностью [Волоктина 1990: 50; Макарова 1991: 23–28]. Что касается разрядов диалогического единства, то к ним относятся, например, *вопрос – ответ, вопрос – контрвопрос, побуждение – вопрос, побуждение – повествование, повествование – побуждение* и т. д. Основными признаками более крупной единицы – диалогического сверхфразового единства – являются: 1) смысловая завершенность, разработка одной темы (смена темы служит сигналом начала другого сверхфразового единства); 2) коммуникативная интенция, реализуемая как коммуникативная перспектива текстового фрагмента; 3) автосемантичность одной стимулирующей реплики, являющаяся пограничным сигналом сверхфразового единства (выражается, как правило, структурно полным предложением, это, например, местоименные или общие вопросы, побудительные предложения).

Нижней границей сверхфразового диалогического единства может быть диалогическое единство, состоящее из двух-трех реплик. Верхнюю границу обозначить сложно, так как она обусловлена особенностями речевого поведения участников диалога, а также спецификой темы их разговора [Волоктина 1990: 55].

Наряду с предыдущим исследователем В. В. Бузаров утверждает, что диалогическая речь оригинальна не только в структурном, но и в функционально-семантическом отношении. Единицей диалогической речи он также называет *диалогическое единство*. Между репликами диалогического единства устанавливаются отношения «стимул – реакция», то есть каждая исходная реплика прямо и непосредственно порождает вторую ответную реплику и т. д. Структура и семантика первой инициирующей реплики в определённой степени провоцирует форму и содержание ответной реплики. Главную роль в диалогическом единстве выполняет реплика-стимул, и любая словесная реакция интерпретируется в связи с ней. Многие конструкции функционируют только в качестве ответных реплик, поэтому они становятся понятными только в связи с предшествующей репликой-стимулом [Бузаров 2001: 45]. Таким образом, диалогическое единство рассматривается как совокупность реплик, в котором вторая реплика по своему строению опирается на первую, структурно, формально и функционально зависит от нее и представляет собой единицу коммуникации.

Диалогическое единство также может рассматриваться как единица речевого общения и представляет собой речевое высказывание. Что касается связи составляющих компонентов диалогического единства, то они образованы отношениями присоединения [Торжок 2018: 211].

В качестве минимальной модели связного текста (в том числе диалогического) Ю. А. Левицкий предлагает рассмотреть сложносочиненное предложение, при этом сложносочиненное предложение характеризуется, с одной стороны, тесной связанностью компонентов, а с другой – неограниченностью распространения [Левицкий 1978: 3]. Сложносочиненное предложение является примером минимальной модели текста на основании следующих признаков: 1) сочетаемость двух и более предложений; 2) тесная смысловая связь компонентов

друг с другом; 3) способность к распространению (структура способна меняться в зависимости от характера компонентов) [Там же 1978: 3–10].

Следовательно, диалогическое единство представляет собой модель текста, обладающую определённой структурой. Здесь мы разделяем мнение Ю. А. Левицкого, утверждающего, что «проблема структуры текста является в настоящее время одной из центральных и многосторонних проблем лингвистики. Сюда входит целый ряд вопросов, связанных с семантической организацией текста, его логической структурой, средствами связи отдельных компонентов в единое целое и т. п.» [Там же 1978: 3]. Рассмотрим некоторые семантические средства связи диалогического единства *вопрос-ответ* как модели текста [Там же 1978: 11–30]:

1. Прямой повтор.

а. Повтор прямых наименований или повторное наименование одного и того же конкретного определенного референта:

– *What contacts have you in **Hong Kong**?*

– ***Hong Kong**? I have many friends in Hong Kong* [Christie A., AntConc].

– *Ты думаешь, что он не должен платить долги?*

– *Значит, у него были долги?* [НКРЯ].

– *She takes the **leading part** in this play, doesn't she, according to the posters?*

– *She takes the **leading part** in all my plays* [Christie A., AntConc].

б. Повтор заместителей:

– *So, you only love **people**, who hurt you?*

– *That's love, isn't it? That's how you know you love **them**, because **they** can hurt you* [Tremain R., AntConc].

в. Использование описаний:

– *Вы **игрок**?*

– *Просто **азартный человек*** [НКРЯ].

2. Парадигматическая замена.

а. Использование однокоренных слов со словоизменением:

– *Вы уже дважды были замужем. Собираетесь ли сделать это в третий раз?*

– *Если хочешь родить детей, то нужно выходить замуж или как? В этом мы похожи на животных. Сходимся, чтобы вместе растить детей [НКРЯ].*

б. Употребление разнокоренных слов (синонимы, антонимы, родо-видовые группы, часть – целое, одно семантическое поле):

– *You don't look so **bad**. How do you feel?*

– ***Swell** [Christie A., AntConc].*

– ***Nice** day, isn't it?*

– *Yes, indeed, it is **lovely** [Christie A., AntConc].*

– *Monsieur Poirot, the Prime Minister has **disappeared**.*

– *What?*

– *Yeah, He has been **kidnapped!** [Christie A., AntConc]*

Прагматика описывает единицы речи как некоторое материальное следствие речевого восприятия, выражающееся в физических и духовных действиях коммуникантов. Поэтому, прежде всего, необходимо различать два типа значения единиц речи: собственное и прагматическое. Собственное значение, по мнению В. Г. Гака, вытекает из общеязыкового значения компонентов высказывания [Гак 1982: 12–19]. Прагматическим является то значение, которое отражается в функциональной направленности самого высказывания. Например, собственное значение высказывания «*It's twelve sharp already*» – указание на время, тогда как прагматическим значением этого же высказывания, о котором подсказывают непосредственно условия процесса коммуникации, будет являться значение «*It's time to go*». Данный пример является яркой иллюстрацией того, что нередко прагматическое значение способно вытеснить собственное (прямое семантическое), что и дает основания для восприятия высказывания в его прагматическом аспекте. Всякое несобственное употребление языковых элементов дает возможность не только обозначить необходимое, но и выразить дополнительное содержание высказывания. Подобного рода высказывания, нередко называемые косвенными, широко употребляются в повседневной

разговорной речи, и причина их распространенности, кроется, по-видимому, в их исключительной емкости и экономичности.

Е. В. Падучева изучает прагматическую связь компонентов диалогического единства: реплики, связанные прагматически, объединены по иллокутивной функции, то есть, по выражению того или иного намерения коммуниканта [Падучева 1982: 307]. При отсутствии подобного рода связности возникают так называемые «аномальные» диалоги. Примером такого диалога со своеобразным взаимопониманием собеседников может служить известная в английском фольклоре история о жителе Уэльса, который следующим образом отвечал на вопросы англичанина, желавшего узнать дорогу в Кардифф:

- *Excuse me. Do you know the way to Cardiff, please?*
- *Yes, of course, I do.*
- *Could you tell me how to get there?*
- *Yes, I could.*
- *I mean, would you kindly show me the road?*
- *Yes, I would; there is no reason why I wouldn't...etc.* [Колшанский 1984: 140].

По этому поводу Л. П. Якубинский в своей работе «О диалогической речи» упоминает непопадание реплик в тон в диалогах людей, словно не слышащих друг друга:

- *Здорово, кума!*
- *На рынке была.*
- *Аль ты глуха?*
- *Купила петуха.*
- *Прощай, кума!*
- *Полтину дала* [Якубинский, эл. ресурс].

С точки зрения лингвистической прагматики в процессе коммуникации реплики направлены друг на друга и имеют определенную цель. Непрерывный поток последовательности реплик в речи расчленяется на определенные законченные единицы – отрезки интеракции, характеризующиеся определенной степенью разрешенности цели общения. Исследователи Л. П. Чахоян и

Ш. А. Паронян дали этой единице название *диалогическая единица общения* [Чахоян, Паронян 1989: 67–75]. «Диалогическая единица общения – это сцепление реплик со взаимонаправленными интенциями собеседников, которые реализуют определенный тип межличностного общения (интеракции), например, убеждение, просьба, выяснение, выпытывание» [Там же 1992: 86].

А. Н. Баранов и Г. Е. Крейдлин обращаются к изучению коммуникативной единицы диалога с позиции теории речевых актов и относят к ней *минимальный диалог* или *минимальную диалогическую единицу* – «последовательность реплик двух участников диалога – адресанта и адресата» [Баранов, Крейдлин 1992: 94]. В этом случае минимальный диалог характеризуется следующими особенностями: 1) реплики минимального диалога связаны одной темой; 2) минимальный диалог начинается с абсолютно независимого и кончается абсолютно зависимым речевым актом; 3) в пределах последовательности реплик минимального диалога все отношения иллокутивного вынуждения и самовынуждения выполнены; 4) внутри данной последовательности не существует отличной от неё последовательности, которая удовлетворяла бы условиям 1 и 3 [Баранов, Крейдлин 1992: 94]; 5) каждая коммуникативная единица обладает двумя сторонами – содержательной и формальной [Баранов, Крейдлин 1992: 86].

Взаимная заинтересованность обоих участников диалога в успехе коммуникации помогает равномерному распределению ответственности за неё между говорящим и слушающим. При такой коммуникации типична смена ролей в диалоге, поэтому часто в структуре диалогического единства возникают реплики, поддерживающие контакт, либо, наоборот, перебивающие монолог собеседника для уточнения фактов, возвращения к теме и так далее. Рассмотрим это на примере диалогического единства *вопрос-ответ*:

– *Remember Yugoslavia?*

– *Yes, Marcus.*

– *Montenegro.*

– *Yes.*

– *Those blue thistles.*

- *Umm.*
- *Our picnic suppers!*
- *Stale bread.*
- ***What?***
- *The bread in Yugoslavia always tasted stale* [Tremain R., AntConc].
- *What about Rogers?*
- ***What about him?***
- *Well, to my mind, Rogers seems pretty well ruled out.*
- *Indeed, and on what grounds?*
- *He hasn't got the brains for one thing. And for another his wife was one of the victims* [Christie A., AntConc].

Данные примеры иллюстрируют смену коммуникативных ролей при симметричной коммуникации. При смене ролей каждый из коммуникантов то повышает, то понижает свой коммуникативный статус.

Некоторые исследователи считают, что реплики диалогического единства помимо семантической обладают и другими видами связности: «Реплики в составе минимальных диалогов связаны не только семантически и синтаксически, но и... иллокутивно» [Баранов, Крейдлин 1992: 99]. «Связность в тексте проявляется не только на пропозициональном уровне, но и на прагматическом, а иногда лишь на прагматическом» [Дородных 1986: 14]. И.А. Кузнецов рассматривает имплицитную прагматическую связность в вопросно-ответных единствах и утверждает, что часто она строится по принципу «псевдо-иллокутивной вынужденности»: на уровне коммуникативной организации диалога имеет место прагматическая согласованность реплик, но, по сути, согласно глубинным интенциям участников коммуникации, истинное коммуникативное сотрудничество отсутствует [Кузнецов 2020: 138–144].

При анализе структуры диалогического единства Э. В. Харгистова причисляет его к вопросно-ответным текстам и подразделяет все вопросно-ответные тексты на два типа: 1) тексты с ответной репликой, формально соответствующей структуре вопроса (ответы изоморфной структуры); 2) тексты с

ответной репликой, не соответствующей структуре вопроса (ответы неизоморфной структуры) [Харгистова 1997: 99].

В связи с этим можно констатировать, что любой текст, в том числе и диалогический, организуется по двум принципам: 1) когезии (формального сцепления смежных высказываний); 2) связности (логико-семантической связи между высказываниями) [Дородных 1986: 14].

Совокупность реплик, в которой каждая последующая реплика зависит от предыдущей структурно, формально и функционально, называется *диалогическим единством*. В данном исследовании диалогическое единство *вопрос-ответ* интерпретируется как основная единица диалогического текста. В то же время оно обладает признаками, необходимыми и достаточными для характеристики текста в целом, поэтому также может быть рассмотрено и как модель текста.

Как известно, потребность в научном анализе возникает там, где наблюдается явное расхождение между сущностью и явлением. Расхождение собственного значения диалогического единства с его функциями в речи заставляет исследователей обращаться к прагматике [Гордон, Лакофф 1985: 276–302], так как именно данный раздел лингвистики нацелен на изучение коммуникативных категорий, в которых отражены различные компоненты речевого акта, и способов их выражения в языке. С помощью прагматического подхода и дискурс-анализа можно разграничить три понятия: 1) *речевой акт*; 2) *коммуникативный акт*; 3) *дискурсивный акт*.

Речевой акт – это элементарная единица коммуникации. Произнося высказывание в определённой ситуации общения, участник коммуникации совершает этим самым действие. *Коммуникативный акт* имеет более сложную структуру, включает речевой акт говорящего, восприятие его слушающим и непосредственно коммуникативную ситуацию. *Дискурсивный акт* – минимальная интерактивная единица, используемая сегодня для описания структуры дискурса и интерпретации процесса общения [Кваскова 2016: 146–147]. Последняя дефиниция представляет наибольший интерес для будущих лингвистических

исследований в связи с актуальностью изучения дискурса и, в частности, дискурсивных маркеров.

До сих пор не существует единой точки зрения в понимании объёма и границ основных коммуникативных единиц диалога: «Диалогическое единство, независимо от того, состоит ли оно из двух, трех или более реплик, представляет собой комплекс высказываний, взаимосвязанных не только в структурно-композиционном, но и в смысловом и функциональном отношении» [Фатхулова 2017: 73]. Описывая диалогическое единство и употребляя такие дефиниции, как единица коммуникации, единица диалогического текста, единица речевого общения, речевое высказывание, целесообразно применять функциональный подход, так как он предполагает исследование всех потенциальных свойств языковой единицы, то есть формирование её функционального потенциала. Каждая языковая единица наделена определенной функцией, назначением, целью. При этом в фокусе внимания оказываются не только семантические, но и эмоциональные, экспрессивные, стилистические, структурные функции [Бондарко 2004; Шустова 2013: 161–162].

Возможность существования изолированных высказываний вне какого-либо коммуникативного контекста практически исключена. В рамках диалогического единства *вопрос-ответ* языковой отбор несвободен, определен составом каждой предыдущей реплики структурно, содержательно и экспрессивно. Более того, не только сама реплика, но и момент её восприятия подготавливают состав следующей, ответной реплики. Вопрос и ответ как компоненты диалогического единства не просто сосуществуют, они взаимозависимы, и поэтому для их адекватного описания и классификации необходимо учитывать вербальное окружение, то есть контекст [Ирисханова 2014: 264]. Здесь необходимо отметить, что под контекстом понимается как «фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющийся непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста», так и «необходимое условие коммуникации», а также «объект изучения в лингвистике и одновременно инструмент исследования (например,

контекстуальный анализ семантики слова, ситуативно-прагматический анализ высказывания и т. п.)» [ЛЭС].

Диалогическое единство *вопрос-ответ* в современной лингвистике исследуется в рамках лингвистической прагматики, лингвистики текста и дискурс-анализа.

1.3. Категории вопросительности и информативности

Изучение компонентов диалогического единства *вопрос-ответ* предполагает обращение к двум основным категориям – *категории вопросительности* (интеррогативности) и *категории информативности*. Традиционно в лингвистике категория вопросительности рассматривается в структурно-семантическом аспекте. В центре внимания лингвистической прагматики находятся функциональный аспект данной категории, поэтому особый интерес здесь представляют косвенные речевые акты, в которых вопрос не связан с запросом информации, и большое значение приобретают условия коммуникации [Стрельцов 2017: 43]. А. В. Логинов делает акцент на антропоцентрическом подходе, утверждая, что под категорией вопросительности понимается функционально-семантическая категория, осмысление которой как важного межуровневого концепта обусловлено, прежде всего, влиянием человеческого фактора [Логинов 2012: 82]. Нам близка позиция И. Б. Сычевой, трактующей вопросительность как «языковую категорию, принципиально общую для всех языков мира, объединяющую в себе формальные, семантические, функциональные и прагматические признаки» [Сычева 2015: 282].

Вторая категория – категория информативности – продемонстрирована Л. Н. Мурзиным с помощью закона инкорпорирования. Л. Н. Мурзин поясняет возникновение и исчезновение новой информации следованием ремы за темой: «разворачивается то, что представляется актуальным в данный момент информационно важным, а свёртывается то, что перестало быть актуальным, что потеряло свою информационную значимость» [Мурзин, Штерн 1991:33]. А. Б. Козловская называет категорию информативности базовой содержательной категорией с многокомпонентной структурой и акцентирует роль контекста:

«Исследование категории информативности тесно связано с контекстной семантикой и должно также учитывать существование некоего глобального контекста, сопровождающего языковую коммуникацию [Козловская 2006: 45]. П. Р. Юзманов полагает, что, чем меньше сообщение несёт новизны и информативности, тем выше энтропия семантического и прагматического аспектов информации: «Качество информации зависит от её ценности: необычности, свежести, неожиданности. При этом ценность информации снижается, когда информация повторяется, и увеличивается, когда ее восприятие требует усилий» [Юзманов 2012: 52–53]. Что касается определения категории информативности, то здесь мы разделяем мнение В. И. Стативки, исследующей информативность как тексто-дискурсивную категорию, представляющую собой свойство текста / дискурса хранить и передавать информацию с учётом взаимодействия модулей дискурса: адресант, текст / дискурс, адресат, ситуация, контекст [Стативка 2019: 57]. Информативность может быть выражена эксплицитно или имплицитно, способ её выражения зависит от стиля, жанра и других условий дискурса.

В диалогическом единстве *вопрос-ответ* вопросительность и информативность реализуются как языковые, тексто-дискурсивные категории, объединяющие формальные, семантические, функциональные и прагматические признаки.

1.3.1. Классификация вопросов

Одним из основных положений лингвистики является положение о единстве мышления и языка, так как любой язык предназначен, прежде всего, для порождения и выражения мысли. «Связь языка с мышлением такова, что в целом не всегда легко провести грань между языком, на базе которого осуществляются процессы мышления, и процессами мышления, протекающими в языковых формах» [Кацнельсон 2001: 404–405].

В связи с этим при изучении конкретного языка стало важно принимать во внимание не только его языковую форму, но и условия коммуникации, включая её участников. «Одни и те же языковые средства, в зависимости от условий, могут

фиксировать разные мыслимые значения. Одна и та же мысль может быть высказана на разных языках. Это общее положение заставляет искать те конкретные языковые условия, при которых возникает полная определённости мыслимых значений, обеспечивающая взаимное понимание людей в процессе общения» [Жинкин 1955: 23].

Данные положения по-прежнему актуальны, поскольку попытки классификации вопросов могут быть различными в зависимости от параметров коммуникации. Под *классификацией* здесь мы понимаем «систему распределения каких-либо однородных предметов или понятий по классам, отделам и т. п., по определенным общим признакам» [КС].

Существует множество подходов к изучению вопроса в лингвистике, а также множество классификаций вопроса. Общепринятой точкой зрения на классификацию вопросов является их деление на два основных типа: общий и специальный. В основу данной классификации положены как формальный, так и семантический признаки. Общий вопрос характеризуется отсутствием вопросительных слов и содержит запрос о связи между носителем признака и признаком. Специальный вопрос, напротив, включает в свою структуру местоименное вопросительное слово или несколько таких слов и содержит запрос, направленный на получение информации конкретного предметного свойства.

По наличию или отсутствию в структуре вопросительных местоимений вопросы подразделяются на два вида: местоимённые и неместоимённые. Местоимённые вопросы рассматриваются как исследовательские, так как они «... требуют такого ответа, который расширяет знание вопрошающего, сообщает о том, чего не содержится в вопросе» [Петерсон 1940: 38]. Местоимённые вопросы иначе называются *подсказывающими*, поскольку их функция заключается в том, чтобы проверить то, что известно. Ответы на эти вопросы не расширяют знания собеседника, они служат для дальнейшего утверждения или отрицания.

Представляет интерес следующая классификация вопросов в английском и французском языках, широко применяемая в преподавании этих языков как иностранных. В её основу положен структурно-грамматический принцип.

1. Общий: *D'you know Constance Culmington?* [Christie A., AntConc]; *Tu viens donc d'une autre planète?* [de Saint-Exupéry A., AntConc].

2. Альтернативный: *You ain't sick or anything?* [Candler R., AntConc]; *Si j'ordonnais à un général de voler une fleur à l'autre à la façon d'un papillon, ou d'écrire une tragédie, ou de se changer en oiseau de mer, et si le général n'exécutait pas l'ordre reçu, qui, de lui ou de moi, serait dans son tort?* [de Saint-Exupéry A., AntConc].

3. Утвердительно-вопросительный: *Don't you think any of these lines will lead to anything?* [Christie A., AntConc]; *N'est-ce pas, que les moutons mangent les arbustes?* [de Saint-Exupéry A., AntConc].

4. Разделительный вопрос: *She is an angel, is she not? From Eden, by way of Sweden...* [Christie A., AntConc]; *Et si je connais, moi, une fleur unique au monde, qui n'existe nulle part, sauf dans ma planète, et qu'un petit mouton peut anéantir d'un seul coup, comme ça, un matin, sans se rendre compte de ce qu'il fait, ce n'est pas important ça?* [de Saint-Exupéry A., AntConc].

5. Специальный вопрос: *How long since you saw Taylor?* [Hammett D., AntConc]; *Pourquoi un chapeau ferait-il peur?* [de Saint-Exupéry A., AntConc].

6. Специальный вопрос к подлежащему: *What makes you act like that?* [Hammett «The Glass Key»]; *Sinon qui me rendra visite?* [de Saint-Exupéry A., AntConc].

Если взять за основу только синтаксическую структуру, то вопросы можно разделить на три группы: 1) общие; 2) альтернативные; 3) специальные [Падучева 1985: 236]. Я. Хинтиikka подразделяет вопросительные предложения по семантическому признаку на две группы: 1) вопросительные предложения со стандартной семантикой (выражающие вопрос); 2) вопросительные предложения с нестандартной семантикой (идиоматические предложения) [Хинтиikka 1974: 310]. Примерами предложений второй группы являются следующие виды

вопросов: 1) риторический вопрос; 2) вопрос-просьба; 3) вопрос-предложение; 4) вопрос-осуждение; 5) вопрос-переспрос.

Исследователь У. Леннерт также предлагает классифицировать вопросы по их семантическому содержанию.

1. Квантификационные вопросы: *Сколько это стоит? Как часто это происходит?*

2. Вопросы-возможности: *Как Вы смогли достать это? Как у Вас на всё это хватает времени?*

3. Инструментальные вопросы: *Как Вы сюда добрались? Как Вы дали ему знать об этом?*

4. Каузально-антецедентные вопросы: *Как это произошло? Как разбился этот стакан?*

5. Процедурные вопросы: *Как мне добраться до Вашего дома? Как Вы это сделали?* [Леннерт 1988: 270].

Список разрядов вопросов в семантических классификациях может быть весьма многочисленным и неоднородным, так как «все семантические наблюдения могут быть только субъективными» [Щерба 1957: 7–8].

Н. Ю. Шведова выделяет два вида вопросов на основании их семантической и прагматической связи с ответом: 1) переспрос-реакция на предшествующую реплику в диалоге; 2) цитатный вопрос-реплика-повтор; 3) стимулирующие вопросы. К обширной категории переспросов относятся реплики *что-*, *как-*, *почему-*, *откуда-*, *зачем-*. Реальный диалог редко строится путём чередования прямых вопросов и ответов. Между ними обычно появляются так называемые «рессорные реплики», которые часто оказываются избыточными. Обилие избыточных реплик объясняется тем, что они выражают по преимуществу эмоциональную реакцию собеседника, в то время как следующее за ней высказывание наделено собственно информативным содержанием. Разновидностью переспроса является цитатный вопрос, представляющий реакцию на предшествующее высказывание, из которого и происходит заимствование так называемых чужих слов. Наиболее простой тип цитатного вопроса – *что-вопрос* –

представляет собой обращённое к собеседнику требование продолжить, дополнить, уточнить, разъяснить, интерпретировать, довести до логического конца предыдущую реплику. *Что-вопрос* возникает в ситуации действительного непонимания или недопонимания, а также в ситуации недомолвки, намёка. Он не может быть оставлен без ответа. Цитатный вопрос составляет эмоциональную прослойку между вопросом и собственно ответом [Шведова 1956: 67–68].

Стимулирующие вопросы типичны для неофициального разговора, в котором выражаются мнения и предположения. Говорящий хочет получить на своё сообщение вполне определённый отклик, поэтому он сопровождает его стимулирующим вопросом, например: *Мой сын увлекается детективами, а твой?* О подобных репликах, завершающих сообщение, пишут Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев, называя их *контролирующими* [Булыгина, Шмелев 1982: 314–320]. Переспрос и стимулирующий вопрос могут быть использованы в речи для регуляции хода общения. Они побуждают собеседника к ответной реакции, тем самым продвигая разговор.

Особого внимания заслуживают риторические вопросы. Они часто рассматриваются в лингвистической литературе как разновидности вопросительных предложений. По мнению Н. И. Жинкина, риторические вопросы «обладают всеми признаками вопросительных предложений, но совершенно не содержат побуждения собеседника к ответу ... Риторические вопросительные предложения не требуют ответа, потому что они сами в себе содержат этот ответ в виде утверждающего или отрицающего сообщения» [Жинкин 1955: 23]. Т. А. Сергеева считает, что такие вопросы не побуждают к ответу, а призваны заострить внимание собеседника на передаваемой информации. Функция риторического вопроса – привлечь внимание, усилить впечатление, вовлечь в рассуждение [Сергеева 1991: 58]. Риторический вопрос можно отнести к утверждению, содержащему суждение о предыдущем высказывании. И, если он по своей сути не является вопросом, не содержит запроса информации о неизвестном и не требует ответа, то, следовательно, должен использоваться в каких-то иных целях. Коммуникативное задание риторического вопроса состоит

«в эмоциональном воздействии на партнёра по коммуникации с целью получения положительной или отрицательной оценки высказывания, предшествующего риторическому вопросу» [Сергеева 1991: 62]. В. А. Григорьев полагает, что такой вопрос семантически важен: «Риторические вопросы употребляются, в первую очередь, для передачи какого-либо сообщения, суждения-констатации, лишь подкрепляя его эмоциональным отношением говорящего» [Григорьев 1987: 36]. В качестве иллюстрации подобной функции риторического вопроса можно привести следующий пример: *Poirot laughed heartily. «Ah, you remember that? Alas! No ? science has not yet induced the hens to conform to modern tastes; they still lay eggs of different sizes and colours!»* [Christie A., AntConc].

Т. Д. Чхетиани относит риторический вопрос к языковым универсалиям и называет его «псевдо и лжевопросом, мнимым вопросом, предназначенным для получения очевидного ответа, нарочитым вопросом, намеренно поставленным о заранее известном факте, избыточным вопросом, вопросом с подсказанным ответом и т. д.» [Чхетиани 1987: 28]. Риторический вопрос – это «специализированный метакоммуникативный сигнал поддержания речевого контакта» и явно отличается от коммуникативных (или информационно-поисковых) вопросов. «Не вызывает сомнения десемантизация или переосмысление логического содержания, заключённого в риторическом вопросе», а его «побудительная семантика ...заключается в побуждении слушающего не к ответному, а респонсивному действию, то есть к получению не информации, а метаинформации (информации об информации)» [Чхетиани 1987: 28].

Проиллюстрировать употребление риторического вопроса можно следующим примером:

– *You remember, Hastings? Andover. The shop. We go upstairs. The bed room. On a chair. A pair of new silk stockings... You see? It is the same motif three times repeated. That cannot be coincidence* [Christie A., AntConc].

Риторический вопрос используется в диалогическом единстве как стилистическое средство для достижения большей выразительности и

привлечения внимания собеседника, «прагматическая направленность риторического вопроса основывается на авторской интенции повлиять на поведение другого участника диалогической интеракции, заставить его выслушать свою речь или даже изменить отношение к сказанному» [Шевченко 1990: 19].

Особого интереса в сфере классификации вопросов заслуживают работы О. Г. Почепцова и С. Ф. Гедз. О. Г. Почепцов, исследуя семантику и прагматику вопросительных предложений, предлагает их классификацию по типу интенции. Он сводит вопросы к двум классам: 1) локутивные – вопросы, конечная цель которых состоит в совершении акта языкового характера, или локутивного акта; 2) нелокутивные – вопросы, конечная интенция которых состоит в совершении акта неязыкового характера, или нелокутивного акта [Почепцов 1979: 19].

С. Ф. Гедз при изучении коммуникативно-прагматических особенностей высказываний с интеррогативным значением следует от их значения к форме и выделяет два способа выражения речевого акта «вопрос»: 1) прямой (с помощью использования вопросительных конструкций); 2) не прямой (использование невопросительных конструкций в функции вопросительных) [Гедз 1998: 3–5].

Мы считаем целесообразным рассматривать вопросы как компоненты диалогического единства по направлению от их формы к значению, учитывая их функциональное назначение, что даст нам возможность изучить как прямые вопросы, то есть вопросы по форме и содержанию, так и косвенные – вопросы по форме, но не по содержанию.

1.3.1.1. Прямой вопрос

К прямому вопросу мы относим такое высказывание, в котором его языковая структура совпадает с коммуникативной интенцией. Вопросительное предложение в прямом высказывании сохраняет значение запроса информации и проявляет иллокутивную силу вопроса. Иначе говоря, базисная иллокуция прямого высказывания, под которой подразумевается языковая структура, доминирует и совпадает с действительной иллокуцией, под которой подразумевается иллокутивная сила или прагматическое значение высказывания

[Шишкина 1983: 83–88]. Вопрос, выполняющий свою основную, первичную функцию – осуществление запроса информации, мы и называем собственно прямым вопросом:

– *Who are you and what do you want?*

– *I'm a private detective and want to talk to a man named Moose Malloy* [Candler R., AntConc].

Однако, в зависимости от ситуации общения, собеседник, обладающий информацией, может раскрыть её полностью, может частично, а может уклониться от ответа или промолчать. Степень раскрытия информации одним из собеседников зависит от его коммуникативной установки, которая является определяющей для прямого вопроса. По степени раскрытия информации общение может разворачиваться по двум типам – выяснению или выпытыванию.

В основу выяснения и выпытывания положен информационный поиск. Это означает, что собеседники стремятся получить определённую информацию в процессе общения. Информационным поиском и определяется конечная их цель – заполнение той или иной информационной лакуны. Инициатива поиска информации принадлежит одному из собеседников, который чаще всего первым начинает процесс общения. При этом он исходит из пресуппозиции о наличии у своего партнёра необходимой ему информации и его желания принять участие в процессе общения. Ответные речевые действия второго собеседника не менее важны, так как именно они определяют в дальнейшем развертывание речевого акта по типу выяснение или выпытывание [Чахоян, Паронян 1989: 67–72].

1.3.1.1.1. Выяснение

В выяснении процесс общения начинается с того, что инициатор общения делает запрос. Его партнёр, идентифицируя запрос, совершает конкретное речевое действие – информирование. При этом коммуникативные установки обоих собеседников совпадают: первый стремится получить информацию по интересующему его вопросу, а второй настроен на удовлетворение информационного поиска первого, например:

– *What's the time by your watch?*

– *Quarter to eight* [Christie A., AntConc].

Тем не менее, ответ может не удовлетворить инициатора запроса с точки зрения полноты информации. В таком случае он повторяет свой запрос, который, как правило, уже не является повтором первоначального вопроса, например:

– *What did this man look like?*

– *An ordinary sort of man. Nothing special.*

– *A gentleman – or a tradesman?*

– *Not a tradesman. A shabby sort of person. I can't remember* [Christie A., AntConc].

Повтор запроса, таким образом, направлен на заполнение пробелов в информации, упущенных или не учтённых в ходе информирования. В том случае, если некоторые моменты по-прежнему остаются неясными, собеседник – инициатор общения – вправе вновь и вновь осуществлять запросы.

1.3.1.1.2. Выпытывание

Выпытывание, как и выяснение, начинается запросом. Но здесь у одного из собеседников по какой-либо причине (как правило, экстралингвистического характера) отсутствует желание сотрудничать, и поэтому он уклоняется от ответа. При этом он может эксплицитно выразить своё нежелание отвечать на вопрос, используя в качестве ответа фразы типа: *I don't know, I don't want to talk about it, I haven't the least idea*. Иногда говорящий выбирает имплицитный приём отказа, предлагая своему собеседнику ответ, заведомо не содержащий запрашиваемой информации, или же просто переводя разговор на другую тему, например:

– *What's the matter with the woman?*

– *Let us start our breakfast. The eggs will be cold. Afterwards there are several matters I want to discuss with you all* [Christie A., AntConc].

Нежелание отвечать на поставленный вопрос может выражаться молчанием, то есть, своего рода отказом от вербального общения [Богданов 1986: 13]. В других случаях встречается ответ вопросом на вопрос, что также может демонстрировать нежелание раскрывать информацию. Так или иначе, цель

инициатора общения остаётся нереализованной. Поэтому часто в выпытывании весь процесс общения не приносит никаких плодов, например:

- *Harlington, how long has your uncle had that jar?*
- *How long? I really don't know.*
- *Think. Did he buy it lately?*
- *I don't know. I believe he did, now I come to think of it* [Christie A., AntConc].

В выяснении, напротив, запрашивающий информацию, как правило, удовлетворён результатом общения, и его коммуникативное намерение реализуется:

- *What was he doing?*
- *He was sitting in his car.*
- *What kind of car?*
- *A small red car.*
- *How long did he sit in the car?*
- *Not long.*
- *How long? Five minutes? Ten? A half an hour?*
- *Maybe half an hour* [Chase J. H., AntConc].

К исследованию выпытывания обращается К. Э. Кочарян, подчёркивая, что оно малоизучено. Он сравнивает выпытывание с квеситивом и говорит, что «коммуникативным заданием речевого акта выпытывание является получение речевой информации, от которой адресат уклоняется» [Кочарян 1986: 92]. Мы полагаем, что прямые вопросы – это вопросы, как по форме, так и по содержанию. Они осуществляют свою первичную функцию – запрашивают имеющуюся у собеседника информацию и встречаются значительно чаще, чем косвенные вопросы. Коммуникативная установка собеседника, обладающего информацией, определяет тип общения, который позволяет нам выделить разновидности прямого вопроса – выяснение и выпытывание. Рассмотренные нами примеры демонстрируют, что выяснение более распространено, чем выпытывание, что может быть вполне объяснено позитивным настроением собеседников на вербальное общение и желанием получить ожидаемый коммуникативный результат.

1.3.1.2. Косвенный вопрос

Прямой вопрос целесообразно изучать в сравнении с косвенным, поскольку такой анализ помогает выяснить, что такое косвенность и в чём она проявляется. Косвенность в высказывании проявляется в том, что оно, кроме базисной иллокуции – своего собственного значения, вытекающего из содержания самого высказывания, приобретает некий дополнительный смысл (действительную иллокуцию), который зависит от многих лингвистических и экстралингвистических факторов. В косвенном вопросе языковая структура высказывания – базисная иллокуция – не совпадает с коммуникативной функцией – действительной иллокуцией. Механизм порождения косвенного вопросительного высказывания состоит в том, что базисная иллокуция подавляется действительной. Основная сема (запрос информации) нейтрализуется реальной – прагматической семой: просьбой, приглашением и т. д. Это может достигаться при помощи различных индикаторов – интонации, модальных слов, модальных частиц и т. д. Данные индикаторы поддерживают действительную иллокуцию и дают ей возможность проявить ту или иную прагматическую сему [Шишкина 1983: 83–88]. Прагматическая сема косвенного высказывания – это его прагматическое значение или его способность производить эффект, не вытекающий непосредственно из семантики высказывания.

Интеррогативное значение вопроса твёрдо и навсегда закреплено за ним, на что указывает определённый структурный тип вопросительного предложения: его формально-грамматические элементы, вопросительные местоимения, особые частицы. Косвенные вопросы по своей сути являются нестандартными, и поэтому не должны быть включены в область описания грамматики и семантики. Следовательно, они входят в сферу исследования прагматики. «Научный аппарат, необходимый для объяснения косвенного аспекта в косвенных речевых актах, включает теорию речевых актов, некоторые общие принципы кооперативного речевого общения и общие фоновые знания говорящего и слушающего, а также способность слушающего к выводу умозаключений» [Серль 1986: 197].

В отличие от прямого вопроса, осуществляющего непосредственно запрос информации и тем самым выполняющего свою основную, первичную функцию, косвенный вопрос обладает иными коммуникативными функциями. Он передаёт иное содержание, чем то, о котором он реально сообщает. Говорящий передаёт это иное содержание, опираясь на общие фоновые знания слушающего, как языковые, так и неязыковые, а также на общие способности к рассуждению. Косвенный вопрос может выполнять такие коммуникативные функции, как, например, угроза, просьба, побуждение к действию и т. д.: *Ты меня понял?* (уточнение и угроза); *Тебе не надоел этот беспорядок?* (критика и побуждение к действию). Следующие примеры также иллюстрируют коммуникативные функции косвенного вопроса.

– *Won't you come back with us and have a quiet cup of tea, Mr Evans?* [Christie A., AntConc] – приглашение.

– *Won't you help me Nick? We used to be friends.* [Hammett D., AntConc] – просьба.

– *I hope you didn't wait for me. Am I late?* [Christie A., AntConc] – извинение.

– *I think Mrs Owen has been very lucky indeed.*

– *Owen? Did you say Owen?* [Christie A., AntConc] – переспрос, удивление.

– *How is Lady Clarke?* [Christie A., AntConc] – сочувствие.

– *There was something that I think I would like to tell you, M. Poirot.*

– *Certainly, m?lle. Sit down, will you not?* [Christie A., AntConc] – предложение.

Э. Ф. Телень утверждает, что вопрос многофункционален. Например, вопрос *«Как Вы готовили эту рыбу?»* может означать *«Я хотел бы узнать рецепт»*, то есть говорящий запрашивает конкретную информацию. С другой стороны, этот же вопрос можно интерпретировать как комплимент повару: *«Как вкусно!»*. Однако у данного вопроса может быть и ещё одно значение, если говорящий критикует или жалуется: *«Просто отвратительно»*. Как правило, ситуация общения и то, каким образом было произнесено высказывание, подсказывают слушающему правильное значение, и ответ будет зависеть от того,

как именно слушающий интерпретировал вопрос. Ниже предлагаются возможные ответы на вопрос, заданный выше:

– *Во-первых, я делаю X, а затем Y* (Повар даёт рецепт);

– *О, это очень просто!* (Повар признает комплимент);

– *Как? Вам не понравилось?* (Повар признаёт критику в свой адрес) [Телень 1991: 123].

Э. Ф. Телень предлагает следующую классификацию косвенных вопросов на основании их иллокутивной функции.

1. Жалоба или критика: *Где же Вы достали такую шляпу?* (Она ужасна).

2. Знакомство, представление людей: *Вы знаете друг друга?*

3. Приглашение: *Что Вы делаете завтра вечером?*

4. Предложение: *Ещё немного кофе для Вас?*

5. Приказ или инструкция: *Не могли бы Вы закатать рукав?* (доктор – пациенту).

6. Разрешение: *Не возражаете, если я закурю?*

7. Просьба: *У Вас минутки не найдётся?* (=Я хотел бы поговорить с вами).

8. Предложение: *А Вы пробовали сделать это по-другому?*

9. Выражение сочувствия: *Как Вы себя чувствуете сегодня?* (После перенесённой болезни).

10. Угроза: *А ремня не хочешь?* (Родитель провинившемуся ребёнку) [Там же 1991: 123].

Однако здесь Э. Ф. Телень отмечает, что «если даже вопрос применяется в не прямой своей функции, он всё же остаётся вопросом и поэтому обычно требует ответа» [Там же 1991: 125].

Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев выделяют иные типы косвенных речевых актов. По их мнению, вопросы могут употребляться в самых различных диалогических ситуациях, преследуя разные цели.

1. Контактостанавливающая функция – для возбуждения и поддержания внимания слушателя: *Знаешь, что я тебе скажу? Он просто глуп.*

2. Контролирующая функция – важна в так называемых «завершающих» сообщениях: – *Прошу стучать, если открываете дверь ночью, понятно?* – В *общих чертах* – да.

3. Метакоммуникативная функция – сигнализирует о внимании слушателя к принимаемому сообщению: – *Что Вы говорите? – Неужели? – Правда?*

4. Уточняющая функция – реплики типа *Правда? Неужели? Да что Вы?* не перестают быть вопросами и требуют ответной реакции собеседника: – *Да что Вы? – Уверю Вас* [Булыгина, Шмелев 1982: 314–320].

Следует отметить, что самая высокая степень косвенности проявляется в высказываниях, содержащих иронию, метафору, а также во фразеологических структурах [Герасимова 1985: 155; 1986]. Однако Дж. Серль утверждает, что косвенные речевые высказывания, метафора и ирония – абсолютно разные случаи расхождения между буквальным значением предложения и косвенным значением высказывания. Дело в том, что, употребляя косвенный речевой акт, говорящий хочет сказать нечто большее, чем он реально говорит. В результате в косвенном высказывании два значения – прямое и косвенное – сосуществуют. Употребляя в речи метафору, говорящий подразумевает некоторое иное значение высказывания – переносное. Метафора не может быть перефразирована, так как при любой замене часть её семантического содержания будет потеряна. И, наконец, в ироническом высказывании говорящий подразумевает противоположное тому, что он говорит. Следовательно, в иронии также проявляется переносное значение [Серль 1986: 195–222]. В связи с этим Г. Г. Почепцов утверждает, что в косвенных предложениях исходное, прямое значение не устраняется. Оба прагматических значения сосуществуют. Переносное, добавочное значение наслаивается на прямое, основное (*Can you open the door?*). Данный пример сочетает в себе значения и просьбы, и вопроса [Почепцов 1986: 46].

В целом косвенный вопрос способствует созданию приятной, вежливой атмосферы общения. Он широко употребляется в повседневной разговорной речи. «Причина распространённости и употребительности косвенных высказываний, по-видимому, объясняется их исключительной ёмкостью и экономностью» [Гак

1982: 17]. Косвенные вопросы актуализируют различные коммуникативные функции, а также могут запрашивать информацию [Богданов 1989: 12–18]. Они дают возможность не только обозначить, но и выразить то дополнительное содержание, которое вытекает не из собственного значения, а из ситуации разговора и знания собеседниками экстралингвистической действительности.

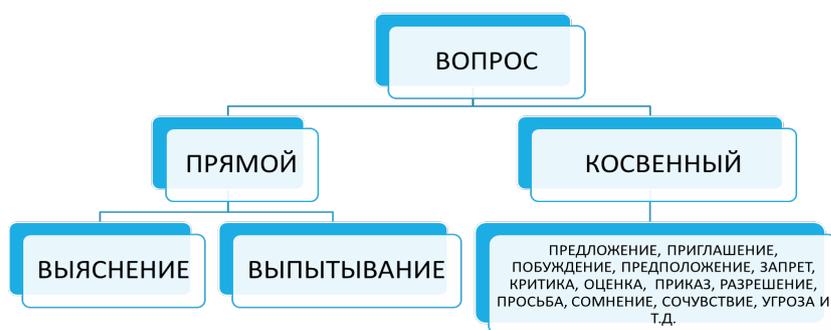

Рисунок 1. Классификация вопросов

Во-первых, исследование вопроса от его формы к значению позволяет рассматривать как прямые вопросы – вопросы по форме и содержанию, так и косвенные – вопросы по форме, но не по содержанию. Во-вторых, удалось обобщить важнейшие функции и разновидности вопросов. Первичной функцией прямых вопросов является запрос имеющейся у собеседника информации. К разновидностям данного вопроса относятся выяснение при позитивном настрое собеседника (более частотное) и выпытывание при негативном настрое собеседника (менее частотное). Специфика косвенного вопроса состоит в том, что базисная иллокуция не совпадает с коммуникативной функцией – действительной иллокуцией, иными словами, базисная иллокуция подавляется действительной. Косвенный вопрос выполняет разные коммуникативные функции: контактоустанавливающую, контролирующую, метакоммуникативную, уточняющую и т. д. В-третьих, анализ материала показывает, что прямые вопросы встречаются значительно чаще, чем косвенные.

Для более полного описания особенностей функционирования вопросов необходимо также учитывать вербальное окружение, в частности, ответ, чтобы иметь возможность анализировать более тонкие смысловые оттенки, понять которые можно только привлекая контекст.

1.3.2. Классификация ответов

Изучение диалогической речи с точки зрения теории языка, проблем перевода, методики преподавания часто происходит путем сопоставления вопроса как речевого акта с ответом, так как вопрос и ответ всегда ориентированы друг на друга, соотносятся как стимул и реакция и включены в состав реплик диалога. В данной работе предлагается выделить два типа ответа как наиболее вероятных речевых реакций: прямой и косвенный ответ.

1.3.2.1. Прямой ответ

Под прямым ответом мы понимаем ответное высказывание, содержащее информацию в строгом соответствии с семантическим характером запроса.

– *What month are we in? – September* [BNC].

– *Ay! Where ye going? – Going to work, sir. – Work! What work do ye work at? – Mr Alabaster's, a tailor, sir* [BNC].

Группа прямых ответов является самой многочисленной, так как именно благодаря ей возможно построение наиболее чёткого акта коммуникации с максимальным соответствием сформулированному П. Г. Грайсом принципу сотрудничества, заключающемуся в требовании делать свой вклад в речевое общение адекватным принятой цели и направлению разговора образом [Грайс 1985: 217]. Прямой ответ содержит в своей структуре точную, конкретную информацию, требующуюся собеседнику.

Представляет интерес следующая характеристика прямого ответа: «Прямой ответ на вопрос – это предложение, которое, будь оно истинным, говорит спрашивающему в точности то, что он хотел бы узнать, ни больше, ни меньше» [Белнап, Стил 1981: 125]. Здесь необходимо отметить, что лингвистическая предсказуемость ответной реплики может рассматриваться как с точки зрения её формы, то есть синтаксической структуры, так и с точки зрения семантического наполнения данной структуры. Однако даже в случае достаточной информативности и полной семантической адекватности ответной реплики мы часто наблюдаем её структурную непредсказуемость, что объясняется, по всей видимости, особенностями диалогического текста и лингвистической экономией:

«Эллипсис – одна из самых характерных черт диалогической речи и самый распространённый способ реализации принципа лингвистической экономии, активно действующего в языке, особенно в диалогической речи. Использование наиболее экономных способов коммуникации при сохранении достаточной информативности обусловлено двусторонним характером диалогического общения, сильной ситуативной зависимостью, употреблением наряду с вербальными невербальных средств передачи информации и выражения эмоций» [Бузаров 2001: 47–48]. Диалогическое единство *вопрос-ответ* обладает высокой степенью предсказуемости появления прямых ответных реплик.

Прямые ответы, как показывает наш материал, встречаются чаще всего и содержат конкретную информацию, которая необходима собеседнику:

– *What's the time by your watch? – Quarter to eight* [Christie A., AntConc].

– *Being young's no good. You've got to have S. A. – What is S.A.? – Sex appeal* [Christie A., AntConc].

– *You have children? – Three sons, two daughters, one expected. And you? – Not yet. Not married* [Francis D., AntConc].

1.3.2.2. Косвенный ответ

Под косвенным ответом мы понимаем ответное высказывание, не содержащее информацию в соответствии с семантикой вопроса и, соответственно, демонстрирующее иную функцию в коммуникации. О.К. Ирисханова при исследовании проблемы косвенности называет подобного рода коммуникацию *имплицитной* или *непрямой*. Она используется в любых дискурсах и передаёт то, как человек концептуализирует окружающий его мир [Ирисханова 2014: 262–264]. Существенную роль в косвенных речевых актах, построенных на затемнении намерений говорящего, играет *дефокусирование* как сознательное выведение из фокуса внимания и подавление тех свойств объектов и событий, которые обычно выделяются в соответствии с языковой и прагматической нормой [Там же 2014: 251, 266]. К разновидностям косвенного ответа мы относим: 1) ассоциативный ответ; 2) уклончивый ответ; 3) умолчание; 4) молчание.

1.3.2.2.1. Ассоциативный ответ

В ассоциативном ответе не представлена точная информация о запрашиваемом событии, факте, субъекте и т. п., предлагаемый ответ неточен. Данный вид ответа не имеет ярко выраженной семантической связи с вопросом. Ассоциативные ответы основываются на подтексте, аналогии, опыте собеседников, и в них требуемая информация содержится имплицитно [Вохрышева 1990: 111]:

– *You like Nick a lot, don't you, Nora? – He's an old Greek fool, but I'm used to him* [Hammett D., AntConc].

Maurice: You came to look for me? Bertie: Isabel was a little uneasy [BNC].

– *Where is Mr Davidson? – He'll come presently if you want him* [BNC].

В данном случае в ответе на вопрос не представлена точная информация о предполагаемом событии, ответ «размыт», неточен.

Ассоциативные ответы значимы для диалогической речи. Они делают диалог более вариативным, интересным, придают ему динамику, создают определённый эмоциональный фон. Подобные ответы могут способствовать смене темы разговора. Кроме того, они подчеркивают творческий характер диалога. В процессе общения собеседник вынужден обрабатывать косвенную информацию, которая содержалась в ассоциативном ответе. Его партнер, в свою очередь, старается по мере возможностей удовлетворить основное требование к ответу, а именно – быть информативным, не терять логической связи с вопросом и учитывать объективные и субъективные условия. В действительности, в ответной реплике не всегда есть соответствующий запросу семантический аргумент и, соответственно, коммуникация не всегда строится с учетом «принципа сотрудничества» Г. П. Грайса [Грайс 1985: 217–237]. Мы разделяем позицию исследователя и в качестве примера реализации данного принципа предлагаем следующее диалогическое единство *вопрос-ответ*:

– *Вы хотели, чтобы ваш сын Андрей стал актером? – Видите ли, актерская жизнь – штука непростая. Я видел много несчастных судеб детей артистов. Моей задачей было открыть сыну мир. Я дал ему все, что мог: он*

окончил музыкальную школу, занимался теннисом, балетом. Андрей сам никогда не хотел быть актером. Сейчас ему двадцать шесть лет, и он является членом московской коллегии адвокатов [НКРЯ].

Преимущество ассоциативных ответов заключается в том, что они являются отражением образного стиля мышления, который проявляется в неординарности диалога. Ассоциативные ответы встречаются достаточно часто, что, очевидно, связано с интеллектуализацией общения, увеличением тем разговора, а также с необходимостью компрессии содержания диалога. В качестве иллюстраций ассоциативных ответов мы предлагаем следующие примеры:

– *Where is she? – She’s dead. She was a good kid, but she’s dead, copper. Beat it* [Candler R., AntConc].

– *Where’s Opal? – She’s laying down. She’s not feeling good* [Hammett D., AntConc].

– *Where’s Mr Lombard? – Gone to test some theory or other. He’ll be back in a minute* [Christie A., AntConc].

– *Well, what do you want? – Your car has been stolen* [Chase J. H., AntConc].

1.3.2.2.2. Уклончивый ответ

Уклончивый ответ часто возникает по причине нежелания собеседника отвечать на вопрос или из-за стремления сменить тему разговора. Отличие уклончивого ответа от ассоциативного заключается в том, что здесь отсутствие эксплицитной информации обусловлено сознательным её сокрытием: *Miss Thompson: You, low-down skunk, what have you been saying about me to the governor? Mr Davidson: Won’t you be seated, Miss Thompson? I’ve been hoping to have another talk with you* [BNC].

Уклончивый ответ может быть выражен встречным вопросом полемического характера с целью поставить собеседника в тупик, уйти от нежелательной темы разговора, прервать беседу, выиграть спор и т. д.: *Mrs Ellis: Did you have a happy childhood, Arnie? Arnie: Did you? Mrs Ellis: No: I’m asking you. I bet you were a model child. Arnie: I was* [BNC].

По частотности употребления уклончивый ответ стоит на втором месте после прямого ответа. Он важен для развёртывания речевого контекста, так как стимулирует интерес собеседника, вынуждая его задавать новые вопросы. Кроме того, уклончивый ответ может стать своего рода сигналом для смены темы разговора или его прекращения.

1.3.2.2.3. Умолчание

В данном случае один из коммуникантов ссылается на недостаточность или полное отсутствие информации по данному вопросу, используя, например, следующие конструкции: *I don't know*, *I haven't the list idea*, *I know no more than you* и т. п. Частотность их употребления невелика, так как такого рода ответы, как правило, обрывают беседу:

– *Just now you talked of persecution. Why should Owen Griffiths want to persecute you? – I don't know.* – *Have you ever done him an injury? – Never.* [BNC].

Термин умолчание (умалчивание) встречается в работах В. В. Богданова, который характеризует его как намеренное несообщение какой-либо ожидаемой адресатом информации [Богданов 1986: 17]. Базовым элементом умолчания является неопределённость, что позволяет интерпретировать его как смысловой пропуск, эллипсис, подтекст, эвфемию, ложь и т. д. При умолчании происходит опосредованная передача информации, базирующаяся на семантической неполноте, неопределённости языковой единицы, употреблённой на месте ситуативно заменяемой; семантика умолчания определяется в этом случае как недосказанность [Сеничкина 2002: 135].

Умолчание важно для развёртывания речевого контекста, оно стимулирует интерес собеседника, вынуждая его задавать новые и новые вопросы. Оно может быть выражено в форме встречного вопроса полемического характера с целью поставить собеседника в тупик, уйти от нежелательной темы разговора, прервать беседу, выиграть спор и т. д. Кроме того, умолчание может служить сигналом для прекращения разговора. Что касается прагматических функций, выполняемых умолчанием, то оно способно заинтересовывать, приукрашивать, вводить в заблуждение, создавать условия для творчества и т. п. Умолчание обладает

свойствами прагматического характера, а именно: 1) вторичностью средств выражения; 2) распределённостью между различными языковыми средствами (нелокализуемостью в какой-либо одной единице); 3) сплетенностью прагматического значения с семантической информацией [Сеничкина 2002: 137]. Так как для умолчания характерна семантическая неполнота, то информация в нем может передаваться опосредованно, например:

– *She is an angel, is she not? From Eden, by way of Sweden... – Poirot, go to the devil!* [Christie A., AntConc].

– *Where's the judge? – That's odd...Thought he came up with us. – So did I...What about it, doctor, you came up the stairs behind me? – I thought he was following me* [Christie A., AntConc].

Следующие примеры иллюстрируют употребление различного рода конструкций, которые являются ядерными средствами выражения семантики умолчания:

– *Paul in? – I don't know. We just got in* [Hammett D., AntConc].

– *What can you tell me about the dead girl, Miss Merrion? – Nothing. Absolutely nothing* [Christie A., AntConc].

Частота употребления умолчания достаточно высока, что, очевидно, связано с тем, что оно помогает стимулировать интерес собеседника, вынуждает его задавать новые вопросы или менять тему разговора.

1.3.2.2.4. Молчание

В ряде случаев процесс вербальной коммуникации прерывается молчанием одного из коммуникантов, который предпочитает не поддерживать процесс общения по какой-либо причине, носящей, как правило, экстралингвистический характер. Иногда оба собеседника, обладающих даром речи, предпочитают хранить молчание. Такого рода молчание, по мнению В. В. Богданова, может быть коммуникативно значимым, то есть, может выполнять определённую знаковую функцию в вербальной коммуникации; ученый причисляет молчание к нулевым речевым актам и полагает, что лингвистическому анализу можно подвергать только коммуникативно значимое молчание [Богданов 1986: 15].

Очевидно, что молчание как речевой акт многозначно, и его значение может быть определено только условиями конкретного речевого акта:

– *Eh bien, Hastings? Are you sure now that delightful women always speak the truth? I did not reply* [Christie A., AntConc].

В отдельных случаях молчание может быть выражено графически, с помощью различных знаков препинания, например, «...», «???», «?!», «!!!»:

– *С чего начнем? С того, как я стал артистом? Мальчик из семьи физиков, маленького роста и невзрачной внешности – вдруг стал артистом? Как? Жил, жил – и стал. Знаете, как в старом анекдоте: «Как вы стали валютной проституткой? – Чисто повезло». – То есть вам «чисто повезло»? Никаких предпосылок к этому не было? – Мы на «ты» или на «вы»? Я забыл. – ??? – Про предпосылки плохо помню, давно это было. В детстве я любил ерничать, кривлялся много, вот и решил стать артистом. Родители меня не отговаривали, потому что это было бесполезно [НКРЯ].*

– *How do we know this is the lake he was speaking of? It is probably just any lake. What are those Indians saying to him? – ... – You can't say a word. You take everything on trust. You'll never see a monster. Only a fool would believe in it. Mr Beasley said nothing* [BNC].

Проблема молчания как полифункционального явления заслуживает серьёзного лингвистического исследования. В современной лингвистической литературе существует множество определений понятия *молчание*. С. В. Меликян делает акцент на исследовании молчания в разных лингвокультурных общностях, утверждая, что функции акта молчания заложены в сознании говорящих. Так, например, для финнов молчание является важной частью процесса общения. Молчать для них – это значит слушать, быть вежливым, проявлять внимание к собеседнику. Что касается русской коммуникативной культуры, то в ней прослеживается традиция высокой оценки молчания на фоне традиционно высокой коммуникативной активности русских, например [Меликян 2000: 47–52]: *Слово – серебро, молчание – золото; Кто молчит, тот двух научит; Кстати помолчать – что большое слово сказать; Доброе молчание чем не ответ?* и др. «Молчание – знак

согласия» – одна из самых известных русских поговорок. Это подтверждает существование в русском сознании стереотипа, суть которого сводится к тому, что молчание выполняет функцию выражения согласия, замещает слово «да». Однако С. В. Меликян утверждает, что молчание в русском общении – это скорее разногласие, а не согласие. Доказательством этого может служить наиболее часто осуществляемая в русском общении такая функция молчания как дисконтактная, то есть нежелание по каким-либо причинам поддерживать контакт с собеседником [Меликян 2000: 3–15]. Для исследования проблемы молчания представляет интерес анализ прагматических функций молчания. С. В. Меликян рассматривает функции молчания говорящего отдельно от функций молчания адресата. Функциями молчания говорящего являются следующие: 1) медитативная функция; 2) риторическая функция; 3) терминационная функция; 4) выжидательная функция; 5) эмотивная функция; 6) аттрактивная функция; 7) функция эмоциональной замены вербального общения. С. В. Меликян подчеркивает важность правильного понимания смысла возникшего молчания носителями языка и делает вывод о системности функций акта молчания, утверждая, что функции молчания заложены в сознании говорящих [Там же: 50–52].

Г. Г. Почепцов относит молчание к значащим строевым единицам языка и говорит о том, что оно «используется как принятый в данном сообществе знак, наделённый определённым содержанием и относительно однозначно интерпретируемый членами данного сообщества», а также признает существующую трудность в разграничении знакового и незнакового молчания [Почепцов 1986: 90].

С. В. Крестинский исследуя коммуникативную нагрузку молчания в диалоге, пишет о том, что молчание – это сложная коммуникативная единица, которая включает признаки знаковости и речеактовые характеристики, выражает разные психологические состояния, является маркером социального статуса [Крестинский 2011: 95]. В связи с тем, что в современной лингвистической литературе существует большое количество определений молчания, предлагается систематизировать подходы исследователей к данной проблеме в следующей таблице (таб. 1).

Таблица 1. Подходы к исследованию молчания

Исследователь	Определение <i>молчания</i>
В. В. Богданов [1986]	Нулевой речевой акт, заместитель вербальной реакции.
С. В. Крестинский [1989, 1993, 2011]	Силенциальный коммуникативный акт, сложная коммуникативная единица речи.
Т. Р. Копылова [2012]	Культурный знак, феномен общечеловеческой культуры, коммуникативная деятельность и коммуникативный акт.
Л. А. Лазутова, Е. Л. Левина [2017]	Концепт с характерными способами реализации с помощью вербальных и невербальных средств коммуникации.
С. В. Меликян [2000]	Пауза, акт речи, важная часть процесса общения, отличающаяся в разных лингвокультурных общностях.
Д. Б. Мухаметов [2012]	Феномен многоаспектного характера, значимый компонент русской культуры и литературы.
О. Е. Носова [2009]	Паралингвистическое средство, выступающее как стратегия или тактика речи.
Е. В. Падучева [1982]	Коммуникативный сбой.
Г. Г. Почепцов [1986]	Нулевой знак с определенным содержанием, интерпретируемый членами данного сообщества, речевой акт.
Н. И. Пушина, Н. В. Маханькова, Е. А. Широких [2015]	Результат коммуникативной неудачи, несовпадение коммуникативных намерений и отсутствие согласованности между партнерами.
С. И. Чехлыстова [2016]	Маркер конфликтного дискурса.
А. Jaworsky [2015]	Широкомасштабный концепт, коммуникативный феномен со множеством проявлений: лингвистических, дискурсивных, социальных, культурных, духовных, метакоммуникативных и др.

В нашем исследовании мы характеризуем молчание как атипичный, многозначный и полифункциональный речевой акт, значение которого идентифицируется в условиях конкретного контекста.

В проанализированных нами диалогических единствах молчание было передано посредством следующих конструкций: *He said nothing. She nodded. He shook his head and was dumb. I did not reply. He kept silence* и др.

Подобные средства выражения молчания можно проиллюстрировать следующими примерами:

– *Doesn't Arif understand? I'm working for him. For all the family. For the future. I'm working so that he need never work in a shop! You understand me, woman? Can't you understand? **She said nothing*** [Christie A., AntConc].

– *Eh bien, Hastings? Are you sure now that delightful women always speak the truth? **I did not reply*** [Christie A., AntConc].

– *How do we know this is the lake he was speaking of? It is probably just any lake. What are those Indians saying to him? You can't say a word. You take everything on trust. You'll never see a monster. Only a fool would believe in it. **Mr Beasley said nothing*** [Christie A., AntConc].

*I drove you home around 11 and left you. Will you remember that? It's a story they can't check. **She nodded**. It's simple enough, isn't it? **She had nodded dumbly**. And you mustn't tell anyone about the diamonds. No one. You understand that, don't you? **Again she nodded*** [Christie A., AntConc].

– *Помните его, сэр? – обратилась она к Картрайту. **Тот кивнул в ответ.***

– *Сэр Бартоломью обычно привозил его сюда, когда устраивал приемы [LCC].*

– *Так ты поедешь со мной в суд? Да или нет? В ответ **она молча кивнула головой и отвернулась*** [НКРЯ].

Частотность употребления молчания невелика, так как такой ответ, как правило, является причиной прекращения вербальной коммуникации. Хотя в отдельно взятых случаях молчание способно, напротив, стимулировать интерес собеседника.

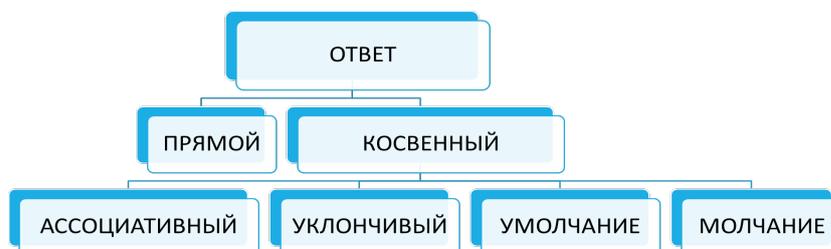

Рисунок 2. Классификация ответов

Основным фактором при определении молчания в лингвистических исследованиях является его коммуникативная значимость. Акт молчания – это сложная коммуникативная единица, которая способна выражать самые разные психологические состояния и быть маркером социального статуса субъекта.

Выводы по главе 1

Диалогическое единство является многоаспектным объектом современной лингвистики, при изучении которого затрагивается целый ряд вопросов, связанных с его дефинициями, структурой, употреблением, а также типами связи его компонентов.

Прототипическим конструктами диалогического единства являются вопросы и ответы, которые актуализируются в виде ряда разновидностей, разработанных автором (см. рис. 3).

Рисунок 3. Структура диалогического единства *вопрос-ответ*

Вопрос и ответ в составе диалогического единства связаны семантически, синтаксически и прагматически. Изучение вопроса и ответа является важным для теории и практики в самых различных областях жизни. В вопросе (1) имеется некоторое знание, которое содержится в свернутом виде, (2) при этом подчеркивается момент неполноты этого знания. Вопрос необходимо рассматривать в динамике

развития знания: с одной стороны, в зависимости логических структур вопроса от их предпосылок, а с другой стороны, в зависимости структур ответов от вопросов.

Целью вопроса является получения новой информации, которая может быть представлена в виде ответа. Ответ на поставленный вопрос выражает новое суждение, восполняющее недостаточную исходную информацию.

Вопрос и ответ представлены как категории философии, логики, грамматики, семантики и прагматики, обладающие большим функциональным потенциалом. Вопросительное предложение рассматривается как синтаксическая модель, в то время как под вопросительным высказыванием понимается единица речи, обладающая внешними смысловыми связями. Под вопросом также понимается «высказывание, имеющее целью побудить слушающего сообщить нечто неизвестное говорящему или представляемое говорящим как требующее выяснения» [СЛТ].

Кроме того, вопрос обладает иллокутивной целью и реализуется в речевых актах с различными коммуникативными функциями. Косвенные речевые акты дают возможность не только обозначить, но и выразить дополнительное содержание, которое вытекает из контекста и зависит от экстралингвистической информации. Представления о прагматической сфере в области языка сводятся к эффективности использования языкового выражения в плане воздействия речевого общения на поведение коммуникантов.

Обоснованием исследования прагматики вопроса и ответа служат классические положения теории речевых актов и лингвистической прагматики. Вопрос включает запрос информации и имеет прагматическое значение. Локутивное значение вопроса соотносится с референцией и смыслом. Иллокутивная сила вопроса как речевого акта влияет на его прагматическое значение. Вопрос и ответ являются наиболее часто встречаемыми элементами в диалогической речи, ставят коммуникантов в прямое взаимодействие и согласуются между собой по иллокутивной функции, то есть, прагматически.

ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ

2.1. Дискурсивный маркер как компонент структуры диалогического единства

В процессе функционирования языка возникли особые служебные единицы, которые в дальнейшем оформились во вспомогательную систему, способствующую развитию коммуникативного процесса. Данные единицы оказываются чрезвычайно важными в речевой коммуникации [Млинарува 2018: 5] и изучаются в современной лексикографии [ТССЧР]. История изучения дискурсивных маркеров насчитывает более полувека. Ещё в 1976 г. американский лингвист Р. Лангакер писал о некоторых «загадочных частицах» как об элементах, которые «рассыпаны по тексту как соль и перец для придания ему вкуса и аромата», «для создания особого языкового и стилистического эффекта» (*simply salt-and-peppered through a text to give it flavor; to make it sound like so-and-so language or so-and-so style within that language*) [Langacker 1976: 468]. Р. Лангакер был одним из первых в зарубежной лингвистике, кто отметил, что для понимания сущности подобных единиц необходимо выйти за пределы предложения, на уровень текста и дискурса.

В современной отечественной и зарубежной лингвистической литературе существует большое количество терминов для обозначения понятия *дискурсивный маркер* (см. таб. 2):

Таблица 2. Терминосистема *дискурсивный маркер*

	Термин	Автор термина
1)	дискурсивный маркер	Л. М. Болсуновская, Ю. А. Зеремская, Н. В. Дубровская [2015]; С. В. Когут [2014]; И. П. Массалина [2009]; К. М. Шилихина [2017, 2018]; Н. В. Богданова-Бегларян [2019]; Е. М. Мишиева [2015]; Е. М. Мурашкова [2014]; Шустова, Журавлева и другие [2020]; B. Fraser [1990]; A. Haselow [2011]; U. Lenk [1998]; D. Schiffrin [1987]; D. Blakemore [2004]; G. V. Bolden [2006]; G. Redeker [2006].

	Термин	Автор термина
2)	дискурсный маркер	М. В. Каменский [2015]
3)	дискурсивное слово	А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина [1993]; А. А. Зализняк, Е. В. Падучева [2010]; Е. Ю. Викторова [2014а]; Г. Н. Манаенко [2005]; Е. В. Атаева, Д. С. Малышева [2009]; К. Л. Киселева, Д. Пайард [2003].
4)	дискурсивная частица	А. В. Аверина [2018]; В. Д. Иванов [2019]; К. Aijmer [2013].
5)	Дикурсив	С. В. Андреева [2005]; Е. Ю. Викторова [2012, 2014]
6)	маркер паузы (pause marker), слово-оттяжка (mots suspensifs)	К. Ажеж [2008]
7)	макроконнектор	T. van Dijk [2009]; О. Н. Саркисян [эл. ресурс]
8)	коннектор, слово-связка (connective, connector, linker)	Н. А. Голубева, Е. В. Зуева [2017]
9)	слово-костыль, слово-опора (crutch word)	ABBYY Lingvo Live [эл. ресурс]
10)	словесный мусор	Б. Ю. Норман [2012]
11)	слово-приправа	В. М. Пророкова [1991]
12)	слово-заплата	В. М. Пророкова [1991]
13)	гибридное слово	П. А. Лекант [2013]
14)	вводное слово	Л. В. Щерба [1974]
15)	вводно-модальное слово	В. В. Виноградов [1986]
16)	модальное слово	Н. С. Валгина [2003]
17)	акцентированная частица (focus particle)	А. А. Кибрик, В. И. Подлеская [2009]; S. Yang [2012]
18)	вербальный хезитатив	Н. В. Богданова-Бегларян [2005]
19)	хедж, хеджинг (hedge/hedging)	Дж. Лакофф [1972]; Г. Ю. Цапро [2012]; О.К. Ирисханова [2012]
20)	речевой автоматизм	Е. Ю. Верхолетова [2010]
21)	текстовая скрепа	А. Ф. Прияткина Е. А., Стародумова [2015];
22)	прагматический маркер (pragmatic marker)	В. Fraser [1996]; D. Brinton [2003]; К. Aijmer [2009, 2013]; Н. В. Богданова-Бегларян [2018]

	Термин	Автор термина
23)	прагматическая частица, прагматическая единица (pragmatic particle)	J.-O. Östman [1981]; B. Fraser [2005]; Баженова [2007]
24)	Прагматема	Н. В. Богданова-Бегларян [2014]
25)	Compliment	M. Bierwisch [1983]
26)	начальные и конечные высказывания определенного жанрового типа	М. М. Бахтин [1979]
27)	компрессат междометного типа	И. Н. Сметюк [1994]
28)	Частица	М. К. Рамазанова [2017]
29)	прерыватель речевой цепи	К. Ажеж [2008]
30)	речевые формулы, речевые клише	О. К. Ирисханова [2012]
31)	коммуникатив, грамматическая идиома	И. А. Шаронов [2012, 2017]
32)	дискурсивная единица	Н. В. Богданова-Бегларян [2014]
33)	частицы-дискурсивы	М. П. Котюрова, Е. А. Баженова [2020]

Из вышеприведённого перечня терминов становится очевидным, что дискурсивные маркеры рассматриваются отечественными и зарубежными лингвистами с разных позиций; выделяются различные функции дискурсивных маркеров. Например, соединительная / связующая функция (текстовая скрепа, макроконнектор, коннектор, слово-связка и т. д.), разделительная (маркер паузы, слово-оттяжка, разделительный маркер, маркер прерывания, прерыватель речевой цепи и т. д.), функция дискурсного взаимодействия (слово-приправа, модализатор высказывания, дикурсив, прагматический маркер) и др. Дискурсивные маркеры обладают определённым набором функций, реализующихся в дискурсе. Терминологическая неоднородность в этом вопросе объясняется вариативностью подходов к изучению данного явления, различной интерпретацией их функций,

которые вытекают из разнообразия состава дискурсивных маркеров, их синкретизма и диффузности их значений.

Среди ранних попыток описания дискурсивных маркеров можно отметить работы зарубежных исследователей Я. О. Остмана (*you know*), Л. Шурупа (*well, oh, like, y'know*), Б. Эрман (*you know, I see, I mean*) [Östman 1981; Schourup 1985; Erman 1986]. В центре внимания Д. Шиффрин [Schiffrin: 1987] оказались несколько маркеров: *oh, well, and, so, but, now, then, like, I mean, y'know*, которые исследователь определяет как синтагматически зависимые элементы, разграничивающие единицы диалога, и которые связывают стоящие рядом высказывания. Д. Шиффрин убедительно доказывает, что дискурсивные маркеры функционируют на референтном, межличностном и экспрессивном уровнях дискурса, и предлагает определение дискурсивных маркеров, включающее их синтаксическую автономность, инициальную позицию, определённую интонацию, возможности функционирования на разных планах дискурса и полифункциональность, а также способность формировать связный целостный дискурс.

Подчеркивая значимость изучения дискурсивных маркеров, D. Schiffrin детально описывает, что может дать их анализ: «Discourse markers tell us not only about the linguistic properties (e.g., semantic and pragmatic meanings, source, functions) of a set of frequently used expressions, and the organization of social interactions and situations in which they are used, but also about the cognitive, expressive, social, and textual competence of those who use them. Because the functions of markers are so broad, any and all analyses of markers – even those focusing on only a relatively narrow aspect of their meaning or a small portion of their uses – can teach us something about their role in discourse» [Maschler, Schiffrin 2015: 205]. «Дискурсивные маркеры сообщают нам не только о лингвистических свойствах (например, семантическое и прагматическое значение, происхождение, функции) наиболее часто используемых выражений, и специфике социального окружения и ситуаций использования, но также и когнитивной, экспрессивной, социальной и языковой компетенции тех, кто использует

маркеры. Так как существует множество функций дискурсивных маркеров, любое их изучение – даже то, которое фокусируется на относительно узком аспекте их значения и вовлекающее небольшой объем материала – способно дать нам информацию о роли дискурсивных маркеров в дискурсе» (перевод наш) [Maschler, Schiffrin 2015: 205].

По мнению Ю. Ленк, дискурсивные маркеры – это единицы прагматического типа, имеющие структурирующую и организационную функции [Lenk: 1998]. Дж. Редекер даёт этим единицам следующее определение: это слова или фразы, которые привлекают внимание слушающего к тому, как связано последующее высказывание с непосредственным дискурсивным контекстом [Redeker 1991]. При этом Ю. Ленк считает, что к дискурсивным маркерам относятся только такие единицы, пропозициональное значение которых не совпадает с их прагматическим значением. По мнению Ю. Ленк, дискурсивные маркеры являются подклассом коммуникативных единиц, которые ассоциируются с вежливостью, отношением говорящего к своему высказыванию, сохранением своего лица, то есть функционируют на межличностном уровне дискурса [Lenk 2005].

Наряду с *дискурсивным маркером* некоторые лингвисты используют термин *прагматический маркер*. Так, К. Эйджмер предпочитает использовать термин *прагматический маркер* в случае, если маркеры имеют скорее прагматическую, чем дискурсивную функцию, например, маркируют иллокутивную силу высказывания или являются сигналом нового речевого хода. К. Эйджмер описывает функционирование прагматических маркеров в англоязычных текстах разного типа, в разговорной речи, а также в разных вариантах английского языка. Роль этих маркеров она изучает в рамках общей прагматической теории, в центре которой находятся пользователь языка и отношение между значением и контекстом. Прагматические маркеры, по мнению К. Эйджмер, рефлексивны по своей сути, так как отражают ментальные процессы говорящего, «комментируя то, что происходит у него в голове» [Aijmer 2013: 4]. Именно рефлексивность

прагматических маркеров объясняет их способность организовывать дискурс, обеспечивать его локальную и глобальную связность.

Прагматические маркеры по Б. Фрейзеру – это довольно широкий класс единиц, а дискурсивные маркеры существуют в нём как подкласс. При этом исследователь полагает, что прагматические маркеры лишены пропозиционального значения, всегда находятся в начале предложения, являются единицами не синтаксического, а прагматического плана, и выделяет четыре подкласса прагматических маркеров.

1. Основные маркеры, указывающие на тот тип сообщения, которое говорящий намеривается передать в следующем высказывании: *I promise that I will be on time.*

2. Маркеры-комментарии, содержащие комментарий и оценку содержания: *Fortunately, a police officer happened by;* оценку отношения к ситуации: *Frankly, Harry, I don't know what to do;* оценку достоверности содержания: *Certainly, Tom will go;* указание на источник информации: *Reportedly, the game was postponed because of rain.*

3. Параллельные маркеры, указывающие на сообщение, не связанное с основным высказыванием – маркеры выражения уважения: *Sir, you must listen to me;* маркеры управления диалогом: *well, now, ok – Ok, what do we do now?*

4. Дискурсивные маркеры, указывающие на отношение между фрагментом дискурса их содержащим и предыдущим дискурсом: *but, however, although, and – Anyway, let's give it a chance.*

Таким образом, к дискурсивным маркерам Б. Фрейзер относит только лексические выражения, демонстрирующие отношения исключительно между соседними высказываниями. Он считает, что в состав дискурсивных маркеров входят пять синтаксических категорий: сочинительные союзы (*and, but, or*), подчинительные союзы (*because, if, though*), предлоги (*despite, instead of*), предложные сочетания (*after all, for example, in general, on the other hand*) и наречия (*anyway, still, besides, however*) [Fraser 1996, 2005].

В работах К. Фишер мы находим иной подход к дискурсивным маркерам. По мнению исследователя, дискурсивные маркеры вместе с междометиями входят в состав класса дискурсивных частиц, а информация, передаваемая дискурсивными частицами, является символической. Например, если частица *well* функционирует как сигнал смены коммуникативных ролей, то следующее за ней сообщение является частью значения этой частицы [Fischer 1998]. Говоря о различии прагматических и дискурсивных маркеров, Я. О. Остман утверждает, что прагматические маркеры используются также как эмоциональные и культурно-ориентированные сигналы, в то время как дискурсивные маркеры больше ориентированы именно на структуру дискурса [Östman 1981].

Л. Шуруп также использует термин *дискурсивные частицы* (*spoken discourse particles*) и видит их роль в демонстрации различных ментальных процессов, в которые вовлечены говорящие в момент коммуникации. Он считает, что эти частицы отражают процесс скрытого, завуалированного мышления, которое проходит параллельно диалоговому взаимодействию [Schourup 1985].

По утверждению немецких исследователей M. Stede и B. Schmitz, дискурсивный маркер функционирует как элемент структуры диалогического дискурса: «when comparing spoken to written language, one soon notices the abundance (types and tokens alike) of “particles” in speech: The many occurrences of *well, oh, let’s see* and others are a typical dialogue phenomenon. At first sight, they seem to be innocent little words that contribute little to the propositional information conveyed; however, they do play important roles in steering the flow of the dialogue and in conveying various attitudes and expectations of the speaker». «По сравнению с письменным языком, можно заметить изобилие (схожих видов и признаков) частиц в речи: часто встречающиеся *well, oh, let’s see* и т. п. – типичное явление для диалога. На первый взгляд, они кажутся маленькими незначительными словами, которые вносят небольшой вклад в передачу пропозициональной информации; однако, в действительности они играют важную роль в направлении потока диалога и передаче различных отношений и ожиданий говорящего» (перевод наш) [Stede, Schmitz 2000: 125].

В основном теоретическое понимание сущности и функций дискурсивных маркеров в зарубежной лингвистике определено, поэтому многие исследователи, несмотря на использование разных терминов и разный объём передаваемых ими понятий, считают дискурсивные маркеры исключительно важными для коммуникации единицами, функционирующими на уровне организации дискурса и взаимодействия коммуникантов в нем.

Что касается отечественных исследований, то одно из первых косвенных описаний дискурсивных маркеров можно обнаружить в 8 главе поэмы «Мертвые души» Н. В. Гоголя, написанной в 1841 г., где классик детально характеризует речь своего персонажа-почтмейстера, называя при этом дискурсивные маркеры частицами: *«Почтмейстер ... был остряк, цветист в словах и любил, как сам выражался, уснастить речь. А уснащивал он речь множеством разных частиц, как-то: "судырь ты мой, эдакой какой-нибудь, знаете, понимаете, можете себе представить, относительно так сказать, некоторым образом", и прочими, которые сыпал он мешками»* [Гоголь 1985: 146].

При характеристике частей речи русского языка в работе классика отечественной лингвистики Л. В. Щербы мы находим рассуждения о том, что существуют некоторые слова и выражения, которые не подходят ни к одной категории, таковы, например, вводные слова, усилительные слова, некоторые союзы. При частеречной классификации они остаются в стороне [Щерба 1974: 77–100]. Мы полагаем, что современная лингвистика упомянутые Л. В. Щербой слова и выражения может причислить к исследуемому нами классу дискурсивных маркеров.

Периодом, когда отечественные лингвисты начали проявлять повышенный интерес к изучению дискурсивных маркеров, принято называть середину прошлого столетия: именно тогда произошёл коммуникативно-прагматический поворот в языкознании, предопределивший исследование подобных слов ввиду их большой распространённости, роли и места в коммуникативном процессе [Бригинская 2010: 19].

Существует множество определений дискурсивных маркеров. Словарь социолингвистических терминов предлагает следующее определение: *дискурсивные (дискурсивные) маркеры* – это «слова, фразы или звуки, которые не имеют реального лексического значения, но вместо этого обладают важной функцией формировать разговорную структуру, передавая намерения говорящих при разговоре» [ССТ].

И. Н. Сметюк при изучении коммуникативно-динамической единицы диалога называет её *компрессатом междометного типа*, обладающим формальной свободой выражения (от полного предложения до слова-предложения и междометия), а с содержательной стороны представляющим единство информативного и эмотивного блоков значения. Подобного рода термин – *компрессат междометного типа* – указывает на 1) содержательно компрессированный характер данной единицы; 2) эксплицитный эмотивный и имплицитный информативный блоки компонента ее значения; 3) возможность наполнения новым содержанием; 4) динамическую природу [Сметюк 1994: эл. ресурс]. Очевидно, что в свете современных лингвистических представлений коммуникативно-динамическая единица диалога *компрессат междометного типа* коррелирует с *дискурсивным маркером*.

Термин *дискурсивный маркер* соотносится с особым классом слов, принципиально важным свойством которых является их непосредственная связь с функционированием дискурса. Дискурсивные маркеры обладают уникальными формальными и прагматическими возможностями, их частотность довольно высока. Объём и границы дискурсивных маркеров варьируются от одного языка к другому. К дискурсивным маркерам можно отнести следующие группы слов: 1) союзы; 2) предлоги; 3) артикли; 4) местоимения; 5) наречия; 6) существительные, входящие в состав словосочетаний служебного характера [Массалина 2009: 211–217; ССЛА]. А. А. Кибрик добавляет когнитивный аспект в описание данного явления: «дискурсивные слова – это специальные слова, помечающие структуру речи, ментальные процессы говорящего, отражающие контроль над ментальными процессами адресата и пр.» [Kibrik 1992]. С помощью

дискурсивных маркеров можно отличить текст от «не-текста», так как они служат средством обнаружения взаимозависимости содержания отдельных отрезков. Они не выявляют, что сообщает текст, они определяют, как текст организован в семантическое целое [Массалина 2009: 212].

Дискурсивный маркер организует дискурс, выполняет прагматические функции, осуществляет маркирование определённых смыслов, передаёт дополнительную информацию интенциональной направленности. Дискурсивные маркеры относятся к незнаменательным словам, которые отражают не столько отношения между элементами описываемого в высказывании фрагмента действительности, сколько отношения между элементами структуры дискурса. Дискурсивные маркеры исследуются в качестве языковых элементов, регулирующих интеракцию между коммуникантами, активно изучается также их способность «вписывать», «встраивать» высказывание в контекст [Царенко, Шустова 2018: 45]. Термин *дискурсивные слова* не вполне удачен, потому что он говорит скорее о том, какие слова имеются в виду, а не о том, что обслуживают эти слова, и целесообразнее было бы использовать термин «дискурсивный маркер».

В. Д. Иванов, исследуя функционирование дискурсивных частиц в немецком языке, определяет дискурсивные маркеры как «обширный грамматический класс слов, которые участвуют в структурировании дискурса, обеспечении его связанности, цельности и логичности» [Иванов 2019: 31].

Отечественные исследователи Н. В. Богданова-Бегларян, О. В. Блинова, К. Д. Зайдес, Т. И. Попова, Т. Ю. Шерстинова при изучении функциональных единиц русской устной речи выделяют классы *прагматических маркеров* и *дискурсивных маркеров*. Различия между ними заключаются в следующем: дискурсивные маркеры порождаются говорящим сознательно, являются полноценными единицами любого дискурса и обладают лексическим и грамматическим значением, например, *теперь, снова, кстати, конечно, наверно, во-первых* и т. д. В отличие от дискурсивных маркеров, прагматические маркеры порождаются несознательно, на уровне речевых автоматизмов, лишены лексического, а зачастую и грамматического значения в тексте, например, *это*

самое, как его, скажем так, как бы, типа того и т. д. Общим для дискурсивных и прагматических маркеров является их способность в построении и структурировании дискурса. Если дискурсивные маркеры выражают сознательное отношение говорящего к предмету речи (например, вводные слова), то прагматические маркеры вербализуют лишь отношение говорящего к процессу речепорождения, включая все затруднения и колебания в ходе этого процесса [Богданова-Бегларян., Блинова и другие 2019: 5–6].

О.К. Ирисханова полагает, что дискурсивные маркеры возникают в результате *грамматикализации* [Ирисханова 2014: 214–224], а прагматические маркеры – *прагматикализации* [Там же 2014: 224–242]. Её позицию разделяет Н.В. Богданова-Бегларян, подчеркивая, что дискурсивные маркеры имеют устойчивую лексикографическую фиксацию, а прагматические маркеры практически не контролируются говорящим, их лексико-грамматическое значение ослаблено или отсутствует. Поэтому дискурсивные маркеры фиксируются некоторыми словарями русского языка (толковыми, служебных слов и т. д.), а прагматические маркеры находятся пока вне лексикографической фиксации [Богданова-Бегларян 2019: 14–15].

По мнению отечественного лингвиста Е. Ю. Викторовой, дискурсивные маркеры (дискурсивы) являются классом слов с уникальными формальными и прагматическими возможностями, с высокой частотностью употребления и транскатегориальным характером. Единственный критерий их выделения – функционально-прагматический. Существует особая сложная вспомогательная система дискурса, состоящая из взаимодействующих функциональных подсистем, которые, в свою очередь, формируют функционально синкретичное единство. Средства вспомогательной системы дискурса включают дискурсивные маркеры и направлены на организацию дискурса и речевого контакта, взаимодействия адресанта с адресатом [Викторова 2014б: 14–21].

Важным аспектом в исследованиях Е. Ю. Викторовой мы считаем изучение трех аспектов в возникновении дискурсивных маркеров: «состав дискурсивных единиц подвижен и нестабилен, он постоянно пополняется новыми единицами

главным образом за счёт основных единиц, переходящих посредством *грамматикализации, прагматикализации* и в некоторых случаях *лексикализации* в круг вспомогательных слов и оборотов» [Там же 2015: 376].

В целом анализ изучаемого явления позволяет утверждать, что как класс вспомогательных коммуникативных единиц дискурсивные маркеры обладают следующими признаками: гетерогенностью; подвижностью и нестабильностью; диффузностью; активностью процессов лексикализации, грамматикализации и прагматикализации; функционально-прагматическим синкретизмом; полифункциональностью; рефлекторной природой; значительной универсальностью употребления [Викторова 2014б; 2015]; когнитивной нелогичностью [Царенко 2019]; клишированностью [Згонникова 2014: 32–41; Карасик 2002: 420]; семиотической гибридностью [Ирисханова 2014: 232]; динамизмом [Голованова, Корсакова 2018: 237–238; Котюрова, Баженова 2020: 72; Мурзин, Сметюк 1994: 42].

В вопросе относительно статуса и признаков дискурсивных маркеров мы разделяем позицию Е. Ю. Викторовой и определяем *дискурсивные маркеры* как единый класс вспомогательных коммуникативных единиц, разнообразных по происхождению, морфологическому составу и синтаксической структуре, обладающих структурно-семантической спецификой и функционально-прагматическим потенциалом.

Дискурсивные маркеры функционируют в разных языках, жанрах и типах дискурсов и их прагматические функции актуализируются в контексте. Так как именно разговорная, повседневная речь особенно богата дискурсивными маркерами, играющими важную роль в регулировании потока диалога и передачи отношений и ожиданий участников коммуникации [Stede, Schmitz 2000: 125], мы обращаемся к исследованию дискурсивных маркеров в рамках двух основных компонентов диалогического единства – вопроса и ответа.

2.2. Пространство функционирования дискурсивных маркеров

В XX в. к изучению диалога обращались отечественные классики Ю. М. Лотман [Лотман 1996] и М. М. Бахтин [Бахтин 1996]. Обоих мыслителей,

прежде всего, объединяет общая предпосылка: они полагали, что диалог просто необходим, так как сознание без коммуникации невозможно. Между подходами М. М. Бахтина и Ю. М. Лотмана существуют значительные различия. Например, Ю. М. Лотман был больше сосредоточен на диалогическом обмене текстами, тогда как М. М. Бахтин говорил о диалоге с позиции обобщения. По Ю. М. Лотману, для диалога необходимо, чтобы одна из культур могла «построить» свой внутренний конструкт чужой культуры, с которым она и общается непосредственно: «безразлично, видит ли данная культура в «варваре» спасителя или врага, носителя здоровых моральных качеств или развращенного каннибала, она имеет дело с конструктом, построенным как её собственное перевернутое отражение» [Лотман 1996: 191]. Учёный одним из первых обратил внимание на факт развития диалога, на необходимость его оценки во времени, на неоднозначность характеристик диалога на разных стадиях его протекания. М. М. Бахтин относил к диалогу даже переписку ученых, которые никогда не встречались в реальности. Таким образом, перекличка идей М. М. Бахтина и Ю. М. Лотмана обладает некоторыми существенными чертами диалога: наличие единства темы, повторения, совпадения, полные и частичные, развитие старых идей и их приложения к другим сферам [Панова 2009: 60]. Французский лингвист Э. Бенвенист в своей работе «Общая лингвистика» также акцентировал внимание на важности изучения проблемы коммуникации и перспектив её исследования [Бенвенист 1974]. В современной теории коммуникации диалог рассматривается в сопоставлении с монологом, характеризуется как текст или дискурс, обладает особым статусом, характерной структурой, организацией и специфическими средствами связности.

В исследованиях М. Н. Кожиной диалог в научном тексте представляет собой «разговор с другим» упоминаемым лицом, идейными и теоретическими противниками и единомышленниками. Содержанием диалога может быть сопоставление или столкновение точек зрения по какому-либо вопросу [Салимовский 2013: 7–32]. Диалог, непосредственно связанный с рассуждением как формой речи, реализуется в научных текстах не только вопросительными

предложениями (в том числе риторическими вопросами), но и употреблением вводных конструкций и использованием иных структурных возможностей предложения. По характеру отношений между партнерами М. Н. Кожина выделяет следующие: вопрос-ответ; диалог-унисон; диалог-спор, переход к новой теме; побуждение – ответная реакция [Кожина 1986: 68; СЭС].

Л. Р. Дускаева в словаре-справочнике «Эффективное речевое общение» определяет *диалог* как форму речи, состоящую из регулярного обмена высказываниями – репликами между двумя и более говорящими. Диалог представляет собой сложную целостную структуру, состоящую в классическом случае из стимулирующей и ответной реплики, относящихся к основному сегменту диалогов, связанных жёсткими иллокутивными отношениями (например, вопрос – ответ, приказ – выражение согласия и т. п.). Однако в реальном речевом общении выделяется не только первичная, но и вторичная интенция, возникающая под влиянием ситуации и / или контекста. Поэтому в синтаксисе реплик могут наблюдаться самоперебивы, незаконченные фразы, повторы, вставки [Дускаева 2014: эл. ресурс]. Подобным естественным для диалога явлением С. Ю. Тюрина называет *прерывание* (interruption) – рассогласованием речевых ходов / шагов – противоположное контакту и приводящее к нарушению речевой коммуникации, а также *одновременное говорение* или *накладывание реплик* (overlapping), которое можно отнести к стратегии поддержания течения диалога [Тюрина 2018: 221–222].

Итак, в качестве специфических характеристик диалога мы выделяем следующие его черты: свернутость, сжатость текста (как результат генетической связи с внутренней речью); цельность; способность к смысловому развертыванию; процессуальная, динамическая природа [Сметюк 1994: эл. ресурс]; тематическая связанность; функциональная связанность; информативность; гибкость и изменчивость интенции; непредсказуемость развёртывания [Дускаева 2014: эл. ресурс]; направленность на слушающего; политемность; значительная лаконичность; эмоциональная окрашенность;

ситуативность; спонтанность; отсутствие строгой организации; экстралингвистичность.

Разработка теории диалога, а также осуществление системных практических изысканий в этой области являются трудоёмкими и практически непостижимыми, так как «открыть сущность диалога, найти разгадку его тайн – значит постичь сущность человека в его разнообразии» [Демьянков 1991: 36–37].

Важным понятием в изучении диалога является дискурс, представляющий собой объект междисциплинарного изучения. В широком смысле дискурс выступает синонимом слов *разговор, диалог, беседа*. Одним из первых терминов *дискурс* ввел в 1943 г. лингвистический обиход бельгийский лингвист Э. Бюиссанс: «Я предлагаю называть дискурсом то, что предстает в речи функциональной частью, и ввести это понятие как средний термин в оппозицию «язык – речь» [Бюиссанс 2016: 213]. Далее, характеризуя дискурс, исследователь делает акцент непосредственно на самой коммуникации, утверждая, что дискурс – это речевое произведение, которое возникает каждый раз, когда мы говорим [Бюиссанс 2016: 213].

А. А. Кибрик подчеркивает наличие и единство двух сущностей в дискурсе – процесса языковой коммуникации и получающегося в ее результате объекта, то есть текста. «Благодаря такому двуединству дискурс можно изучать и как разворачивающийся во времени процесс, и как структурный объект. Дискурс – это максимально широкий термин, включающий все формы использования языка» [Кибрик 2009: 4].

В свете вышеизложенных определений дискурса как сложного лингвистического феномена необходимо провести различие между текстом и дискурсом, а также уточнить, что дискурс можно рассматривать в широком и узком смыслах: под текстом понимается абстрактная, формальная конструкция, под дискурсом – различные виды её актуализации, рассматриваемые с точки зрения ментальных процессов в связи с экстралингвистическими факторами. В широком смысле дискурс рассматривается как сложное коммуникативное явление, как устное речевое действие, включающее как социальный контекст,

дающий представление об участниках коммуникации, их характеристиках; в узком смысле дискурс – это связная последовательность языковых единиц, создаваемая говорящим для слушающего в определенное время, в определенном месте, с определенной целью [Тюрина 2004: эл. ресурс].

Ещё одним понятием, тесно связанным с понятием *дискурс* и является *дискурсивное пространство*, определяемое как «среда сосуществования и функционирования определённых дискурсов, объединённых по какому-либо принципу» [Плотникова 2018: 35]. Одним из основных критериев включения того или иного дискурса в дискурсивное пространство можно назвать такой его параметр как контент. Кроме того, дискурсивное пространство может моделироваться как:

1) *дискурсивное пространство повседневности* (евклидово, физическое пространство) – коммуникация происходит в определенном месте и в определенное время;

2) *виртуальное пространство* – коммуникация не привязана к определенному физическому месту, происходит не в реальной, а в виртуальной реальности через обмен дискурсами-стимулами и дискурсами-реакциями [Андреева 2015: эл. ресурс; Плотникова 2018: 37–50];

3) *логическое пространство* – коммуникативное пространство, объединяющее дискурсы по принципу логики (научный, политический, художественный и т. д.) [Плотникова 2018: 37–50].

Одной из характерных черт современной коммуникативной лингвистики является заметное увеличение её диалогической составляющей. Из всех разновидностей дискурса именно *диалогический дискурс* занимает центральное место, обладая специфическими характеристиками, высокой частотностью, и требует более глубокого изучения, в частности, типологизации. Однако раздел «типология дискурсов» в современной лингвистике разработан очень слабо, что неудивительно – формы дискурса столь же разнообразны, как и формы самой человеческой жизни [Кибрик 2009: 4]. Существует множество определений *диалогического дискурса*. В большинстве из них акцент сделан на такие

параметры как естественность, деятельность, активность, динамичность [Шикина, Рябова 2008; Гущина 2010; Князева 2018; Колокольцева 2012]. «Диалогический дискурс – наиболее естественное проявление языковой активности, форма речевого взаимодействия, превращающая текст в дискурс» [Ермоленкина 2009: 19]. «Диалогический дискурс – это тот же текст, но в динамике. Главное отличие диалогического дискурса – наличие активной структуры общения; диалогический дискурс представляет собой постоянно развивающийся и изменяющийся объект лингвистики, требующий детального изучения» [Кудрявцев 2013: 118–120]. Диалогический дискурс может быть охарактеризован как среда и результат межличностного взаимодействия, как неотъемлемый компонент контекста, который включает самые различные аспекты: вербальный и невербальный, историко-культурный, психологический, социальный и др. *Диалогический дискурс* – понятие многослойное и комплексное, он является «сложным видом речевой деятельности, предполагающим участие когнитивных процессов (ощущения, восприятие, внимание, память, мышление), которые обеспечивают познание внешнего мира и общение собеседников» [Плахотная 2011: 137].

О важности исследований особенностей языка, которые наблюдаются в повседневной речи, в общенародном и разговорном языке писал Ш. Балли в своей работе «Общая лингвистика и вопросы французского языка» [Балли 1955]. Наше исследование направлено на изучение диалогического единства *вопрос-ответ* на материале *диалогического дискурса повседневности*, который мы рассматриваем как систему элементов разной степени сложности и комплексности, функционально объединенных в структуру общей концепцией. В отличие от других видов дискурса *диалогический дискурс повседневности* является наиболее частотным, характеризуется неинституциональными принципами объединения участников, локальностью целей, открытостью тематической структуры, наличием свободных психологических установок участников дискурса, первичностью коммуникативных стратегий и жанров речевого общения, а также особой интертекстуальной активностью и высоким уровнем вариативности [Тубалова 2011: 51–52].

К основным признакам *диалогического дискурса повседневности* можно отнести: «повторяемость, цикличность, ритмичность событийного наполнения обыденного существования, замкнутость пространств повседневности; консервативность и устойчивость форм культуры; усредненность форм и объектов; массовидность распространения обыденных феноменов; отнесенность к частной жизни; обывательское поведение (в нейтральном смысле слова) или обыденное сознание. Обыденность связана с отдельной личностью и ее непосредственным окружением» [Рябова 2012: 105]. В качестве примера диалогического дискурса повседневности можно привести непринужденный разговор находящихся в достаточно близких отношениях людей (родственников, друзей, знакомых, коллег и т. д.), в котором оформляются и переоформляются социальные связи, отношения, чувства, мысли. В таком взаимодействии люди открыто демонстрируют черты характера, выражают свои убеждения, эмоции, влияют друг на друга.

Основной единицей диалогического дискурса повседневности является коммуникативный акт с такими составляющими, как речевой акт, речевой ход, шаг, реализующимися в речи виде реплик и высказываний. Структура коммуникативного и речевого акта включает доминирующий и подчинённый элементы. Доминирующий элемент определяет интенциональный смысл всего речевого хода, подчинённый элемент служит для поддержки, оправдания, подготовки или аргументации доминирующего акта и являются факультативными, необязательными [Трофимова 2020: 10–31]. В рамках нашего исследования подчинёнными элементами являются дискурсивные маркеры в структуре диалогического единства *вопрос-ответ*.

Диалогический дискурс повседневности полиинтенционален и политематичен. Его интенциональность имеет два направления: сотрудничество (при совпадении интересов коммуникантов) и конфронтация (свидетельствует о несовпадении целей партнеров), которые получают отражение в двух моделях диалога – кооперативной и конфликтной [Там же 2020: 10–31]. В этом аспекте применение функционально-прагматического подхода дает возможность

выявлять различные языковые средства актуализации лингвотолерантности и лингвоконфликтности дискурса. В качестве примеров дискурсивных маркеров, выражающих лингвотолерантность в русском и английском языках, приведем следующие единицы: *ну, типа, вроде, как бы, наверное, видимо, только, правда, так сказать, в принципе, возможно, лишь, можно сказать, в некотором смысле, довольно-таки, примерно, не так ли, кажется, well, just, like, sort of, kind of, pretty, quite, rather, a bit, about, though, some, somewhat, would you? would you mind? could you? don't you? aren't you? isn't it?, in a way, so to say, it seems to me, I mean, I think* и т. д.

В следующем примере *вроде* актуализирует функции: приблизительность, предположение, хезитацию:

– *Вот сын домой приехал, **вроде** всё нормально, настроение хорошее. Дочке получше **вроде**. Муж 2 раза с работы звонил, справлялся, как дела. **Вроде** грех жаловаться* [НКРЯ].

Употребление дискурсивного маркера *sort of* придает оттенок неуверенности, делает суждение более мягким, менее категоричным, смягчает негативную тональность речи:

– *They're not very well-made, though, are they? These California homes? They're just **sort of** bits of woods with plasterboard stuck on. – We actually just moved into this Victorian terrace. – Oh, yeah? It's brick-built, so it's really solid* [СОСА].

В целом употребление лингвотолерантных дискурсивных маркеров позволяет понижать градус лингвоконфликтности, которая затрудняет полноценный обмен информацией и делает невозможной выработку общей стратегии взаимодействия [Мишланов, Салимовский 2006: 56–66]. В качестве примеров дискурсивных маркеров, выражающих лингвоконфликтность, приведем следующие единицы: *в натуре, вот еще, подумаешь, разве, так, я тебе говорю, кто бы говорил, тебе не дано, well, fine, listen, look, of course, anyway, what do you mean, how could you* и т. д.

Дискурсивный маркер *fine* актуализирует функции предостережения, предупреждения, угрозы:

– *Okay, **fine**, but when your mom dies, she totally owes me* [LCC].

– *If you don't want to support me, **fine*** [LCC].

Дискурсивный маркер *How could you* демонстрирует функции возмущения, негодования, разочарования:

– ***How could you** learn nothing from it?* [RC]

– ***How could you** invade her privacy?* [RC].

Дискурсивные маркеры в диалогическом дискурсе повседневности также могут служить средством выражения языковой экономии. «Результат проявления принципа экономии на разных уровнях всегда один и тот же: это сокращение речевой цепи, а, следовательно, экономия усилий и времени» [Головач 2011: 138]. Языковая экономия исследуется в работах А.В. Бондарко [Бондарко 1971], В. Г. Гак [Гак 1998], Н. В. Богдановой-Бегларян [Богданова-Бегларян 2014]. А.В. Бондарко в 1971 г., характеризуя язык с точки зрения его гибкости и экономичности, писал, что одна и та же форма используется, с одной стороны, для выражения закреплённого за ней семантического признака, а с другой, – для выражения дополнительного признака, который не отягощает форму постоянно, не является для неё обязательным, но может быть выражен при поддержке контекста, когда это оказывается необходимым [Бондарко 1971: 84]. Н. В. Богданова-Бегларян изучает закон языковой экономии на примере русского языка, приводя в пример разнообразные маркеры: *и так далее, и тэ дэ, и тому подобное, и тэ нэ, и другие, и прочее, все дела, туда-сюда, всякое такое, всё такое, всякое-разное, и все такое прочее, тыры-пыры, пятое-десятое, тыры-пыры, бла-бла-бла, ля-ля-тополя* и т. д. [Богданова-Бегларян 2014: 247]. Данные Reverso Context показали, что наиболее частотными дискурсивными маркерами, актуализирующими языковую экономию в английском языке, являются: *and so on* (3059), *and all that* (1446), *and the like* (797), *bla bla bla* (105).

Необходимо отметить, что *диалогический дискурс повседневности* – это то пространство, в котором принцип экономии находит своё наибольшее применение и распространение, так как именно диалоги изобилуют единицами, целью употребления которых является сбережение усилий на всех уровнях

языковой системы. Прагматический потенциал дискурсивных маркеров, демонстрирующих лингвотолерантность, лингвоконфликтотенность и языковую экономию, в диалогическом единстве *вопрос-ответ* заключается в совокупности функций, реализуемых в контексте.

В процессе исследования функций дискурсивных маркеров в диалогическом дискурсе повседневности необходимо кратко описать жанры данного вида дискурса, так как его параметры модус, жанр, функциональный стиль являются независимыми друг от друга и дают невероятно сложную комбинаторику различных возможностей [Кибрик 2009: 19]. По М. М. Бахтину дискурс подразделяется на *первичный, устный* (естественный) и *вторичный, письменный* (воспроизведенный) [Бахтин 1979: 200]. В нашей концепции диалогический дискурс повседневности существует как в *устном*, так и *письменном* виде. Далее, помимо *реального* дискурса, мы исследуем и *виртуальный (электронный)*, в котором процесс коммуникации происходит за рамками реальной действительности, в виртуальной реальности. *Виртуальный дискурс* представляет собой своего рода гибрид устно-письменной коммуникации и существует в таких жанрах как *электронная почта, социальные сети, чаты, форумы, блоги, микроблоги, комментарии к блогам, программы видеосвязи (видеоконференции, Zoom, Skype, Facetime и др.), ICQ, FAQ, Instagram и т. д.), переписка в мессенджерах, СМС, ММС* и т. д., которые могут реализовываться в виде *синхронной, асинхронной и синхронно-асинхронной* коммуникации. С появлением виртуального дискурса «мир сузился до размеров экрана смартфона, «гаджетизировался», а речь подверглась «коммуникативному копипейсту: часто люди не пытаются облечь свои мысли в слова, которые выразили бы тончайшие нюансы мыслей, а ищут спасительную клавишу Enter» [Северская 2019: эл. ресурс].

Здесь важно отметить, что вопрос жанрового разнообразия диалогического дискурса повседневности является сложным, так как универсальной теории дискурса на сегодняшний день не существует, а дискурсивный анализ является крайне сложной, мозаичной дисциплиной [Кибрик 2009: 18]. Обращение к

жанрам диалогического дискурса повседневности необходимо для адекватного выбора эмпирического материала с целью исследования диалогического единства *вопрос-ответ*. Кроме того, исследовательская работа с диалогами русского и английского языков демонстрирует, что отношения между элементами структуры диалогического дискурса повседневности регулируются ее незначительными, подчиненными элементами – *дискурсивными маркерами*.

2.3. Проблема классификации дискурсивных маркеров в современной лингвистике

В отечественной и зарубежной лингвистике существуют различные классификации дискурсивных маркеров, в основании которых лежат разные критерии. Так, И. Н. Сметюк выделяет коммуникативную единицу в диалогах русского и английского языков, называя ее *компрессатом междометного типа*, который мы соотносим с *дискурсивным маркером*. Функциями подобных компрессатов И. Н. Сметюк называет связь реплик внутри диалога, привлечение внимания, введение новой темы, сигнализация завершения диалога, завершение темы, подтемы и т. д. Компрессаты междометного типа могут быть выражены: междометием, восклицанием, риторическим вопросом, вводным словом или оборотом, бытовым шаблоном, заполнителем пауз, разделительным вопросом, заключительной репликой [Сметюк 1994: эл. ресурс]. К подобным разноструктурным единицам можно отнести дискурсивные маркеры.

С. Ю. Тюрина при анализе связующих элементов делового дискурса выделяет три типа маркеров в английском языке с позиции их структуры:

- 1) однословные маркеры – *anyway, first, second, next, then, however, now, well, thus, so, probably, perhaps, sometimes, otherwise, too* и др.;
- 2) маркеры-сочетания слов с предлогами – *after all, at least, in any case, at any time, in fact, on the contrary, in a way, in general* и др.;
- 3) маркеры-фразы – *I suppose, I think, I know, I say, excuse me for interruption, excuse me, but..., may I..., can I..., could I just..., sorry to interrupt, but* [Тюрина 2003: эл. ресурс].

По типу информации дискурсивные маркеры классифицируются на *регулятивы* (межличностная языковая функция) и *организаторы* (текстовая функция, выражают дискурсивную информацию) [Викторова 2014]. М. К. Рамазанова, изучая функционирование частиц в вопросительных предложениях лезгинского языка, делает вывод о том, что они выражают различные оттенки значений, могут оформлять риторические вопросы, выступать в свободном соединении друг с другом, занимать различные позиции в предложении, использоваться в основном в диалогической речи. Если сопоставить данные функции дискурсивных маркеров в диалогах лезгинского, русского и английского языков, то можно утверждать, что дискурсивные маркеры являются весьма востребованными средствами для организации текста в целом [Рамазанова 2017: 69–71].

На основе данных London-Lund Corpus of Spoken English исследователи выделяют 11 функций 54 наиболее частотных языковых элементов: start of the turn; end of the turn/conversation; sympathetic circularity function; feedback; agreement with the message; disagreement with the message; agreement acknowledgement; attention-getting; self-initiated self-correction; word-search; phatic [Саркисян эл. ресурс].

В. Д. Иванов подразделяет дискурсивные маркеры на *дискурсивные слова*, *модальные слова* и *дискурсивные частицы* [Иванов 2019: 31–53]. Дискурсивные слова являются внешними элементами в высказывании и слабо взаимодействуют с базовым смыслом лексемы, они занимают в основном либо препозицию, либо постпозицию относительно предложения. Модальные слова образуют отдельную часть речи, выполняют функцию комментария и могут выступать в роли ответа на поставленный вопрос, однако они неспособны быть членом предложения. Дискурсивные частицы выполняют в предложении разнообразные функции, например, функция эпистемической оценки, интерактивная и связующая функции [Иванов 2019: 41–42]. Дискурсивные частицы могут занимать как препозицию, так и постпозицию относительно члена предложения, к которому они относятся [Иванов 2019: 36].

Представляет интерес классификация О. Н. Губаревой по семантическому признаку, позволяющая раскрыть метадискурсивную сторону употребления дискурсивных маркеров:

- 1) дискурсивные маркеры, указывающие на порядок следования информации;
- 2) дискурсивные маркеры, указывающие на порядок расположения материала на странице или в тексте;
- 3) дискурсивные маркеры, указывающие на введение новой или дополнительной информации;
- 4) дискурсивные маркеры, указывающие на повтор информации;
- 5) дискурсивные маркеры, указывающие на выделение и важность информации;
- 6) дискурсивные маркеры, указывающие на противопоставление или отход от основной линии изложения;
- 7) дискурсивные маркеры, указывающие на введение примеров;
- 8) дискурсивные маркеры, указывающие на вывод или заключение;
- 9) дискурсивные маркеры, указывающие на авторскую оценку вероятности информации, соотношение информации и ситуации;
- 10) дискурсивные маркеры, указывающие на аффективную оценку информации;
- 11) дискурсивные маркеры, указывающие на источник информации;
- 12) дискурсивные маркеры, указывающие на апелляцию к фоновым знаниям или отсылку к изложенному ранее материалу;
- 13) дискурсивные маркеры, указывающие на манеру изложения.

О. Н. Губарева исследует данные единицы в русском и английском языках на примере научного дискурса и делает вывод о том, что в обоих языках дискурсивные маркеры употребляются в целях структурирования текста, для введения новой или дополнительной информации, акцентирования важных деталей, указания на факты и т. д. [Губарева 2010: 225–228].

Наиболее распространенной классификацией дискурсивных маркеров является их деление на лексические и грамматические. Так, некоторые зарубежные исследователи [Fraser 1996; Schiffrin 1987] рассматривают лексические дискурсивные маркеры как средства последовательной и глобальной связи предложения и высказываний в дискурсе, обеспечивающие связность и цельность дискурса. Примерами лексических дискурсивных маркеров в английском и русском языках являются *well, basically, actually, sure, ну, утак, короче, типа, в принципе* и т. д.

Что касается грамматических дискурсивных маркеров, то здесь мы обратимся к мнению М. М. Бахтина. В работе «Эстетика словесного творчества» он описывает особые типы предложений, которые сейчас, исходя из их характеристик, могут быть отнесены к грамматическим дискурсивным маркерам: «Дело в том, что существуют типы предложений, которые обычно функционируют как целые высказывания определенных жанровых типов. Таковы вопросительные, восклицательные и побудительные предложения. Существует очень много бытовых и специальных жанров, которые, как правило, выражаются одним предложением соответствующего типа. Когда же предложения этого типа входят в развернутый связный контекст, то они явственно несколько выделяются из его состава, и притом, как правило, стремятся быть либо первым, либо последним предложением высказывания (или относительно самостоятельной частью высказывания)» [Бахтин 1979: 222]. Ряд исследователей выделяют грамматические дискурсивные маркеры, к которым относятся прагматические идиомы, модальные глаголы, инфинитивные конструкции, разделительные вопросы и т. д. [McCarthy 1991; Coll 2009; Царенко, Шустова 2018]. В качестве примеров таких маркеров в русском и английском языках приведем *could you? would you? would you mind? would you like? what on earth? what the hell? will you? doesn't he? to be honest, как насчет? понимаешь? что касается, во всяком случае* и т. д. Таким образом, грамматические дискурсивные маркеры сочетают в себе вспомогательную и информативную функции, то есть являются синкретичными.

Самую объёмную классификацию функций дискурсивных маркеров (*дискурсивных маркеров* в терминологии исследователя) английского и русского языков предлагает М. В. Каменский, выделяющий 66 функций. Данная классификация является когнитивно-функциональной, а ее основой служит функциональная единица высокого уровня абстракции – концепт «когнитивная нагрузка» [Каменский 2015: 144–154].

В основном классификация дискурсивных маркеров и объединение их в группы происходит на основании разнообразных функций, которые они выполняют в дискурсе: структурная, текстовая, связующая, интерактивная, семантическая, когнитивная. Исследуя функционирование дискурсивных маркеров в диалогическом единстве *вопрос-ответ* мы обращаемся к их семантическим, структурным и прагматическим характеристикам.

2.4. Функционирование дискурсивных маркеров в разноструктурных языках

В настоящее время отмечается повышенный интерес к изучению дискурсивных маркеров в различных языках, которые исследуются с применением коммуникативного, прагматического и других подходов анализа языковых явлений [Stede, Schmitz 2000: 125]. Однако количество дискурсивных маркеров в разных языках неодинаково. По данным О. Л. Каменской, в русском языке дискурсивных маркеров больше, чем в остальных европейских. Из западноевропейских языков на первом месте в этом аспекте – немецкий язык, на втором – французский, и только потом английский [Каменская 1990: 81]. Но, несмотря на тот факт, что английский язык в виду особенностей структуры не является лидером по количеству дискурсивных маркеров, именно британский исследователь Д. Шиффрин в 1980-х г. г. обратилась к изучению дискурсивных маркеров в английском языке, что позволило ей достичь значительных теоретических и практических результатов: «Schiffirin presents a very detailed analysis of some linguistic expressions in English which she calls discourse markers. She gives a detailed analysis of several discourse markers in English: *and, but, or, so, well, then, now, because, oh, well, y'know and I mean*, studies the semantic and

grammatical status of these markers, their functions and characteristics. Discourse markers can function on different levels of discourse structure (linguistic or non-linguistic). They can operate on the informational structure in the sense that they indicate relations between ideas in discourse or in other words, they mark the organisation of ideas in discourse» [Hussein 2005: 4–5]. *«Шиффрин представляет детальный анализ некоторых языковых выражений в английском языке, которые она называет дискурсивными маркерами, подробно исследуя несколько дискурсивных маркеров английского языка: and, but, or, so, well, then, now, because, oh, well, у'know, I mean, изучает семантический и грамматический статус этих маркеров, их функции и характеристики. Дискурсивные маркеры могут функционировать на различных уровнях структуры дискурса (лингвистических и экстралингвистических). Они могут управлять информационной структурой, то есть, указывать на отношения между идеями дискурса или, другими словами, маркировать идеи в дискурсе»* (перевод наш).

Для более полной характеристики разработки проблемы дискурсивных маркеров был исследован и проанализирован ряд работ по этой теме. Итак, дискурсивные маркеры изучаются в разноструктурных языках, а именно, исследуются:

1) фонологический аспект дискурсивных маркеров в японском языке (фундаментальные исследовательские лаборатории Мориносато-Вакамия, Атсуги, Канагава, Япония) [Kawamori, Shimazu, Kawabata 1996];

2) выбор дискурсивных маркеров в процессе построения высказывания в немецком языке (Отто-Вон-Гюрке – Магдебургский институт знаний и языковой обработки, Технический университет г. Берлин, Германия) [Grote, Stede 1998];

3) семантика и прагматика дискурсивных маркеров с позиций двух теорий – теории согласования и теории соответствия (Дамасский университет, Сирия) [Hussein 2005];

4) процесс освоения речи с дискурсивными маркерами у детей (Оксфордский университет, Великобритания) [Choi Inji 2007];

- 5) дискурсивный маркер *anyway* с позиции синтаксиса и семантики (университет Эссекс, Великобритания) [Coll 2009: эл. ресурс];
- 6) дискурсивные маркеры в радиоречи (Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь) [Шевцова 2010];
- 7) теоретические аспекты дискурсивных маркеров (Кароли Гаспарский университет реформированной церкви, Будапешт, Венгрия) [Der 2010];
- 8) особенности функционирования маркеров англоязычного разговорного дискурса [Власян 2011: 115–120];
- 9) корпуса разговорной речи носителей английского языка и китайцев, говорящих по-английски, с точки зрения использования дискурсивных маркеров (университет Бирмингема, Великобритания) [Huang Lan-Fen 2011];
- 10) проблемы терминологии, анализа, классификации дискурсивных маркеров, с акцентом на педагогический дискурс (университет г. Ньюкасл, Великобритания) [Yang 2012];
- 11) дискурсивные единицы русской речи с целью создания проекта словаря данных единиц (на корпусном материале) (Санкт-Петербургский государственный университет) [Богданова 2012];
- 12) функции дискурсивных маркеров *sentì* и *guarda* в разговорном итальянском языке (Билефельд, Германия) [Fuschi 2013];
- 13) наиболее частотные дискурсивные маркеры (Исламский университет Азад, Бейза, Иран) [Zarei 2013];
- 14) функционирование дискурсивных маркеров в медийном и правовом дискурсе (университет г. Вильнюс, Литва) [Pjurko 2015];
- 15) дискурсивные маркеры, выражающие эмоциональные состояния, в речи взрослых обоих полов (университет г. Осиек, Хорватия) [Dujmić 2017];
- 16) дискурсивный маркер *JUST* в английском языке как компонент реализации стратегии вежливости [Давыденко, Джевала 2016: 76–81];
- 17) функционирование дискурсивных маркеров *but* и *so* в речи носителей языка и китайцев, говорящих по-английски (Нанькайский университет, Китай) [Liu Binmei 2017];

18) употребление и анализ дискурсивных маркеров в спонтанной диалогической речи на материале корпусов португальского языка (группа исследователей из Португалии) [Cabarrao, Moniz, Batista, Ferreira, Trancoso, Mata 2018];

19) прагматические особенности употребления частицы *ну* в речи студентов и старшеклассников [Лейко 2013: 150–154];

20) семантический анализ русских дискурсивных слов *пожалуй, никак, все-таки* (Институт языкознания Российской академии наук, Институт проблем информатики, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук) [Зализняк, Падучева 2018].

Для иллюстрации функционирования дискурсивных маркеров в разноструктурных языках приведём примеры дискурсивных маркеров диалогического дискурса повседневности:

1) английский: – *Did the NCAA know of player likenesses in video games? – Of course, they did. This article is **sort of** needlessly breathless, written by the kind of person who has never played NCAA Football, but there's tons of good info in it if you care about former players' class-action suit* [COCA]; – ***Well, well, well...** something told me I might find you here* [LCC]; – *But... no, that was before... – The guy is married with kids, you keep trying to jump him **anyway*** [BNC];

2) белорусский: – ***Слухай**, а што, калг мы наступную праграму прысвеем тэме.... – **Давай** будзем размауляць наконт того... – **I сапрауды, в е д а е ш...*** [Шевцова 2010: 175];

3) бурятский: – *sajana baraghan-da jərgə-dəg **bfu**: bai-ga* (***Кажется**, Саяна часто приезжала в Барагхан*) [Деликанова 2018: 221]; – *dugar mafina jabu:l-na xa / xaf **bəzə**?* (***Дугар, наверное, водит машину, правда?***) [Деликанова 2018: 227];

4) водский: – *f'ed'a **značit** taaz algō-mma* (– ***Федя, значит**, опять начинаем...*) [Агранат 2009: 67]; – ***no** tee-mmä tee-mmä tul-i-mma so-hoo* (– ***Ну**, идем, идем, пришли на болото*) [Агранат 2009: 67];

5) идиш: – ***Efšer** volt dox zajn beser, az ix zol nejlem vern?! (– **Может**, было бы лучше, если бы я исчез?!); – **Emes**, di štimung iz baj im geven nit fun di beste, vajl*

dos iz geven zajn letst akademiš jor in Oksford (– **По правде говоря**, настроение у него было не самым лучшим, поскольку это был его последний академический год в Оксфорде) [Рец 2017: эл. ресурс];

6) испанский: – *Sinceramente, es una buena película. – Eso no lo dices sinceramente, lo dices porque sabes que a mí me gusta* [Fanego 2010: эл. ресурс];

7) итальянский: – *Allora?* (– **Ну, и?**); – *Allora, adesso ti spiego* (– **Ну тогда я сейчас тебе объясню**); – *Dai, facciamolo!* (– **Давай уж сделаем!**); – *Non importa, dai!* (– **Это не важно, ладно тебе!**) [Бонола, Стоянова 2020: 131];

8) китайский: *所以说...* (так сказать...); *现在也...* (теперь тоже...); *终于...* (наконец...); *怎么了?* (ну?) [Сунь Вэй 2019: 215];

9) немецкий: – *Ich glaube, dass sie in die größten Schwierigkeiten geraten, weil sie am bedürftigsten sind* [Аверина, Иванов 2018: 274]; – *Mein Eindruck ist, dass dieser Über-Hype vor Filmstart dem ganzen eher schaden wird. Vielleicht verkauft man ein paar Kinokarten am ersten Wochenende mehr, aber Film und Regisseur werden auch unter ungeheuren Druck gesetzt* [Аверина, Иванов 2018: 275];

10) португальский: – *A cena é que tou cansada. (– The thing is I'm tired); – Well vou voltar para salvaterra cuz need jantar (– Well I'm going back to salvaterra cuz need dinner)* [Cabarrao, Moniz, и другие 2018: эл. ресурс];

11) русский: – *Простите, но я не понимаю, как (даже без карантина) можно учиться без ПК? Смотреть что-то на смартфоне – это же жесть... Стоять в очереди, чтоб что-то найти (посмотреть) по учебе...мягко говоря, неудобно. Впереди, скорее всего, 1,5–2 месяца учебы дома. И лето.. Сейчас столько ресурсов бесплатно открыли – занимайся хоть целый день [НКРЯ]; – *Посмотри на часы: стрелки бегут только вперед. А знаешь почему? Потому что прошлое уже не имеет значения. – В смысле не имеет? Ты мне когда долг вернешь?* [AdMe];*

12) французский: – *Mais, non, il reste là muet sur sa chaise. Et c'est l'heure de s'en aller, décidément. Arrochkoa est debout, agité, l'appelant d'un signe de tête impérieux; – La Villa en effet tout à la fois s'étend, se dresse, se replie – seuls des*

verbes contradictoires peuvent rendre compte d'une apparence qui recuse toute référence précise... [Понятина 2013: 374].

В заключение необходимо отметить, что разноструктурные языки значительно отличаются репертуаром дискурсивных маркеров [Stede, Schmitz 2000: 143]. Однако вне зависимости от языковой принадлежности дискурсивные маркеры способны управлять информацией, структурировать дискурс, осуществлять прагматическую функцию – выражать взаимодействие интенций адресанта и адресата.

Выводы по главе 2

Диалогический дискурс понимается как тип речевого взаимодействия в различных коммуникативных контекстах. Дискурсивные маркеры функционируют в диалогическом единстве *вопрос-ответ*, который, в свою очередь, встраивается в диалогический дискурс повседневности.

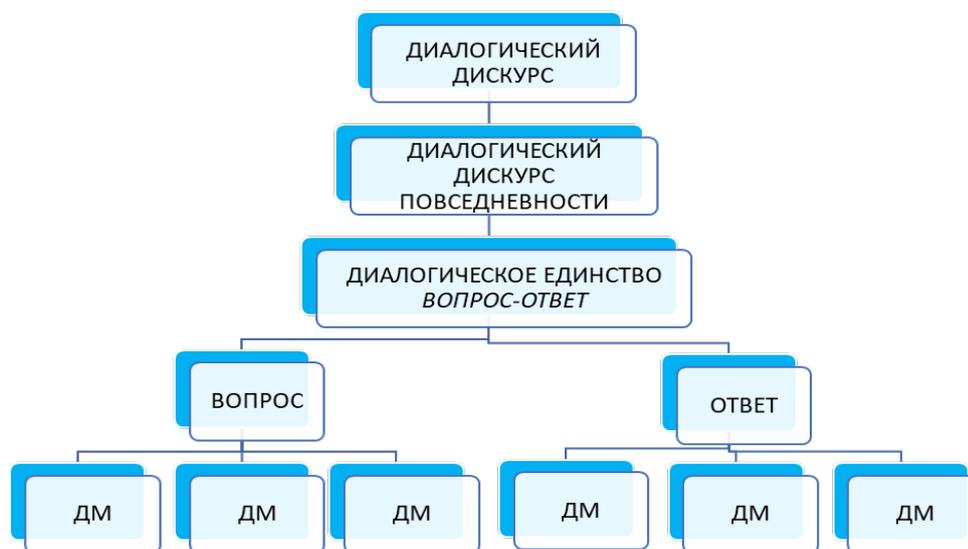

Рисунок 4. Дискурсивные маркеры (ДМ) в диалогическом дискурсе

Дискурс повседневности рассматривается как основная форма коммуникации, характеризующаяся непринужденностью, динамичным характером смены ролей, динамичностью социальных связей и отношений. Для диалогического единства *вопрос-ответ* характерна интенциональность, реализуемая в двух направлениях: решение коммуникативной задачи и регулирование интерперсональных отношений.

В качестве базового взаимодействия фигурирует кооперативная модель диалога, то есть диалогическое единство *вопрос-ответ* способствует развитию отношений субъектов коммуникации, формированию их оценок, эмоций, смыслов. Дискурсивные маркеры могут актуализировать один речевой акт самостоятельно или выступать в качестве вспомогательного прагматического средства, модифицируя иллокутивную силу высказывания.

Комплементарность дискурсивного маркера обусловлена необходимостью поддержки; усиления аргументации, смягчения, некатегоричности; сомнения, недоверия и т. д.

В силу высокой частотности дискурсивных маркеров в одних языках и их относительно невысокой частотности в других количество актуализируемых функций варьируется. В связи с возможностью реализации комплементарной функции дискурсивные маркеры могут быть элиминированы.

ГЛАВА 3. ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ЕДИНСТВЕ *ВОПРОС-ОТВЕТ*

3.1. Основные подходы и методы исследования

В нашем исследовании мы применяем *функционально-прагматический подход* к исследованию дискурсивных маркеров, так как обращаемся к изучению коммуникативных единиц – дискурсивных маркеров – с акцентом на их прагматике и функционировании. *Функциональный анализ* предполагает выбор условий коммуникации (коммуниканты, предмет коммуникации, средства коммуникации, и т. п.); учитывает экстра- и интратекстовые признаки; принимает во внимание отношение адресанта и адресата к сообщаемому, их намерения (интенция) и пр. Функциональный анализ заключается ещё и в том, что единицы языка конкретизируют своё значение, будучи соотнесёнными с другими единицами; актуализируется, например, одно из возможных значений слова, или слово меняет своё значение под влиянием контекста [Валгина 2003: 12–13]. *Прагматический анализ* текста вытекает из функционального, логически продолжает и развивает его, так как нацелен на функционирование языковых знаков в речи. В лингвистическую прагматику включаются вопросы, связанные с адресантом, адресатом и – главное – с их взаимодействием в акте коммуникации [Там же: 13–14].

Целостный характер нашего исследования обеспечивается комплексным использованием *корпусного анализа, контекстуального анализа*, а также приемов классификации и систематизации языкового материала. Во-первых, мы обращаемся к корпусному исследованию как к относительно новому направлению лингвистических исследований: «корпус в каком-то смысле вернул лингвистам их подлинный объект – тексты на естественном языке в максимально полном объёме» [Плунгян 2008: 7–8; 14]. Благодаря компьютерной обработке данных в подобного рода исследованиях изучаются языковые единицы разных уровней и их использование в речи. В нашем исследовании мы применяем *корпусный анализ*. Для современной науки характерны дискуссии относительно того, что определяет теоретико-методологическую базу лингвиста и его инструментарий.

Фокусируется внимание на том, что является действительным языковым материалом для «доказательной лингвистики» [Беляева, Чернявская 2016; Gross 2006], решающей задачу представлять лингвистическое знание как достоверное и доказательное. «Постоянно идёт борьба стремления к строгому изучению своего объекта по образцу естественных наук, с опорой на наблюдаемые факты, и желания рассматривать язык вместе с говорящим на нём человеком, с учетом интуиции, интроспекции и творческих способностей людей» [Алпатов 2015: 18]. Основная и масштабная задача корпусных исследований в области языка заключается в описании всех возможных лингвистических данных конкретного языка в его разных стилях и регистрах. Впервые гипотеза о предпочтительности большого объёма материала при анализе была сформулирована отечественным лингвистом, занимающимся математическим моделированием в лингвистике, Р. Г. Пиотровским, который утверждал, что достоверность языковых закономерностей напрямую зависит от объёма текстов: чем больше материала подвергается анализу, тем более верными и точными стоит считать выводы исследования [Пиотровский 1978: 10]. Использование методов корпусного анализа даёт возможность проводить статистические исследования. Статистика и частотность являются неотъемлемым атрибутом теоретических исследований, «без статистики мы вообще многого не можем понять в языковой системе» [Плунгян 2018: 10]. Корпусы содержат большой массив примеров употребления, что обеспечивает объективность полученных результатов.

В нашем исследовании используются четыре основных корпуса: Национальный корпус русского языка, база данных корпусной лаборатории Лейпцигского университета, Британский национальный корпус и Корпус современного американского английского языка. Национальный корпус русского языка действует с апреля 2004 г. и в настоящее время насчитывает более 150 млн. словоупотреблений и включает тексты с начала XVIII по начало XXI в. Корпусная лаборатория Лейпцигского университета представляет собой универсальный банк данных 252 языков, комплексный электронный мегаресурс, сочетающий возможности корпуса текстов, лексикографических баз данных on-line грамматик

и отвечающий запросам многоцелевого использования. Его объём составляет более 9 миллионов словарных статей и около 160 миллионов предложений. Британский национальный корпус – это корпус текстов из 100 миллионов слов, содержащий образцы письменного и разговорного британского английского языка из широкого круга источников. Корпус охватывает британский английский конца XX в. и начала XXI в. и задуман как образец типичного разговорного и письменного британского английского языка. Корпус современного американского английского представляет собой наибольший (450 млн слов) электронный корпус текстов американского варианта английского языка, созданный в 2000–2003 г.г. Он составлен из более чем 160 тыс. текстов, пополняется по 20 млн слов каждый год. Использование корпусов позволяет значительно расширить материал исследования и получить достоверные данные. Корпусный анализ демонстрирует прагматический потенциал дискурсивных маркеров, позволяет представить актуальные примеры реального употребления, подтверждающие все многообразие значений исследуемых 14 единиц.

Во-вторых, в нашей работе мы применяем контекстуальный анализ. Контекст здесь рассматривается как внеязыковая среда, в которой функционируют языковые единицы всех рангов: слова, предложения, тексты и т. д. Контекстуальный анализ перспективен в свете современной теории коммуникации и прагмалингвистики [Арнольд 1991: 46]. Контекстуальный анализ используется для изучения функциональной специфики дискурсивных маркеров и их значений: он представляет собой анализ фрагмента текста, в котором использована данная единица, а также анализ зависимости значения от этого контекста. В основе контекстуального анализа имплицитно заложена модель полисемии и омонимии в языке, основанная на следующих допущениях: 1) языковой знак асимметричен, полисемия и омонимия являются языковыми универсалиями, но все множество значений каждого языкового знака можно разделить на отдельные дискретные элементы – лексико-семантические варианты; 2) в речи слово актуализируется только в одном из возможных для него вариантов; 3) адресат и адресант одинаково знакомы с условиями реализации

единиц данного языка, и поэтому, зная контекстуальные индикаторы, в состоянии понять, в каком из возможных для него значений встретилась единица и, соответственно, понять смысл текста [Там же: 47].

В-третьих, при обработке данных мы обращаемся к инструменту AntConc, который позволяет осуществлять поиск и подсчёт дискурсивных маркеров в контексте и анализировать частотность. С помощью AntConc создаются собственные корпуса текстов на русском и английском языках, при этом свойства этого инструмента позволяют существенно ускорить процесс отбора, обработки и анализа материала исследования [AntConc эл. ресурс].

Выявляя функции 14 дискурсивных маркеров на основе корпусов, мы отбирали контексты, связанные только с диалогическим единством *вопрос-ответ* и дискурсом повседневности, исключали примеры, где маркеры используются как однозначные слова, а также употребляются в монологических дискурсах, в строго регламентированных типах дискурса, в связи с чем количественный анализ единиц, актуализирующих прагматические функции исследуемых единиц, производился нами самостоятельно. Мы фиксировали частотность функционирования единиц – дискурсивных маркеров, их частеречную принадлежность; исследовали семантические характеристики (путём анализа лексикографических источников), синонимический и антонимические ряды; выявляли наиболее типичные выражения, содержащие дискурсивный маркер. Далее мы на основании контекстуального анализа примеров выделяли прагматические функции дискурсивного маркера, которые затем сопоставляли с зафиксированными в лексикографических источниках значениями. Также были проанализированы контексты художественных произведений, содержащие диалогическое единство *вопрос-ответ*, так как «...литературно обработанный диалог непосредственно соответствует так называемому каноническому диалогу, под которым имеется в виду текст, воспроизводимый самими коммуникантами в процессе восприятия и осмысления обработки получаемых речевых сообщений» [Баранов, Крейдлин 1992: 85]. Подобное мнения высказывает Ю.Н. Караулов, утверждая, что лингвистические исследования на примере художественных

произведений не дают представления о конкретном авторе как таковом. В них, как правило, находят частичное отражение все слои и уровни структуры языковой личности, но, будучи отнесены к писательскому языку, они выступают как характеристики множественных личностей, и поэтому в исследованиях подобного типа мы имеем дело с моделью языка вообще, языка соответствующей эпохи, но не языка отдельной личности [Караулов 1987: 88]. Исследователь В.Е. Семенов предлагает похожее обоснование для лингвистического анализа текстов художественной литературы: «Авторы художественных произведений воспроизводят устную речь, интуитивно открывая и усиливая при этом в речи своих персонажей, как правило, именно те особенности, которые присущи в равной степени и «живой речи»» [Семенов 1988: 43].

Мы разделяем позицию исследователей и используем контексты художественных произведений с диалогическими единствами *вопрос-ответ* русскоязычных и англоязычных авторов XX и XXI вв. в качестве материала для анализа.

Дискурсивные маркеры в диалогическом единстве *вопрос-ответ* выражают различные оттенки значений, выступают в свободном соединении друг с другом, занимают различные позиции в предложении, присоединяются к предложениям разной синтаксической структуры. В качестве примера раннего описания дискурсивных маркеров и их функционирования в речи можно привести следующий фрагмент из главы 24 части 2 романа «Двенадцать стульев», написанного в 1927 г. И. А. Ильфом и Е. П. Петровым.

При характеристике своего персонажа Элочки Людоедки авторы анализируют её речь и делают акцент на скудости её словаря, приводя список из 17 слов и выражений, употребляемых ею: *«Вот слова, фразы и междометия, придирчиво выбранные ею из всего великого, многословного и могучего русского языка:*

1. *Хамите.*

2. *Хо-хо! (Выражает, в зависимости от обстоятельств, иронию, удивление, восторг, ненависть, радость, презрение и удовлетворенность)*

3. *Знаменито.*

4. *Мрачный.* (По отношению ко всему. Например: «мрачный Петя пришел», «мрачная погода», «мрачный случай», «мрачный кот» и т. д.)

5. *Мрак.*

6. *Жуть.* (*Жуткий.* Например, при встрече с доброй знакомой: «жуткая встреча»)

7. *Парниша.* (По отношению ко всем знакомым мужчинам, независимо от возраста и общественного положения)

8. *Не учите меня жить.*

9. *Как ребенка.* («Я его бью, как ребенка» – при игре в карты. «Я его срезала, как ребенка» – как видно, в разговоре с ответственным съемщиком)

10. *Кр-р-расота!*

11. *Толстый и красивый.* (Употребляется как характеристика неодушевленных и одушевленных предметов)

12. *Поедем на извозчике.* (Говорится мужу)

13. *Поедем в таксо.* (Знакомым мужеского пола)

14. *У вас вся спина белая* (шутка).

15. *Подумаешь!*

16. *Уля.* (Ласкательное окончание имен. Например: Мишуля, Зинуля)

17. *Ого!* (Ирония, удивление, восторг, ненависть, радость, презрение и удовлетворенность)» [Ильф, Петров 1987:139].

Некоторые слова и выражения из приведённого перечня могут быть причислены к классу дискурсивных маркеров, например, *хо-хо*, *подумаешь*, *ого*, актуализирующие иронию, удивление, восторг, ненависть, радость, презрение, удовлетворенность. Это подчеркивает полифункциональность данного класса единиц и демонстрирует, что смысл, передаваемый дискурсивными маркерами, варьируется под влиянием факторов контекста и интенции отправителя информации.

В нашей работе дискурсивные маркеры диалогического единства исследуются с точки зрения их функционального потенциала при использовании

в вопросе и в ответе. Под функциональным потенциалом, реализуемым дискурсивными маркерами в диалогическом единстве *вопрос-ответ* в рамках данного исследования, мы понимаем комплекс потенций, которые возможны для данной языковой единицы и программируют её поведение в речи.

В этом случае могут быть охвачены функции разных типов: семантические, валентностные, структурные, прагматические, эмоциональные, экспрессивные, стилистические. Элементы функционального потенциала заложены на уровне отдельной словоформы и проецируются на высказывание. Владение таким потенциалом входит в языковую компетенцию говорящего и определяет выбор именно данного языкового средства [Бондарко 2004; Шустова 2011: 108].

Известно, что каждая языковая единица наделена определённой функцией, назначением, целью. Функции языковой единицы выступают, с одной стороны, как потенциальные назначения, цели, обуславливающие определённые типы функционирования или способы поведения данной единицы, с другой – как процессы и результаты реализации этих потенций в речи [Бондарко 2004].

Таблица 3. Дискурсивные маркеры и их функции в речевом акте *вопрос* в русском и английском языках

Русский язык	Английский язык
<i>В самом деле? О, Боже!</i> – удивление	<i>What on earth would they be doing together?</i> – возмущение
<i>Кэтрин, брось, Нью-Йорк, в самом деле?</i> – удивление	<i>Who are you going to call indeed?</i> – уточнение
<i>Кирилл Иванович, ну что вы в самом деле?</i> – упрёк	<i>Well, what on earth have you done to yourself?</i> – удивление, негодование
<i>И вы, должно быть, в самом деле, удивляетесь?</i> – усиление	<i>Indeed? Then what are we talking about?</i> – удивление, возмущение
<i>Ты считаешь, что мне удастся выкарабкаться, какого черта?</i> – возмущение	<i>I didn't say I wanted you, indeed?</i> – переспрос
<i>Какого черта, почему бы и нет?</i> – раздражение, досада	<i>Or maybe, something should be changed, indeed?</i> – предположение

Таблица 4. Дискурсивные маркеры и их функции в речевом акте *ответ* в русском и английском языках

Русский язык	Английский язык
<i>Хорошо, ну, позволь мне подумать</i> – согласие	<i>Well, of course you are, my dear</i> – утверждение
<i>Не, ну серьезно, по-чесноку давай</i> – экспрессия, побуждение	<i>Women, well, can be a little bit more difficult to read</i> – неопределенность, некатегоричность
<i>Пешеходные зоны в принципе предназначены для использования пешеходами</i> – категоричность, усиление	<i>Well, actually, you did</i> – согласие
<i>Нет, как-то по-другому, но в принципе, думаю, так</i> – предположение, сомнение	<i>Well, it's not that tragic</i> – нейтрализация, смягчение
<i>Конечного результата пока нет, но в принципе да</i> – согласие	<i>Basically what I was saying is very simple</i> – обобщение
<i>Отлично, ну это – очень хорошо вас видеть</i> – хезитация	<i>Basically I meant what I said</i> – аргументация
<i>Товарищи, ну надо серьезно к этому относиться</i> – аттракция, побуждение	<i>And basically, I did nothing</i> – усиление

Данные таблицы демонстрируют, что в рамках диалогического единства в составе реплик дискурсивные маркеры способны реализовывать различные функции в русском и английском языках как в речевом акте *вопрос*, так и в речевом акте *ответ*. При выделении данных функций был использован метод контекстуального анализа.

Функциональный потенциал дискурсивного маркера изучается с помощью анализа лексикографических источников – толковых, этимологических словарей, словарей синонимов, служебных слов, эквивалентов слова и т. п., в которых выявляются значения маркера, указанные в словарных статьях. Далее на основании контекстуального анализа примеров диалогических единств с данным маркером выделяются прагматические функции дискурсивных маркеров. На каждый дискурсивный маркер отбирается и анализируется по 600 контекстов. Затем значения маркера сопоставляются с выявленными прагматическими

функциями. Мы анализируем функционирование дискурсивных маркеров в двух языках – русском и английском. Дискурсивные маркеры охватывают то, что традиционно называется: 1) описанием; 2) диалогом; 3) повествованием; 4) внутренним монологом; 5) косвенной речью. Эти единицы считаются эталоном текстового потока и актуализируются с точки зрения изменяющихся отношений друг с другом и по отношению к источнику высказывания как точке отчёта [Мартин, Рингхэм 2010: 67].

Под актуализацией автор понимает операцию, посредством которой языковая единица, смысловая компонента становятся «присутствующими» в определенном языковом контексте. Возникающее в результате существование (*in praesentia*) характеризует синтагматическое измерение языка, то есть предложение в потоке речи (*parole*) [Там же 2010: 38–39].

3.2. Семантические, структурные и прагматические характеристики дискурсивных маркеров в русском языке

3.2.1. Дискурсивный маркер *ну*

Частотность *ну* составляет 91678 контекстов в Leipzig Corpora Collection; 16665 документов и 25179 вхождений в Национальный корпус русского языка; 185422 результатов в Reverso Dictionary: translation, context, definition, synonyms. Частота (*ipm*) леммы *ну* – 17208.0 SE *Ipm* (общая частота, которая характеризует число употреблений на миллион слов корпуса, или *ipm* (*instances per million words*) – общепринятая в мировой практике единица измерения частотности, которая упрощает сравнение частоты слова в разных частотных словарях и в разных корпусах [ЧС].

Ну образовано от 2 лица множественного числа *нӯте*, в украинском соответствует *ну*, словенском *ni*, чешском *ni*, *niže*, словацком *niž*, польском *ni*, *ni|z|e*, *ni|z* [ЭС-Ф]. В русский язык XI–XVII вв. пришло из праславянского звукоподражательного местоимения *ну* [ШЭС]. Имеет соответствия в древнеиндийском *ни* «конечно, пожалуй», литовском *ни* «ну! Ну-ка!», греческом *ни*, *нип* «ну же, и так, да», немецком *нип* [ЭС-Ш].

Анализ лексикографических источников показал, что *ну* относится к различным частям речи:

1. Междометию [СРусЯз-Е; ЭС-Ф; ТСЖВЯ; ТС-О; ТС-Е; БТС-К; ТС-У; ВС];
2. Союзу [ТСЖВЯ; ТС-О; ТС-Е; НС-Е];
3. Частице, вопросительной частице, усилительной частице [СРусЯз-Е; ТС-О; ТС-Е; БТС-К; ТС-У; ВС];
4. Звукоподражательному слову [ШЭС; ЭС-Ш];
5. Служебному слову [ТС-Д];
6. Предикативу [ТС-Е].

В лексикографических источниках были выявлены следующие значения дискурсивного маркера *ну*:

1. Призыв или побуждение к действию, понукание как действие; возглас, которым возница понукает лошадь – *но*; выражение нетерпеливого побуждения, призыва к действию (перед глаголами в повелительном наклонении); означает *ну-ка, ну-тка, давай (разг.)* (с неопределенной формой глагола несовершенного вида), *начал, стал, принялся энергично делать что-л., давай* [СС-А; СРусЯз-Е; ЭС-Ш; ТСЖВЯ; ШЭС; ЭС-Ш; ТС-О; ТС-Е; БТС-К; ТС-Д; ТС-У; ВС].

2. Удивление, изумление; означает *правда ли, неужели* [СРусЯз-Е; СС-А; ЭС-Ш; ТСЖВЯ; ТС-О; ТС-Е; БТС-К; ТС-Д; ВС; ТС-У].

3. Требование не надоедать чем-л., не приставать к говорящему, оставить его в покое; нежелание иметь с кем-, чем-л. дело; употребляется при выражении волеизъявления; соответствует по значению словам *отстань(те), отвяжись (отвяжитесь), пусть отстанет, пусть отвяжется, прочь, долой* [СРусЯз-Е; ТС-Е; БТС-К].

4. Неожиданное и резкое начало действия, начало активного действия, энергичного протекания действия; употребляется в значении *начал, принялся делать что-нибудь* [ЭС-Ш; ТС-О; БТС-К; ТС-У; ВС; ТС-Д].

5. Согласие, подчёркнутое согласие, утвердительный ответ; подтверждение, уступка; означает *да, пожалуйста, так, ладно, хорошо, конечно, слушаю* [ВС; ЭС-Ш; ТСЖВЯ; ТС-О; ТС-Д; БТС-К].

6. Вынужденное согласие с одновременным приглашением продолжить разговор или объяснить вопрос; условное допущение; утверждение при некотором недовольстве и готовности возражать или обсуждать; подтверждение чего-либо, насторожённость, недовольство вопросом; означает *допустим, положим, что так* [ВС; СРусЯз-Е; ЭС-Ш; ТС-О; ТС-У; ТС-Д].

7. Отклик на обращение, сообщение, вопрос и т. д. в значении: *что? что дальше? да? я слушаю!* [СРусЯз-Е; БТС-К; ТС-Д; ТС-Е].

8. Недоверие, опасение, сомнение, предложение чего-л. нежелательного (часто в вопросе); означает: *что, если..., неужели? правда ли? разве?* [СРусЯз-Е; БТС-К; ТС-Д; ТС-Е; БТС-К; ТС-У; ВС].

9. Восхищение [СРусЯз-Е; ЭС-Ш; ТС-О; БТС-К; ТС-У; ТС-Е].

10. Недовольство, негодование, нетерпение, досада [СРусЯз-Е; ЭС-Ш; ТС-О; БТС-К; ТС-У; ВС; ТС-Е].

11. Ирония [СРусЯз-Е; ЭС-Ш; ТС-О; БТС-К; ТС-Д; ТС-У; ВС; ТС-Е].

12. Вывод, заключение или вводное замечание, итог, резюмирование и указание на возможность перехода к дальнейшему [СРусЯз-Е; ЭС-Ш; ТС-О; ТС-Д; НС-Е; ТС-Е; ВС; ТС-У].

13. Подчёркнутое отрицание; отрицательное отношение к кому-либо или чему-либо, утрата интереса; желание избавиться от кого-чего-нибудь, перестать обращать внимание на кого-что-нибудь; означает *нет, вот ещё, прочь, долой* [БТС-К; ТС-Д; ТС-У].

14. Уточнение каких-либо обстоятельств (в вопросительной реплике) [БТС-К].

15. Усиление, желание придать высказыванию большую выразительность, силу, подчеркнуть значение того или другого слова [ТС-Д; СРусЯз-Е; ТСЖВЯ; БТС-К; ТС-У].

16. Убеждение, ободрение.

17. Угроза, вызов.

18. Брань, проклятия [ТСЖВЯ].

Выражения, содержащие маркер *ну*, имеют следующие значения.

1. *Ну да*: подчеркивание нежелания делать что-либо [ТС-Д]; подчеркнутое отрицание; *нет, вот ещё*; подчеркнутое согласие, утвердительный ответ; *конечно*; выражение недоверия, сомнения; *разве* [ТС-Е].

2. *Ну и (разг.)*: подчеркивание связи с предшествующим высказыванием; оценка, удивление [ТС-Е], [ТС-О]; *вот поэтому и, вот по этой причине* [ТС-О]; восхищение; неодобрение [ТС-Е].

3. *Ну и что*: уточнение каких-либо обстоятельств [Там же]; используется в вопросе для выяснения дальнейших подробностей; ответ на какую-либо реплику, когда хотите сказать, что то, о чём идёт речь, не имеет для вас значения = *подумаешь, неважно* [ТС-Д];

4. *Ну и что же*: отрицание того, что что-либо имеет какое-л. значение; уточнение каких-либо обстоятельств *ну и что*.

5. *Ну что*: выяснение того, в каком положении, в каком состоянии находится кто-либо, что-либо.

6. *Ну что же*: выражение одобрения чего-либо, согласия с чем-либо; *хорошо, ладно*; подчеркивание перехода к новой мысли, подведение итога ранее сказанному; *таким образом, итак*; подчеркивание значения вопроса [ТС-Е].

7. *Ну и ну! (разг.)*: выражение скептической оценки [ТС-О]; выражение удивления, неодобрения [ТС-Е].

8. *Ну-ка (разг.) и ну-тка (прост.)* – понуждение, поощрение [ТС-О].

9. *Ну как (да) (прост.)* – выяснении того, какое впечатление произвело что-либо на кого-либо [ТС-Е]; выражение неуверенного опасения [ТС-О].
Ну а если: выяснение возможности какого-л. действия, факта; *а если, может быть*.

10. *Ну а как же*: подтверждение сказанного, подчеркивание категоричности утверждения; *да, конечно, разумеется, а как же*.

11. *Ну вот*: усиление результативности в высказывании; *итак, наконец*; завершение высказывания, подведение итога; усиление эмоциональности высказывания.

12. *Ну вот ещё*: выражение решительного отказа от чего-либо, подчеркнутое несогласие с чем-либо; *вот ещё*.

13. *Ну вот и всё*: подведение итога сказанному, указание на исчерпывающий характер сказанного; *вот и всё*.

14. *Ну вот что*: выделение, подчеркивание последующего высказывания; *вот что*.

15. *Ну как же*: выражение недоумения, удивления; *как же*; подтверждение сказанного; *да, конечно, разумеется, как же*; выражение восхищения, восторга, гордости и т. п.; *как же*.

16. *Ну так как*: побуждение к ответу; *ну как, так как, так как же, ну так как же*.

17. *Ну так как же*: при побуждении к ответу; *ну как, так как, так как же, ну так как*.

18. *Ну тебя*: выражение отрицательного отношения к кому-л., чему-л., нежелания иметь дело с кем-либо, чем-либо; *а ну тебя*.

19. *Ну то-то же*: выражение удовлетворения словами или поведением собеседника; *то-то вот, то-то же*.

20. *Ну*: несогласие с чем-либо, возражение против чего-либо.

21. *Ну-ка*: побуждение, приглашение совершить что-либо.

22. *Ну-ну*: побуждение к чему-л. как действие; удивление, негодование, ирония, восхищение и других чувства; согласие с собеседником, желание успокоить его; запрещение.

23. *Ну-с*: вывод, вводное замечание, заключение; соответствует по значению *и так, наконец* [ТС-Е].

В проанализированных лексикографических источниках выявлен синонимический ряд к слову «ну»: *неужели, неужто, ужели, пусть, ужель,*

начинать, короче, ну-ка, давай, скажем, да что ты, да что вы, допустим, положим, разве, будто? ой ли? [КС].

Проанализировано 600 контекстов с маркером *ну* из русскоязычных корпусов, форумов, чатов, мессенджеров. На основании контекстуального анализа примеров были выделены прагматические функции дискурсивного маркера *ну*. Было установлено, что дискурсивный маркер употребляется как в вопросе, так и в ответе, и актуализирует следующие прагматические функции.

1. **Акцентирование, аттракция.** Адресант создает некий образ, выделяет некую деталь или часть целого и актуализирует доминирующую смысловую нагрузку:

– *Илья! Ну мы же в этой стране и так, как над пропастью во ржи находимся!* – *Над пропастью во ржи... не моё, но хорошо: над пропастью во лжи!* [НКРЯ]

– *Ну Иван, не палите же арсенал, я не провоцировал* [НКРЯ].

– *Ну, Бен, это всего лишь три часа твоей жизни* [РС].

2. **Аргументация.** Адресант приводит доводы с намерением модификации информационной системы адресата в аспекте изменения убеждения другой стороны:

– *Какие на ваш взгляд плюсы и минусы высших учебных заведений и школ? И где в итоге лучше?* – *Мне однозначно школа больше нравится, хотя бы потому, что урок 40 минут идёт. Ну и нагрузка поменьше* [НКРЯ].

– *Это значит, что первые год – два нужно учиться хорошо, чтобы оценки были хорошие, а потом преподаватели смотрят на ваши предыдущие оценки. Ну вот свой пример приведу – 5 курс, сдаю долг с 4 курса. Прихожу, собираюсь отвечать, а препод мне: «А дайте-ка свою зачетку». Открывает, просматривает и комментирует: «Ммм, языкознание пять, похвально»...* [НКРЯ]

В качестве доводов используются ссылки на опыт, на более общие и кажущиеся достоверными принципы, на принятую систему убеждений, на здравый смысл и т. д.

3. **Безразличие.** Адресат демонстрирует равнодушие к сложившейся ситуации, обстоятельствам, положению дел, обусловленное запретом, нежеланием адресата поддерживать коммуникацию:

– *Мне нужна твоя помощь. У меня сил не хватает.* – **Ну** позвони своему парню. – *Он на другом конце города, пока доедет... А ты по соседству* – *Ок, что случилось?* – *У меня фисташка не открывается* [Adme].

– *С днем рождения!* – *Спасибо.* – **Ну** как у тебя дела? – *Знаешь, ты не обязан этого делать. Мы можем закончить разговор на этом.* – *Хвала небесам. Спишемся через год* [Adme].

– *Здравствуй, красавица! Можно познакомиться?* – *Замужем.* – *Это нестрашно.* – *Дети.* – *Тоже нестрашно.* – *Ипотека, целлюлит.* – *Ясно, ну нет так нет* [Adme].

4. **Внезапность.** Адресант / адресат демонстрирует неожиданное, невольное, непредвиденное, спонтанное действие в процессе взаимодействия:

– *А он схватил её и ну вертеть!* [RC].

5. **Возмущение, негодование.** Адресант выражает негативную эмоцию, демонстрируя крайнее недовольство, возмущение относительно действий / поступков адресата. Адресант находится с адресатом в иерархически подчиненных / соподчиненных отношениях. Адресат ограничен в своих действиях:

– **Ну** и зачем мы выбрались в эту глушь? [RC]

– *Как сейчас помню: я металась по кухне, потому что у меня одновременно горел лук и убежал суп, и тут зазвонил телефон... Я ещё подумала: ну его к чёрту, пусть звонит, не до него, но в последний момент, на каком-то десятом гудке всё-таки взяла трубку...* – *Узнала? Я замерла* [НКРЯ].

– *Дитяtko стирку затеяло. Ну сколько раз я ей говорила, что белое отдельно, цветное отдельно?* – *Ага-угу, знаем, плавали. В результате стирки белые трусишки стали цвета хаки. Ну неужели нельзя на слово поверить в такой мелочи?* [НКРЯ].

6. Возражение, обсуждение. Адресант актуализирует обоснованные отрицание / отклонение какой-либо мысли, положения дел, утверждения:

– *Я хотела сказать, но это может быть очень грубо будет сказано, у него наверное мозгов на это не хватает. – Да ну при чём тут мозги. Просто реальных результатов нет, нет ни одной работы. Это просто от человека зависит [НКРЯ].*

– *А виден он становится, только когда эти часы снимаешь с руки и будто бы ненароком кладёшь на стол или прикроватный столик так, чтобы он (она? они?) полюбовались удивительным и завораживающим вращением мириадом шестерёнок. Ну разве не очевидно, что часы перестали быть только средством для ориентации во времени? [НКРЯ]*

7. Восхищение. Адресант оказывает психическое воздействие на адресата с целью модификации его эмоционального состояния, с целью вызова чувства радостного удовлетворения, состояния восторга, очарованности и т. д.:

– *Тогда посмотрите еще раз на снимки – ну разве не красавица? [LCC]*

– *Муж и жена – круглые сутки вместе!? – Да только это ну очень редкий подарок судьбы, вроде выигрыша миллиона в лотерею [LCC].*

– *Действительно, некоторые наряды в Коктебеле заслуживают особого внимания, получают ну просто настоящие шедевры [LCC].*

8. Выяснение. Адресант актуализирует речевой акт выяснение в случае возникновения непонимания, неясности, двусмысленности ситуации, положения дел:

– *Зато это... ну как, привлекло твое внимание, да? [RC]*

– *Ну и что, если бы знал? А ничего! То-то и оно, что ничего бы от этого не изменилось [НКРЯ].*

9. Дополнение. Адресант реализует функцию дополнения с целью увеличения объема получаемой информации:

– *Почему-то они там в Германии сидят и моют туалеты. – Мне думается, если бы муж Вашей подруги владел бы ещё вдобавок к русскому и иностранным языком на уровне «носителя» и получил бы образование, хотя бы и*

среднеспециальное, но за границей, и имел бы многолетний опыт работы за границей, ну и, естественно, параллельно бы стал студентом-заочником в России, и поехал бы работать в сельскую школу, у него были бы шансы, пусть не в городе, но в деревне. Или же я заблуждаюсь? [НКРЯ]

10. Заключение, завершение, вывод, итог, резюмирование. Адресант использует тактику резюмирования с целью получения подтверждения со стороны адресата корректности / некорректности действий, необходимости поступков:

– Ладно, я виноват, проси что хочешь. – Калифорнию? – Ну это тогда уже сейчас надо заморочиться с визой. Поехали в понедельник в посольство. Посмотрим, что они скажут, и решим [Adme].

– А может быть, вы хотите чего-нибудь необычного, например, установить на своем дачном участке помпезную каменную ротонду? Вам останется только выбрать желаемой беседки фото в любом каталоге и озвучить свои пожелания – ну а дальше уже наша работа [LCC].

– И куда теперь? – Ну все, здесь мы и поставим палатку [RC].

– Думаете, оно того стоит? – Да, однозначно. Ну все, я побежал – до Нового года еще обязательно выйду на связь [НКРЯ].

11. Замечание. Адресант высказывает краткое суждение по поводу увиденного, услышанного, с целью комментирования или побуждения адресата к действию:

– Может, познакомимся? – У меня есть парень. – У тебя нет фотографий с парнем, так и скажи, что просто не хочешь знакомиться. – Ну ладно, да. Я просто не хочу знакомиться с человеком, у которого нет дома и он живет на улице. – Ахаха, а кто сказал, что у меня нет дома? – Ну у тебя же нет фоток с ним [Adme].

– Я сегодня поилку для морской свинки купила. В ней, прикинь, кнопка. Нажимаешь и вода течет. – Ну, морские свинки умные, разберутся. Ты же вон, разобралась. – Мне муж показал [Adme].

12. Запрет. Адресант находится с адресатом в иерархически подчиненных отношениях и отдает распоряжение, пресекающее или ограничивающее действие адресата. Адресат ограничен в своих действиях:

– *Как король может быть неправ, а женщина – права? Ну нет, я не позволю ему так со мной разговаривать!* [РС]

– *Ну, куда ты едешь? Стой!* – вдруг изо всех сил закричала она. Я резко затормозил, но было уже поздно. Машину по инерции протащило вперед, и мы стукнулись в левый бок бежевой иномарки [НКРЯ].

13. Запрос информации. Адресант актуализирует факт неполноты получаемой информации и ставит перед собой цель получения дополнительной информации, чтобы принять решение о последующих действиях / шагах:

– *Ваш жизненный путь прошел и проходит по территории четырех государств – СССР, России, Израиля и вот теперь Люксембурга. Ну и где лучше всего? – Существует мудрая поговорка: «Везде хорошо, где нас нет»* [НКРЯ].

– *Ну а как твой поход? – Ммм... ну неплохо. было нелегко, но ведь это как раз то, что нужно* [НКРЯ].

– *Она хочет покрасить волосы, для меня это как-то непонятно. Я сама первый раз покрасилась в 15 лет, на что мой ребёнок сказал, ну конечно у вас тогда всё по-другому было. Ну и как себя вести при этом? Как вы поступили? разрешили бы покраситься? или нет?* [НКРЯ]

– *Ну что там у тебя с машиной? – Некачественное топливо вызвало коррозию форсунок и впускного коллектора. – Ой, чувак, можно по-русски? – Плохой бензин повредил двигатель* [Adme].

– *А нас пустят? Там фейс-контроль же и все такое. – Ну ты свой фейс в зеркале видела? Ты же будешь у них главной звездой, шведа затмишь играючи! Они молиться на тебя будут, ниц пред тобою падут! Ну а я под юбку к тебе спрячусь и тоже проползу как-нибудь. – Я в мини вообще-то собиралась, – Вера хихикнула наконец* [Глуховский AntConc].

14. Ирония. Адресант использует прием «ирония» с целью импликации противоречий, не относящихся к явному смыслу:

– Мэри, **ну** ты сегодня просто жжжёшь, причём не оставляя улик [RC].

– **Ну** прямо современный вариант сказки про Емелю на печи: мы сидим, а денежки идут. Работать не нужно, затраты нести тоже, а на счёт потихоньку капает. Готовься к зиме в своё удовольствие [НКРЯ].

– Хочу ребенка! – Дорогая, **ну** я же как раз ребенок! [Adme]

15. Категоричность. Адресант находится с адресатом в подчиненных / соподчиненных отношениях и демонстрирует решительность, уверенность в суждениях, формулировках, не позволяя адресату выразить возражения:

– Знаешь что... **ну** и пофиг [RC].

– И... **ну** и что, что мы несовместимы в теории? [RC]

16. Минимизация достижений, преуменьшение: Адресант актуализирует значение минимизации с целью демонстрации незначимости, неважности, нерелевантности достижений, поступков, слов:

– Я занимался электродинамикой СВЧ...– Это что-то связанное с микроволновками, в которых разогревают завтрак? – **Ну**... примерно. Принцип тот же. Точнее я тебе сейчас не объясню. Прочитать мою дипломную работу нормальному человеку так же сложно, как китайских мыслителей в подлиннике [НКРЯ].

17. Негатив, неодобрение, недовольство. Адресант демонстрирует неудовлетворённость действиями, поступками, словами адресата, выражая при этом порицание:

– Можно отнести деньги в банк, но кто может гарантировать, что он не лопнет? **Ну** не государство же! Остаётся одно, и самое простое: хранить деньги в доме – в кубышке ли, в трехлитровой банке, в бачке унитаза, да мало ли потайных местечек можно отыскать даже в самой скромной квартире! [НКРЯ].

Старшина не ответил. Он лишь внимательно посмотрел на командира и подумал: **ну** чего мандражишь, подозреваешь? Плохой тебе проводник, – пойди в деревню, найди лучшего. Но опять, наверно, пошлешь старшину? [НКРЯ].

– Вы пытались найти решение? – **Ну** пытался. А толку что? [НКРЯ]

– Максуд знает, что ты едешь в Москву? – спросила Ирина. – Да **ну** его... – ответила Снежана. Так. Всё ясно [НКРЯ].

– Не особо мне это нравится. – Нравится, не нравится – **ну** и что? [РС]

18. Нейтрализация. Адресант актуализирует значение нейтрализации эмоционального подъема адресата с целью модификации этого состояния в диффузное:

– Но вы, человек, привыкший к комфорту, вы человек, который э-э не знал, что такое дефицит, что такое достать там кофе, достать, не купить, а достать, вы застали ещё это время? – Застал. – И что? – Ну и что? **Ну** не было кофе. – И ничего? – **Ну** и не конец света [НКРЯ].

– Конечно, живём или по телевизору – это небо и земля. **Ну** ничего, в этот раз придётся дома смотреть. Может, даже на дачу куплю старенький телевизор, лишь бы ни одного матча не пропустить [НКРЯ].

19. Неопределенность, неуверенность. Адресант демонстрирует отрицательное нравственно-этическое качество, нерешительность, недоверие к сказанному, к суждениям. Ситуация общения реализуется в условиях неполной информации, неясных, неопределенных интенций. Адресант ощущает недостаток знаний, наличие альтернатив. Неуверенность граничит с неопределенностью:

– Что касается развлечений, я никогда не пробовал заниматься ими на протяжении **ну**, скажем, двух месяцев. Три недели проходят, и я начинаю медленно звереть [НКРЯ].

– Это зависит от того, какие у меня есть альтернативы. – **Ну** я не в курсе ваших альтернатив... – Пока мне известен один вариант – пойти в горклуб [НКРЯ].

20. Объяснение, пояснение, конкретизация. Адресант реализует акт рассуждения, содержащий информацию, достаточную для вывода из нее необходимой смысловой составляющей: объясняемое подводится под известное общее положение (описание) или опирается на утверждение о каузальной связи:

– Ну да... придется читать все эту ересь... – Это как нам Шенявская объясняла нам сущность экза по гермафилу: "Ну понимаете, вы приходите, и вот должны хотя бы знать что есть такой народ – фризы... [НКРЯ]

– Ну, назову «++» учебы в универе: Ты свободен, никто тебя не контролирует так, как в школе. Твое дело, прогуливать или нет. Ведешь свою жизнь сам, все зависит только от тебя и от никого больше [НКРЯ].

– Настя придет в гости завтра. – Кто? – Ну Настя, моя лучшая подруга последние 8 лет. Она ездила с нами в отпуск в прошлом году, ты кучу раз подвозил меня к ее дому. – Это ни о чем мне не говорит [Adme].

21. Опасение, настороженность. Адресант демонстрирует склонность к проявлению напряженной внимательности, целенаправленной осторожности и тревожности:

– А ну как она пойдёт крошить всех подряд просто ради смеха? [НКРЯ]

– Любимый, наша машина не заводится. Мне кажется, в карбюратор попала вода – Ты хоть знаешь, где карбюратор?)) – В машине – Ну, а машина где? – В реке... – ЧТО???) [Adme]

22. Ответ на вопрос, отклик на зов или обращение. Адресант демонстрирует ответную реакцию на обращение, зов, чувства:

– Ты знаешь, как я разбудил Натэлу среди ночи: "Натуся, я должен тебе сказать очень важную вещь, которая меня мучает". – Ну что, Женя? Я спать хочу! – Наш сын Лешка – не от тебя! [НКРЯ]

– Ну чего, что, что надо? – Привет. – Ну привет. – Знаешь, а воровать нехорошо. – А разве я что-то украла? – Да. Мое сердце! – Ты тоже кое-что украл. – И что же я украл? – Мое время [Adme].

23. Отрицание, отказ, несогласие. Адресант демонстрирует функционирование механизма психологической защиты, отказываясь признавать существование нежелательного факта или отрицая существование такого факта. Адресант выражает несогласие относительно событий и информации, которые не может или не готов принять:

– Ну нет, Зои, это не нормально [RC].

– Когда свадьба? – **Ну** нет, больше я не буду устраивать никаких свадеб [RC].

– Так что любое обсуждение дома вновь приводит к стрессовой ситуации. **Ну** не получается оторваться от реальности и только наслаждаться семейной жизнью. Наверное, в нашем трудном XXI веке так ни у кого и быть не может [НКРЯ].

– Давайте переедем загород и организуем коммуну на ферме! – **Ну** нет [RC].

Он нагнулся, потрогал её узкую стопу, всунутую в сухой туфель из старой синей кожи, и сказал довольно строгим голосом: – **Ну** нет, такую обувь вам совершенно нельзя носить. Я пришлю вам туфли, в которых вам будет отлично. Специальная фирма [НКРЯ].

– Он ведь именно эмоций добивается, **ну** так не поможем ему в этом нелегком деле [LCC].

24. Оценка, скептическая оценка. Адресант устанавливает релевантность чего-либо для адресата, при этом актуализируется эмоциональная положительная или отрицательная модификация:

– Взгляды вроде у них стали совпадать! **Ну и ну!** Умники! У кого взгляды совпадают, они давно сплотились [НКРЯ].

Там стоял мой сокурсник. Он посмотрел на меня и сказал: "Слушай, **ну** ты страшная, как атомная война!" И я на всю жизнь запомнила эту фразу... [НКРЯ]

25. Переключение, смена мысли, темы, действия. Адресант использует тактику смены темы в связи с тем, что не хочет или не может ответить на поставленный вопрос, сознательно / умышленно переводит разговор на другую тему:

– Давно музыкой занимаешься? – Нет. – А сюда ты недавно переехала?) – Нет. – Значит, ты местная? – Да. – Да **ну** его к черту, пойду лучше с Сири поговорю. С ней и то будет интереснее диалог! [Adme]

– **Ну** хорошо... а тебя что, на парах не будет? – Я пойду только к четвертой паре [НКРЯ].

– Короче, через некоторое время она посадила нас с Мезиным за одну парту, – такой вот глубокий педагогический приём... И мы с ним стали хорошими друзьями. А я продолжал влюбляться дальше. **Ну**, это уже другая история... [НКРЯ]

26. Побуждение, призыв, понуждение. Адресант актуализирует позитивную / негативную мотивацию с целью информативной модификации системы убеждений адресата:

– На корочку хлеба бы хватило – и то ладно. – **Ну** что вы как маленькая... [НКРЯ]

– **Ну** не читайте вы «советских» газет до обеда, аппетит испортите... [НКРЯ]

– Все у нас трубят о нанотехнологиях, инновациях и прочей лабуде...

– **Ну** пусть потрубят... Собака лает ветер носит... [НКРЯ]

– Давно хотел поговорить с вами... – **Ну?** [НКРЯ]

– **Ну** ты где? – Буду через пять минут. Если нет – прочитай это сообщение еще раз [Adme].

– **Ну** вот и покажи им, как надо работать [RC].

Стою среди вороха задумчивых курток с утюгом-неваляшкой в руках и в красивой крапивной рубахе. **Ну?!** – смотрят на меня девушки, изнурённые неудачными уговорами. – Хоть что-нибудь выберите! В их глазах и вера, и любовь, и надежда – я не могу устоять [НКРЯ].

– Блин, почему ты не отвечаешь на мои звонки? – Я могу объяснить. – **Ну** так объясни! – Мне нравится мой рингтон [Adme].

27. Предложение, приглашение (к совместному действию). Адресант реализует речевой акт гортатив, призывая адресата к совместному выполнению действий:

– Чувак, **ну** давай, зайдём на десять минут [RC].

– Надо бы всем вместе, организованно включиться. – И действительно, **ну** что нам мешает дружно объединиться и спасти любимый город от снега? [LCC]

– Я ему однажды говорю – ну давайте где-нибудь встретимся [LCC].

28. Причина. Адресант актуализирует усиление каузальной связи, указывая адресату на явление, обстоятельства, обуславливающие возникновение других явлений или обстоятельств:

– Где-то внутри я безумно любила музыку, но никогда не уделяла ей нужного внимания. Ну а когда я начала работать диск-жокеем, то узнала, что такое большая музыка... Что такое полюбить музыку... [НКРЯ].

– В магазине была распродажа спортивных носков «Адидас», я купила 10 пар. – ЗАЧЕМ? ЗАЧЕМ? ЗАЧЕМ? – Ну это было реально выгодно, всего около 200 долларов, и потом ты все время жалуешься, что у тебя вечно теряются парные носки. – Папа не обрадуется, что ты потратила такую кучу денег [Adme].

29. Предположение. Адресант выражает предварительное суждение, предварительное намерение, не перешедшее в окончательное:

– В пятнадцать ноль-ноль? – Да. – Ой, это нужно подумать. У меня там останется получается два часа, ну где-то до стрижки. А давайте мы тогда стрижку на шестнадцать ноль-ноль, а коррекцию бровей... как раз сделаем на пятнадцать ноль-ноль. – Ага [НКРЯ].

– Ну, можно попробовать купить или списать, но лучше учить, так спокойнее [НКРЯ].

30. Смягчение, некатегоричность, хеджирование. Адресант / адресат использует преднамеренное смягчение как коммуникативную стратегию, с определенной целью: целенаправленном ослаблении иллокутивной силы высказывания, без которого оно может звучать невежливо, излишне эмоционально или даже агрессивно:

– И после этого я не могу сказать, как я к нему отношусь. Потому что что-то такое возникло... – Любовь. – Ну да. Наверное, можно это любовью назвать. Такого рода контакт. Во всяком случае, если бы я его сейчас встретила, я бы его благодарила за то, что в моей жизни такое произошло, такой опыт [НКРЯ].

31.Согласие, подтверждение. Адресант / адресат актуализирует общность точек зрения, взаимную договоренность:

– *Ну хорошо, давайте вернёмся к Оруэллу [RC].*

– *Они нравятся конкретно тебе, и ты знаешь их почти наизусть и т. д. Другие могут сказать: ну, да, неплохое кино, или, скажем, да как-то не очень – это ничего не изменит, потому что это твоё кино [НКРЯ].*

– *Никогда не боялся – и вдруг... Ну хорошо, я не буду тушить свет, хочешь? – Хочу, – сказал он, хотя было стыдно признаться. Она вышла, а Колюня повернулся лицом к лампе, чтобы лучше видеть её свет [НКРЯ].*

32.Сомнение, недоверие. Адресант / адресат демонстрирует воздержание от окончательного определенного суждения в связи с невозможностью сделать однозначный вывод:

– *Какие слова ты чаще всего говоришь актёрам? – Гм... Ну... есть у меня некоторые любимые изречения, например: "Деньги кончатся – позор останется!" Или ещё: "В гробу карманов нет". Я и сам в это верю [НКРЯ].*

– *А, с Беляево. – Ну... мне где-то минут 50 добираться... – Так! [НКРЯ]*

– *Дом этот я построил своими руками. – Ну да? [НКРЯ]*

– *А если бы я изменил тебе с Ким Кардашьян, что бы ты сделала? – Ну, я бы, наверное, поняла тебя. А вот ее нет...– В смысле? [Adme]*

33.Стимуляция, поощрение. Адресант использует поощрение, содействуя появлению / проявлению той или иной реакции адресата:

– *В общем, слушай меня. – Ну? – Есть одна аспирантка. Она будет принимать у нас датский [НКРЯ].*

Вечером звонит Ерофеев: «Так-так, – слышу, – дневнички ведёшь? А ну почитай что-нибудь из своих записей». – «Пожалуйста, – отвечаю, – заказывай даты» (а память у него уникальная). Задал 15 вопросов [НКРЯ].

– *Слышал, ты свой бизнес открыл. Ну и как оно? – Честно говоря, тяжело, когда бухгалтер – ты, уборщик – ты, продавец – ты. Даже грузчик, который забухал и не вышел на работу, подставив всю компанию, тоже ты [Adme].*

34.Требование. Адресант демонстрирует действие, выражающееся в настойчивой, категорической просьбе исполнения действия или изменения состояния:

– *Ну все, уходи, раз ты так уперся* [РС].

– *Как мне сделать плов, чтобы не слипался рис? В сковородке? – Мы же с тобой недавно делали плов. – Не очень помню... Ну как, скажи, чтобы не слипался?* [Adme]

35.Убеждение, ободрение. Адресант направляет поведение и действия адресата, основываясь на осмысленном принятии адресатом информации, сведений, идей, актуализируя анализ и оценку:

– *Ну что же? Иди за ним смело, не бойся...* [НКРЯ]

Ему бы сейчас подойти к ней, закинуть её голову, обнять: – Ну что, малыш? Но какой она ему малыш? Она ждала своего Артура, и тогда он встал и сказал: – Ну, пока? [НКРЯ]

36.Угроза, вызов. Адресант демонстрирует запугивание, обещание причинения вреда адресату; акт угрозы рассматривается как экспликация умысла:

Он говорит: "Слушай, я стираю тебя, Клем" – и пытается не закрывать глаза, а я говорю: "Ну, попробуй!" [НКРЯ]

– *Вы в меня плевком попали, – сказал Лагарпов. – Ну и что? – спросил молодой человек. Другие молодые люди замолчали и стали слушать и смотреть. – Ничего* [НКРЯ].

37.Удивление, изумление. Адресант выражает когнитивную эмоцию, возникающую при неожиданной ситуации; при этом актуализируется психическая каузация на эмоциональное состояние адресата с целью его модификации в позитивное или негативное:

– *Нет, мне женщины очень нравятся. Мне с ними очень интересно. Правда, я не очень умею с ними общаться. – Да ну? – Да, я практически не умею ухаживать. Меня как-то этому не научили. А мальчиков надо этому учить, я уверен* [НКРЯ].

– *Сегодня он уезжает. – Ну?! Ну разве так можно?* [НКРЯ]

– **Ну ты крут.** – Я еще ни разу не тыкнул в Москву ближе чем на 440 км! – Помнится я... промахнулась в Осло на 5 км... [НКРЯ]

– Гафт... **Ну** что за странная фамилия? Да и фамилия ли? Похоже на аббревиатуру: «ГОСТ»... [НКРЯ]

38. Удовлетворение. Адресат демонстрирует положительную эмоциональную реакцию на исполнение желания, достижение цели и т. д.:

– **Ну,** тогда это день, когда я доволен самим собой [RC].

– А вы как? – **Ну** а мы с коллегами от выполненной работы испытали большое удовлетворение [LCC].

– А что у тебя из допов? – У меня на машине установлены габариты синего цвета – мне они **ну** очень нравятся [LCC].

39. Усиление. Адресант / адресат реализует значение усиления путем выдвижения более ярких, сильных, действенных качественных и количественных признаков, свойств, характеристик объекта; фиксируется степень проявления интенсивности тех или иных признаков:

– **Ну** вас всех к семи чертям! [НКРЯ]

– А я тебе футболку привез с этим вашим бешеным сыром! – С кем – с кем? – **Ну**... эта ваша чокнутая пемза... – Паап, это Спанч Боб!!! [Adme]

40. Уступка. Адресат демонстрирует завершение или разрешение социального конфликта, осуществляя это действие добровольно или вынужденно:

– А ещё мы с ней сделали первый маникюр в эти выходные. Опять-таки когда я росла это было немыслимо девочке в 12 лет делать маникюр в парикмахерской. Я подумала **ну** что же здесь такого криминального «Ведь можно быть дельным человеком и думать о красе ногтей». : –) Ещё она хочет вторую дырку в ухе, но это я сказала будет ждать где-то до 14–15 лет. И ещё в этом году мы сменили очки на линзы, так что времена меняются.: –) [НКРЯ]

– **Ну** ладно, допустим, это действительно так [RC].

41. Утверждение, утвердительный ответ. Адресат выражает подтверждение, согласие, позволение, разрешение на выполнение действия или разделяет позицию адресата относительно положения дел:

– Ты знаешь, сколько лошадиных сил у Форда? – **Ну** [RC].

– Ты местная? – Да. – Знаешь какие-нибудь хорошие места для свидания? – Музеи. – Что именно ты предпочитаешь? – Искусство. – Кажется, я знаю, какой у тебя любимый стиль. – **Ну** давай. – Минимализм [Adme].

42. Уточнение. Адресант демонстрирует некоторое положение дел, обстоятельства, обладающие спецификой, в более детализированные, подробные:

– Что ты хочешь рассказать? – Короче... Недавно я узнал, что машинисты и, вот эти, локомотивы, **ну**, то есть тепловозы, электровозы, **ну** вот эти,... на железной дороге... Но, главное – машинисты... на своих локомотивах..., не едут из,... допустим из,... Омска до Москвы, или из Челябинска до Хабаровска, или, я не знаю,... из Питера до Берлина, а на какой-нибудь не очень далёкой станции..., **ну**, в смысле, выехали из Омска, доехали до ближайшей узловой станции, там у них состав отцепляют, разворачивают, подцепляют другой, и обратно в Омск. И так они всё время, из Омска отъедут... и обратно в Омск [НКРЯ].

Я говорю – например? Он говорит – **ну**, она дочь голландской баронессы и английского банкира. Снималась в Голливуде в пятидесятых годах. А до этого – в Англии [НКРЯ].

– Она уже старая была, **ну** и ... больная очень... [RC]

– Подскажите, плз приблизительно, когда мальчиков начинают интересоваться девочки?? **Ну** там звонки, записочки на уроках.. :-) – Мне вот тоже хочется знать: –) [НКРЯ]

43. Экспрессия, эмоциональность. Адресант выражает свое эмоциональное отношение к переживаниям, настроению, характеру действий адресата. Эмоциональность демонстрирует ответную реакцию на действия адресанта:

– Как тебе удастся так оптимистично ко всему относиться? – А я просто ни с кем не спорю. – Но это же невозможно! – **Ну** невозможно так невозможно [Adme].

– О! **ну** клево) – Я чувствую себя туроператором. Ха-ха) [НКРЯ]

– *Ну, великое дело русскому человеку похандрить, любимейшее из занятий [НКРЯ].*

– *Вы придёте к нам сегодня? – Ну конечно придём! [НКРЯ]*

– *Ну не красота ли? [РС]*

– *Табаков? Ну он всегда Табаков, каких бы сволочей не играл, всегда обаятелен [НКРЯ].*

Контекстуальный анализ при работе с материалом позволил выделить значительное количество функций маркера *ну* по сравнению с количеством значений, представленных в лексикографических источниках.

Анализ следующего диалога, актуализирующего сразу несколько функций дискурсивного маркера *ну* в русском языке, демонстрирует широкий потенциал данного маркера:

– *У меня просто много кредитов. А отдавать бы я их чем стал? Я теперь эти не смогу отдать. Вот теперь просто-напросто влез в долги.*

– *Ну я так понимаю, я про мои двенадцать тысяч вообще могу забыть? Просто выкинул их.*

– *Ну да. Так и есть. Ты их просто выкинул.*

– *Ммм, ну видно так суждено что ли?*

– *Я просто принципиально не выплачу. Можешь считать это кидаловом.*

– *Ну ладно, там посмотрим [НУ].*

В первом примере данного диалога «*Ну я так понимаю, я про мои двенадцать тысяч вообще могу забыть? Просто выкинул их*» дискурсивный маркер *ну* употребляется в функциях запроса информации и предположения, во втором «*Ну да. Так и есть. Ты их просто выкинул*» – в функции согласия. Третий пример «*Ммм, ну видно так суждено что ли?*» актуализирует функцию сомнения, четвертый «*Ну ладно там посмотрим*» – некатегоричность и завершение. Таким образом, в одном диалоге демонстрируется несколько функций дискурсивного маркера *ну*.

3.2.2. Дискурсивный маркер *вообще*

Частотность *вообще* составляет 21384 документов, 102080 вхождений в Национальный корпус русского языка, 41536 результатов в Reverso Context Dictionary, 364314 – в Leipzig Corpora Collection. Частота (ipm) леммы *вообще* – 2989.8 SE Ipm (общая частота, которая характеризует число употреблений на миллион слов корпуса, или ipm (instances per million words) – общепринятая в мировой практике единица измерения частотности, которая упрощает сравнение частоты слова в разных частотных словарях и в разных корпусах [ЧС].

В русском языке *вообще* известен с XI–XVII вв. [ЭС-Ш]. *Вообще* – *вообще, вопче* (стар.) *нераздельно, совокупно, вместе, собща; оптом, огулом, повально, не частно, без изъятий; всюду, всегда* [ТСЖВЯ]. Элемент *вообще* относится наряду с *в общем, в целом, в принципе* к группе единиц, связанных с идеей «обобщения». *Вообще* образовано от прилагательного *общий*, сохраняет противопоставление общего и частного, при этом общее предполагает лишение индивидуальных свойств [ПДС: 105]. *Общее* рассматривается как принцип бытия всех единичных вещей, явлений, процессов; закономерная форма их взаимосвязи в составе целого.

Проанализированные словари причисляют дискурсивный маркер *вообще* к разным разрядам:

1. Наречию [БТС-К; ТСЖВЯ; ТС-ОШ; ТС-У; ВС; ССРГ-О; СТСРусЯз; СРусЯз-Е; ЭС-Ш];
2. Союзу [БТС-К];
3. Частице [ТС-ОШ];
4. Вводному слову [УФС-В; ТС-ОШ; ВС; СРусЯз-Е];
5. Обобщающему слову [БТС-К; СРусЯз-Е];
6. Междометию [ССРГ-О].

В лексикографических источниках содержатся следующие значения *вообще*:

1. *Не вдаваясь (или не входя) в подробности, не выделяя частных, не касаясь частных, в основном, в общих чертах, в целом, взяв в целом, обобщая, говоря обобщённо, в общем (и целом), по большому счету, во всех отношениях, по*

отношению ко всему, по отношению к большей части случаев, в большей части случаев [СС-А; БТС-К; СТСРусЯз; ТС-У; ТС-ОШ; ВС; СРусЯз-Е; ЭС-Ш].

2. *Вообще говоря, вообще-то, в общем-то* [СС-А].
3. *По идее, в принципе* [ССРГ-О], [СС-А].
4. *Абстрактно, отвлеченно* [СТСРусЯз].
5. *При любых условиях и обстоятельствах, при всяких условиях, в любое время* [СТСРусЯз; ТС-ОШ; ВС; БТС-К; СРусЯз-Е; ЭС-Ш].
6. *Всегда, постоянно, во всем* [ТС-У; ТС-ОШ; ВС; БТС-К].
7. *Как правило, обычно* [СТСРусЯз; ВС; БТС-К].
8. *Приблизительно, примерно* [ВС; ТС-У].
9. *Совсем, абсолютно, совершенно* [БТС-К; ВС].
10. *По сути* [ВС].
11. *Совсем не..., вовсе не...* [ЭС-Ш].
12. *Это так, хотя....*
13. *Без уточнений.*
14. *В той или иной степени.*
15. *Нет и быть не может.*
16. *Сейчас – не то, что всегда.*
17. *Это так, но...* [ПДС].
18. *Употребляется при противопоставлении чего-нибудь одного, более существенного и бесспорного, другому, сопутствующему* [ТС-ОШ].
19. *Указание на возможное перечисление (и так далее)* [ССРГ-О].
20. *Употребляется перед итогом, заключением* [СРусЯз-Е].
21. *Употребляется для усиления* [ВС].

Выражения, содержащие *вообще*, имеют следующие значения:

1. *Вообще-то: обобщая, заключая; собственно говоря, в сущности; употребляется при выделении или противопоставлении; хотя, между тем.* [БТС-К]; означает «защиту индивидуальности», подчеркивает правомерность индивидуального, напоминая о его ограниченности рамками обстоятельств [ПДС, 105–118].

2. *И вообще* употребляется при присоединении предложения (или его части), выражающего мысль, более общую по сравнению с предыдущим [ТС-ОШ; ЭС-Ш]; употребляется в значении обобщающего слова перед итогом, заключением [ЭС-Ш; БТС-К].

3. *А вообще, но вообще* употребляются при выделении или противопоставлении; означает *хотя, между тем* [БТС-К].

4. *Вообще говоря* означает *обобщая, заключая* [СРусЯз-Е; БТС-К; УФС-В]; *собственно говоря, в сущности* [БТС-К; УФС-В].

Наиболее частотными являются следующие сочетания *вообще* с прилагательными, наречиями и глаголами: прилагательное / наречие + *вообще*: *вообще непонятно, вообще супер, вообще невозможно, вообще невозможна, это вообще возможно, вообще нужны, вообще должны, это вообще нужно, вообще свойственно, вообще склонны, вообще странно, вообще способен, вообще противопоказано, что вообще характерно для, это вообще отдельная*; глагол + *вообще*: *может вообще, отсутствует вообще, говорить вообще, знает вообще, не существует вообще, делать вообще, было вообще, думать вообще, работать вообще, пить вообще, вижу вообще, понимаю вообще, стараюсь вообще, не стоит вообще, обойтись вообще без* [SELL].

В лексикографических источниках выявлен синонимический ряд *вообще*: *обычно, в общем, в целом, всегда, постоянно, во всём, по сути, в общих чертах, приблизительно, абсолютно, вовсе, полностью, совершенно, совсем* [ВС]; *поголовно, всегда, обобщающе, собственно говоря, не вдаваясь в подробности, не входя в подробности, в общих чертах, в основном, в целом, в общем, в общем и целом, по большому счету, вообще говоря, вообще-то, в общем-то, по идее, в принципе, во всех отношениях, не выделяя частных, не касаясь частных, обобщенно, заключая, обобщая, по отношению ко всему, суммарно, общо, без подробностей, в главных чертах, в основных чертах, вобщем; в основном; в целом; в общем; в принципе; в общем-то; просто; по идее; по большому счету; всегда; во всех отношениях; в общих чертах; в общем и целом; собственно говоря; вообще говоря; не вдаваясь в подробности; вообще-то, в основных чертах; по*

отношению ко всему; без подробностей; заключая; обобщая; в главных чертах; поголовно; суммарно; общо; обобщенно; не входя в подробности; не касаясь частных; не выделяя частных; подводя итог; обобщающе [С].

Также выделены следующие близкие по смыслу слова и выражения к слову *вообще*: 1) *вовсе, однако, совершенно*; 2) *однако, очень, всё-таки*; 3) *вовсе, отнюдь, купно*; 4) *подобный, общий*; 5) *положительно, никак*; 6) *безотносительно, предпочтительно*; 7) *похожий, вкупе*; 8) *огульно, поголовно, огулом, единодушно, гуртом*; 9) *серьёзно, общо, поверхностно, обобщённо, строго, бегло, короче, чисто, приблизительно, итого*; 10) *обычно, преимущественно, постоянно, вместе, поныне, неотлучно, заодно, сообща, совместно, коллективно, совокупно*; 11) *вообще-то, всегда, кругом, валом, вдосталь, заедино*; 12) *абсолютно, совершенно, тотально, фактически, чохом, вполне, всецело, весь, полностью, сплошь, сполна, суммарно, дотла, дочиста, вконец, разом*; 13) *в главных чертах, в общем и целом, в основном, в основных чертах, не вдаваясь в подробности, не входя в подробности, по большому счёту*; 14) *совсем*; 15) *в общем, в целом, в общих чертах*; 16) *всегда, во всём, по сути*; 17) *без подробностей, в общем-то, в принципе, во всех отношениях, заключая, обобщая, по отношению ко всему*; 18) *вообще говоря, собственно говоря, по идее*; 19) *не касаясь частных, не выделяя частных [КС].*

Антонимом *вообще* является *в частности*, представленный лишь в одном словаре [ВС].

Семантический потенциал *вообще* включает переоценку некоторого заданного элемента ситуации, которая предполагает переход от изолированного рассмотрения элемента к его рассмотрению в связи с другими элементами – с другими носителями некоторого свойства.

Прагматические функции дискурсивного маркера *вообще* были выделены на основании анализа контекстов с данным элементом из диалогов русскоязычных корпусов, форумов, чатов, мессенджеров. Всего было отобрано и проанализировано 600 контекстов с маркером *вообще* и установлено, что

дискурсивный маркер *вообще* реализует следующие прагматические функции, которые представлены следующими контекстами и интерпретациями:

1. Акцентирование. Адресант реализует функцию выделения с целью акцентирования внимания адресата на тех или иных свойствах объекта. Адресант создает некий образ, выделяет некую деталь или часть целого и актуализирует доминирующую нагрузку:

– *Что думаешь про фильм «Поймай меня, если сможешь»?* – *Одни люди используют ложь во благо, другие в плохих, а то и вообще опасных целях. Такому же наркотику поддался 16-летний Фрэнк Эбегнейл. Но в тот же момент к этому герою есть сострадание, ведь это всего лишь мальчик 17 лет, у которого не было отца, который мог бы объяснить ему что хорошо, а что плохо [НКРЯ].*

Вообще в данном примере содержится в ответе и используется в функции выделения, так как говорящий с его помощью делает акцент на прилагательном *опасный*, являющемся более экспрессивным, чем предшествующее ему *плохой*.

2. Выбор. Адресант реализует значение выбора, разрешая неопределенность в своей деятельности или деятельности адресата в условиях множественности альтернатив:

– *А не послушать ли мне лучше музыку или вообще побыть наедине со своими мыслями? [LCC]*

3. Дополнение. Адресант актуализирует значение дополнения, увеличивая свойства объекта, явления сверх имевшихся:

– *Как ты?* – *Не сплю которую ночь... вообще [RC].*

– *Да, и вообще, она очень разочарована утренней работой [RC].*

– *Ты где сейчас?* – *Я направляюсь домой, и вообще была мысль побегать [RC].*

4. Заключение, завершение, вывод, итог, резюмирование. Адресант реализует значение утверждения, сделанного на основе вывода. В процессе мыслительной деятельности выводится новое суждение относительно положения дел, обстоятельств:

– Школа или универ где легче?) – Разумеется университет. Во всяком случае для меня в университете было учиться легче, так как там не было неинтересных мне предметов. Но при этом университет возлагает на человека большую, по сравнению со школой ответственность! Хотя и тут тоже многое зависит от человека, если втянется в ритм, то будет учиться, если привык нормально учить, а не зубрить, то тоже не пропадет. Кстати, если грамотно распределять время, учеба совсем не мешает вести нормальную жизнь веселого студента. А **вообще**, самое хорошее время – это последние курсы! Лично я тогда реально учился только в сессии [НКРЯ].

– Как это происходит? **Вообще**... закончив 1-й курс понимаешь, что ты уже повзрослела... поумнела и школьники начинают казаться просто маленькими детишками, которые ещё мало что понимают... [НКРЯ]

– Расскажи, Нелечка, чем все закончилось, – попросила Леля. – Дура, тут же дети, – ответила Нелли. – Ну-ну, выкладывай, радость моя, – сурово насутился Игорь. – Отличник, ты еще маленький, заткни уши, – велела Нелли. – **И вообще**, вы – скоты. Зачем вы развращаете мне молодого человека? [Иванов AntConc]

Вообще здесь содержится в ответе и употребляется непосредственно перед выводом, предваряя его, или после вывода.

5. Закономерность, регулярность. Адресант демонстрирует существенную повторяющуюся взаимосвязь явлений действительности:

– По мне так отношения на расстоянии никогда не удаются **вообще** [RC].

– И есть ли **вообще** в школах настоящие женщины? Уверен, что да, есть [НКРЯ].

Дискурсивный маркер **вообще** актуализирует функцию регулярности в ответе, так как описывает мнение по поводу определенной сферы повседневной жизни.

6. Критика, осуждение. Адресант реализует значение критики, анализируя, оценивая и осуждая положение дел, событий, явлений; адресант выявляет противоречия, ошибки, ошибочные представления адресата:

– *Кто знает, как она **вообще** получила лицензию адвоката?* [RC]

7. **Обобщение, генерализация.** Адресант реализует указание на то, что свойства адресата присущи не ему одному, а некоторой совокупности объектов. Обобщение является прототипической функцией для дискурсивных маркеров. Обобщение предполагает переход от вариантной смысловой компоненты к инвариантной, получение общих суждений.

– *Да что с тобой такое **вообще**? Ты не хочешь знакомить меня с ними сегодня? – Все в порядке. Сегодня я не готов. Давай вернемся к этому позже* [RC].

– *Скажите, как **вообще** начать отношения с понравившейся девушкой и как с ними общаться?* [LCC]

– *А ты полон позитива, смотрю? – Да, я **вообще** веселый парень – и на работе, и на отдыхе* [RC].

В данном контексте *общее* предшествует *частному*. Адресант приводит релевантное положение, но при этом в дальнейшем добавляет менее релевантные характеристики, которые в своей совокупности соотносятся с первым положением.

В вышеприведенных примерах дискурсивный маркер *вообще* содержится в вопросе и в ответе и демонстрирует прагматическую функцию обобщение, так как характеризует общее, а не о сиюминутное состояние человека.

8. **Отрицание, отказ, несогласие.** Адресант демонстрирует функционирование механизма психологической защиты, отказываясь признавать существование нежелательного факта или отрицая существование такого факта. Адресант выражает несогласие относительно событий и информации, которые не может или не готов принять:

– *Когда я его спросила, зачем ты это сделал!?? Он ответил, что Линукс ему удобнее!! На самом деле же он это специально сделал, чтобы я не смогла **ВООБЩЕ** пользоваться его компьютером!* [LCC]

– *Зачем тебе столько всего с собой? – А без специальной оснастки чувствовать себя комфортно – **вообще** невозможно* [LCC].

– Михаил Борисович, почему вы галстук не носите, вы же олигарх?! – Действительно... Да мне он не идёт, шею трёт и **вообще** не нравится [НКРЯ].

9. **Оценка, скептическая оценка.** Адресант находится с адресатом в иерархически соподчиненных отношениях и информирует о статусе значимости объекта для познающего адресата. Адресант устанавливает релевантность чего-либо для адресата, при этом актуализируется эмоциональная, положительная или отрицательная модификация:

– Как там после ремонта? – Цена **ВООБЩЕ** не оправдывает качество, а атмосфера как была отличная, так и осталась [LCC].

– Зачем ты туда пошел? – Это **вообще**... не выглядело опасным [RC].

– Очень хорошая идея, и **вообще** мне нравится ход твоих мыслей, но мы имеем в виду несколько более серьезные меры [RC].

10. **Перечисление.** Адресант актуализирует значение перечисления, используя гиперо-гипонимический ряд:

– Как вы понимаете слова Эйнштейна "Бог не играет в кости"? **Может, играет, ловчит и вообще, жульничает?** – Эйнштейн имел в виду, что вселенная лишена случайностей, природа детерминирована, и если что-то кажется нам случайным, **это значит лишь то, что мы пока не видим закономерности, которая за этим стоит.** Доведенное до предела, это выражение означает принципиальную познаваемость мира, его стабильность. **Так что, выходит, бог играет в кости и, скорее всего, жульничает** [ФЯЗ].

Дискурсивный маркер *вообще* актуализирует функцию перечисления в вопросе, встраиваясь в один ряд с синонимами *играет, ловчит, жульничает*. Следует обратить внимание, что в данном контексте функционируют и другие дискурсивные маркеры, создающие своеобразную линию развертывания диалога – *может – имел в виду – это значит лишь – пока – так что, выходит скорее всего*.

11. **Присоединение, приобщение, включение.** Адресант демонстрирует значение генерализации путем реализации функции присоединения в контекстах, объединяя элементы в одну систему:

– *Что Вы думаете об этой музыкальной программе? – Мне она определенно понравилась. И вообще, британские детские песенки здесь весьма уместны [RC].*

12. Противопоставление. Адресант реализует значение противопоставления, используя элементы сопоставления и сравнения объектов с целью указания на их несходство и противоположность; наблюдается выдвижение объекта, равного другому, замещающего или превосходящего по своим свойствам, характеристикам, признакам, критериям, качествам:

– *Летом 2016-го я посмотрела фильм «Капитан Фантасмик», вы, наверное, о нем не слышали. – Как тебе фильм? – Вообще, большинство представителей некоммерческого кино очень отличаются от дорогих блокбастеров. Тебе не четко разжевывают наскучившую мораль, а лишь подталкивают на какие-то мысли. И тогда уже конкретно твоя голова размышляет над этим и делает свои выводы [Блог WoMo].*

Здесь дискурсивный маркер *вообще* актуализирует функцию противопоставления в ответе, так как с его помощью усиливается поляризация некоммерческого кино и дорогих блокбастеров.

13. Усиление. Адресант / адресат реализует значение усиления путем выдвижения более ярких, сильных, действенных качественных и количественных признаков, свойств, характеристик объекта; фиксируется степень проявления интенсивности тех или иных признаков:

– *Ты? Ты не просто один, ты **ВООБЩЕ** один [LCC].*

– *Том, он... он счастливчик, что **вообще** выжил [RC].*

– *Хочешь услышать? Даже меня эти прыжки с высоты в то время продирали до мурашек... а уж про первый виденный мною буллет-тайм в кино – это **вообще** полный ... вынос мозга... [НКРЯ]*

14. Уточнение. Адресант / адресат реализует значение уточнения, модифицируя объект в вид более конкретный, точный:

– *Эту ситуацию с приватизацией **ВООБЩЕ** как-то реально разрешить, без участия матери? [LCC]*

– У меня, **вообще**, к тебе масса вопросов [RC].

Контекст способствует более узкой интерпретации интерперсональных отношений каузатора и объекта каузации, функция уточнения поддерживается введением союза *и* – *и вообще*:

– Как тебе новая работа? – Далековато, конечно. Зато здесь есть довольно большой и светлый зал и **вообще** как-то тише и приятнее [LCC].

3.2.3. Дискурсивный маркер *типа*

Частотность *типа* составляет 9092 документов, 22437 вхождений в Национальный корпус русского языка, 25577 результатов в Reverso Context Dictionary, 213854 – в Leipzig Corpora Collection. Частота (ipm) *типа* как частицы составляет 95.8 SE Ipm, как предлога – 15.1 SE Ipm (общая частота, которая характеризует число употреблений на миллион слов корпуса, или ipm (instances per million words) – общепринятая в мировой практике единица измерения частотности, которая упрощает сравнение частоты слова в разных частотных словарях и в разных корпусах [ЧС].

Дискурсивный маркер *типа* произошел от формы родительного падежа существительного *тип* – *типа*. Изначально *тип* употреблялось в значении «изображение» [ЭС-Ф]. *Тип* – форма, вид чего-либо, обладающие определёнными признаками, а также образец, которому соответствует известная группа предметов, явлений; высшее подразделение в систематике животных, объединяющее близкие по происхождению классы; разряд, категория людей, объединённых общностью каких-либо внешних или внутренних черт; образ, содержащий характерные, обобщённые черты какой-либо группы людей; человек, отличающийся какими-нибудь характерными свойствами, приметами (чаще отрицательными) (разг.); *типа* кого, чего, в значении предлога с родительным падежом *вроде, наподобие* кого-либо, чего-нибудь; уменьшительные *типик* и *типчик*; прилагательные *типовой* и *типический*. В русском языке начала XVIII века известен *типъ* «друкарня, печать книжная», «изображение», *типъ* отмечен в словарях с 1776 г. Из франц. *type* «оттиск, прообраз, тип»,

восходящего при лат. посредстве (*typus*) к др.-греч. *tÚpoj* «оттиск, след от удара» [ЭС-Ш].

Проанализированные источники причисляют *типа* к следующим разрядам:

1. Существительному от *тип* в родительном падеже [ССЛА; БТС-К; ТСЖВЯ; ТС-ОШ; ТС-У].

2. Предлогу [СТ].

3. Предлогу в сочетании с родительным падежом [ТС-ОШ; ССЛА].

4. Предлогу в сочетании с именительным падежом; возможен винительный падеж, обусловленный управляющим глаголом [ССЛА].

5. Предлогу в сочетании с глагольной формой: употребляется в разговорной речи вопреки лексико-стилистическим и грамматическим нормам употреблять «типа + кого-чего» как предлог только с существительным в родительном падеже или с неизменяемым существительным [Корректно ли использовать слово «типа», эл. ресурс].

6. Частице [ССЛА; ВС; КС; Павлоцки: эл. ресурс; Егорова 2018: 2].

7. Междометию [Павлоцки: эл. ресурс].

8. Вводному (модальному) слову [Павлоцки: эл. ресурс].

9. Дискурсивному маркеру [Егорова 2018: 9–12].

В лексикографических источниках содержатся следующие значения *типа*:

1. Выражение отношений: 1) включения – типологического и квалифицирующе-типологического; 2) квалифицирующе-уподобительных, в основе которых лежит неявное, приблизительное сходство сравниваемых реалий; сравниваемые предметы / явления могут быть объединены общей сферой употребления или функционирования; 3) пояснительных – конкретизации [ССЛА].

2. Сравнение (=как), характерный пример (=например) и обозначение приблизительного количества (=примерно) [Егорова 2018: 9].

3. Аппроксимация (выражение предположительности или подобия чего-либо, соответствующие по значению словам: *вроде, как будто, будто, наподобие*) [СТ; ССЛА; ВС; КС; Павлоцки: эл. ресурс; Егорова 2018: 2].

4. Аппроксимация, актуализирующаяся в следующих случаях: обобщение частных высказываний; гипотетическая фраза; снятие ответственности за точность формулировки; близкая к оригиналу или вполне точная передача чужих слов; ситуация интеллектуальной работы; поиск подходящей номинации; ироническая номинация или описание; припоминание, мыслительное затруднение, сомнение; нечёткость коммуникативных намерений [Егорова 2018: 10–12].

В лексикографических источниках представлен синонимический ряд *типа*: *вроде, вроде бы, вроде как, вроде как бы, как бы, будто, в виде, как, подобно, навряде* [ВС; КС]; *так сказать, наподобие* [С].

Типа употребляется в составе другого служебного слова – союза *типа того, что* [ССЛА].

К фразеологизмам и устойчивым сочетаниям с *типа* относятся *типа того, что-то типа*, используемые для введения несобственно прямой речи [ВС; КС; ССЛА].

Стилистически *типа* употребляется в научном стиле – в целях типологии; используется в публицистическом стиле; характерен для художественной речи; широко распространен в разговорном стиле [ССЛА].

Вариант слова *типа* – *типо* – является «фантомом» (несуществующим, однако активно используемым в разговорной речи). Носитель языка ошибочно полагает, что у *типа* есть наречная природа, поэтому вариант *типо* представляется ему вполне правильным: здесь наблюдается явление «ложной грамотности» [Павлоцки: эл. ресурс].

Прагматические функции дискурсивного маркера *типа* были выделены на основании анализа контекстов с данным элементом из диалогов русскоязычных корпусов, форумов, чатов, мессенджеров. Всего было отобрано и проанализировано 600 контекстов с маркером *типа*. Выявленные прагматические функции представлены следующими контекстами и интерпретациями:

1. **Заключение, завершение, вывод, итог, резюмирование.** Адресант демонстрирует значение утверждения, сделанного на основе вывода. В процессе

мыслительной деятельности выводится новое суждение относительно положения дел, обстоятельств ситуации:

– Ну, назову «+» учебы в универе: Ты свободен, никто тебя не контролирует так, как в школе. Твое дело, прогуливать или нет. Ведешь свою жизнь сам, все зависит только от тебя и от никого больше. В принципе, эти пункты вытекают один из другого и можно сказать, эквивалентны, но я их все-таки выделил для наглядности: **типа** «с разных точек зрения». Согласно с Доком. В универе легче [НКРЯ].

2. **Ирония.** Адресант использует прием «ирония» с целью импликации противоречий, не относящихся к явному смыслу:

– Ууу, ты **типа** такой взрослый? С каких пор? [РС]

3. **Обобщение, генерализация.** Адресант реализует указание на то, что свойства адресата присущи не ему одному, а некоторой совокупности объектов. Обобщение является прототипической функцией для дискурсивных маркеров. Обобщение предполагает переход от вариантной смысловой компоненты к инвариантной, получение общих суждений:

– Ой, в ма... в марте, вернее. – В марте, я поняла. – Причём щас просто сидим, увидели это объявление, мне приходит сообщение – на карточку пришло триста рублей. А у нас выходит короче стипендия и плюс триста рублей **типа** на прожиточный минимум. – Угу. – Я говорю "Классно". – Ни фигу себе! [НКРЯ]

4. **Объяснение, пояснение, конкретизация.** Адресант актуализирует акт рассуждения, содержащий информацию, достаточную для выведения из нее необходимой смысловой составляющей: объясняемое подводится под известное общее положение (описание) или опирается на утверждение о каузальной связи:

– Как? Вот так. Женщин привлекают в мужчинах их деньги. Жаль, что не все девушки это знают...)) А чувака, может, сделало богатым не сила духа, а родственные отношения. **Типа** сынуля богатого папы. Но заметьте, количество девушек, вьющихся вокруг него, совсем не исчезающе мало. Отсюда вывод – их привлекают именно деньги. И это не единичные случаи [НКРЯ].

– Насчёт обедов? В нашей семье дааавно существуют такая поговорка «раз в сутки борщ, суп должен быть в желудке» – с этим уже никто не спорит: –)... я могу разрешить съесть полпорции (так как сын может скривить мордочку, что этот суп он не хочет или не любит), но в обед (после школы) обязательно надо поесть горячее жидкое (суп или борщ) кстати, это касается всех членов семьи; –) правда, я могу смухлевать – **типа** я худею; –), но мужу захомячить «супчику да с потрошками» – милое дело: –) [НКРЯ].

5. Поиск подходящей номинации, мыслительное затруднение: Адресант демонстрирует стремление подобрать соответствующие цели общения слова, сочетания слов, предложения. Наблюдается некоторое замешательство в подборе номинаций, вызванное процессами речепроизводства или внешними причинами:

– Он предлагал тебе что-то за услугу? – Да. Ну **типа**... подарок или что-то в этом роде [RC].

– Прекрасно может нам... ну **типа**... связать его? Так будет проще [RC].

– А, кстати, знаешь блин есть такая идея, ээ вот мама участвовала в выставке рукодельной, и ей подарили два разных набора больших. Эти рисовать по номерам, но там ну такой большой набор, по-моему, три типа триптиха, вот три картины. – Ну? – Вот. Ну там **типа** лодки, ну я те могу сфоткать, там один закрытый с цветами, ну то есть, вроде, кажется что некрасиво, но реально, когда нарисовано – красиво [НКРЯ].

6. Предположение. Адресант выражает предварительное суждение, предварительное намерение:

– Про фильм? Не буду никому противоречить, фильм действительно ужасен, скучен, предсказуем до безобразия, Ди Каприо здесь как-то особенно раздражителен, Том Хэнкс как не при делах, **типа** играет потому, что друг попросил. Друзьям не отказывают, и это правильно, и поэтому крутится мир [НКРЯ].

Они не знали, что Семёнов меня заранее спросил – кто будет на дне рождения. Высокий Андрей мне на кухне сказал – классный парень. Он, что, **типа**, из Америки приехал? [НКРЯ]

7. **Причина.** Адресант актуализирует усиление каузальной связи, указывая адресату на явление, обстоятельства, обуславливающие возникновение других явлений или обстоятельств:

– *Блин, и где они такие места находят? Вот этот вопрос и стал основанием для того, что некоторые считают эту фотку коллажом. Тупа здание ненатуральное. Да само фото вообще все ненатуральное, если на то пошло... но все равно классно...* [НКРЯ]

8. **Смягчение, некатегоричность, хеджирование.** Адресант / адресат использует преднамеренное смягчение как коммуникативную стратегию, с определенной целью – целенаправленное ослабление иллокутивной силы высказывания, без которого оно может звучать невежливо, излишне эмоционально или даже агрессивно:

– *Зачем ты здесь? – Я, тупа, пришел поговорить от его лица, чтобы, ну, вы поняли...* [RC]

– *Энди, ты слышал? На прошлой неделе мы с Бобби, тупа, воссоединились... физически, а потом я поняла, что совершила ошибку* [RC].

– *Как Элис? – В прошлом году она подцепила взрослого чувака, ну, тупа, реально старого* [RC].

9. **Сомнение, недоверие.** Адресант воздерживается от окончательного определенного суждения в связи с невозможностью сделать однозначный вывод:

– *Да в это полнолуние ... в это полнолуние. Совсем недавно... Одиннадцатого числа? Тупа в районе одиннадцатого числа, по-моему. Может девятого... – И что?* [НКРЯ]

– *А там много сезонов? Ты же знаешь, мне нужно планировать мою жизнь! – Тупа пять или шесть. Но ничего, тут еще «Наркос» выходит, тоже по твоей теме. Так что до конца года такими темпами нам хватит* [Глуховский AntConc].

10. **Сравнение.** Адресант реализует речевую тактику сравнения, с помощью которой уподобляет один предмет или явление другому по общему для них

признаку, реализуя при этом цель – выявить новые, важные, преимущественные свойства:

– Прочла? Спасибо. Она прочла и долго смеялась. Сурьёзная – это по необходимости, у неё (в 15 – то лет!) предпоследний молочный зуб выпал, и то не сам, а с помощью дантиста. Так что улыбочка получается **типа** «щербатый – гроза Арбата» [НКРЯ].

– Я такая – "Ну пловик давайте". И она, знаешь, я просто привыкла как у нас в столовке, у нас боятся лишнюю картошинку положить. – Угу. – Когда я увидела, мне аж было смешно, у нас ну такая тарелка **типа** в столовке, и мальчик передо мной берёт картошку-черри. Не видела? Вот такие вот прям вот кругленькие [НКРЯ].

– Все, они наши! Кстати, тут в «Гараже» нереальная просто выставка, привезли какого-то каталонца, который **типа** нового оп-арта что-то делает, только в три дэ. Не видел? Жорди там что-то такое, на Вилэдже была рецензия, вообще – уау! Или можно в парк «Музеон», раз такая погода, и там вдоль речки пройтись пригласить, **типа** ЗОЖ, мы в тренде [Глуховский AntConc].

11. Удивление, изумление. Адресант выражает когнитивную эмоцию, возникающую при неожиданной ситуации; при этом актуализируется психическая каузация на эмоциональное состояние адресата с целью его модификации в положительное или отрицательное:

– Там мои родные ну в смысле наши местные уральские университеты переводчиков уже выше крыши наштамповали. И до сих пор старательно продолжают... Мне там сложновато приткнуться будет. – А ты **типа** не в курсе какая в Москве конкуренция? – Да нет, почему же? В курсе. Только вот мне кажется, что она тут как-то здоровее что ли [НКРЯ].

12. Цитирование, приблизительная или неточная формулировка, близкая к оригиналу передача чужих слов: Адресант демонстрирует стремление восстановить в памяти, точно выразить чьи-либо мысли, предложения, решения и т. п.:

– У кого это было? Сколько не напрягал мозги, не вспомнил, у кого из юмористов я читал рассказик про туристов, шатающихся по полям и весям с тяжёлыми рюкзаками. **Тупа** не надо нам втирать про природу, романтику и свежий воздух! Сознайтесь, что занимаетесь доставкой грузов в труднодоступные места и деньги за это заколачиваете! Скажите, мол, где записываются в "туристы" и почём килограмм-километр? [НКРЯ]

– Как было? Не помню... Ах да) А! ну в субботу мы **тупа** доотмечали, а в воскресенье ботала) – Милашку лингарта?) – Да! [НКРЯ]

– Прочитал одну статью ибо там есть история любви родителей Гоголя, крайне занимательно) **тупа** отцу его во сне привидилась богородица и указала на девочку из соседнего имения, которая только что родилась. И он в общем до самого ее совершеннолетия к ней навещался, а потом женился. – О, да ну? А-а, я вот этого не слышала... Интересно [НКРЯ].

3.2.4. Дискурсивный маркер в смысле

Частотность в смысле составила 3719 документов и 8821 вхождение лексемы смысл с предлогом в в Национальном корпусе русского языка и 12622 результатов в Reverso Dictionary: translation, context, definition, synonyms.

Проанализированные словари и статьи причисляют в смысле к:

1. Союзу [BC];
2. Гносеологическому союзу [Кузнецова, Почтарёва 2019: 67];
3. Предлогу [СРусЯз-Е; СТСРусЯз; ОСМ; СНСС; BC];
4. Частице, вопросительной частице, усилительной частице [BC];
5. Наречию [CC-A].

На основании анализа источников были выявлены следующие значения в смысле:

1) вкладывая какое-л. значение во что-л., понимая каким-л. образом [СРусЯз-Е];

2) (перен.) в отношении чего-нибудь, по отношению к чему-либо [ТС-У; ФФ; КС; СТСРусЯз]

3) в качестве чего-либо [ФФ];

- 4) интерпретация, объяснение, истолкование (=то есть) [СССР];
- 5) уточнение (в вопросительных репликах); уточнение содержание предыдущего высказывания, внесение какой-то оговорки, поправки (иногда с оттенком недоумения или возмущения) [ТСР; ВС];
- 6) объяснение, пояснение;
- 7) побуждение собеседника к разъяснению;
- 8) выбор говорящим одного из значений многозначного слова;
- 9) эвфемистическая замена;
- 10) передача общего логического содержания;
- 11) удивление, недоумение [Кузнецова, Почтарёва 2019: 68–70].

В проанализированных лексикографических источниках выявлен синонимический ряд *в смысле: в отношении, относительно, то есть, в каком смысле* [ВС]; *а именно, как это понимать* [СС-А]; *это означает, имеется в виду, в плоскости, в фокусе, в значении, в ключе* [С].

На основании анализа контекстов диалогов русскоязычных корпусов, форумов, чатов, мессенджеров были выделены прагматические функции дискурсивного маркера *в смысле*. Всего было проанализировано 600 контекстов и установлено, что дискурсивный маркер *в смысле* актуализирует следующие прагматические функции:

1. **Возмущение, негодование.** Адресант выражает негативную эмоцию, демонстрируя крайнее недовольство, возмущение относительно действий или поступков адресата. Адресант находится с адресатом в иерархически подчиненных / соподчиненных отношениях. Адресат ограничен в своих действиях:

– *Посмотри на часы: стрелки бегут только вперед. А знаешь почему? Потому что прошлое уже не имеет значения.* – **В смысле не имеет?** Ты мне когда долг вернешь, дружище?! [AdMe]

2. **Выяснение (возможности), переспрос.** Адресант реализует речевой акт выяснения в случае возникновения непонимания, неясности, двусмысленности ситуации, положения дел:

– Вообще я не знаю, что делать. – Книги читать. – **В смысле?** – С ошибками пишешь. – Я тут делюсь с тобой переживаниями, мог бы и промолчать про ошибки. – В принципе, я мог бы и промолчать. Но у меня нет такого принципа [AdMe].

– Это как с кошкой. – **В смысле?** – Когда сидишь в кресле, всегда хочется, чтобы она прыгнула тебе на колени. – Вообще, это приятно [НКРЯ].

– У мамы стали выпадать зубы. Она говорит, что я у нее забрала два зуба, а вот этот неизвестный товарищ уже четыре. Она страшно переживает. Зубов нет, пятна... Старая стала... Мне ее жалко... – Тебе ничего не повредит... – **В смысле?** – Я представил тебя без зубов и с пятнами: очень хорошенькая старушка [Щербакова AntConc].

3. Объяснение, пояснение. Адресант реализует акт рассуждения, содержащий информацию, достаточную для выведения из нее необходимой смысловой составляющей: объясняемое подводится под известное общее положение (описание) или опирается на утверждение о каузальной связи:

– Ты ведь знаешь, он любит подкалывать, **в смысле** заигрывать [RC].

– О чем ты? – Я о том... **в смысле**, нужна долгая практика для нужного результата [RC].

Конечно, лицо у нее хуже. Рот большой, мясистый, впрочем, некоторым нравится! Накусаешь губы, и не надо помады. Ценно. Вот глаза, правда, небольшие. Долбленные, как говорит бабка, **в смысле** глубоко сидящие. Но если положить синий тон на веки, а карандашом удлинить уголки на виски, то получается ничего себе разрезик. Египетский. Стильный. Маша много раз думала: а что бы не было косметики, как не было раньше? Мать говорит – обходились пудрой и помадой [Щербакова AntConc].

– Что он делает? Он – это, **в смысле**, я. Просто Он не такой, как в зеркале, не такой, какого знаю, к какому привык... а такой, ужасный... [НКРЯ]

4. Удивление, изумление. Адресант выражает когнитивную эмоцию, возникающую при неожиданной ситуации; при этом актуализируется психическая

каузация на эмоциональное состояние адресата с целью его модификации в положительное или отрицательное:

– **В смысле?** Как отменить подписанное им соглашение? [RC]

– *Микаэль, в чем дело?* – **В смысле?** [RC]

– *Ладно, не грусти, Витька,* – сказала ему *Ветка*. – *Я знаю, что ты в той же заднице, где и я. Фигня. Выживем, не сдохнем.* – **В смысле?..** – не понял *Служкин*. – *Про задницу-то поподробнее...* – *Ну что Надя спит с Будкиным.* – *А ты откуда узнала?* – удивился *Служкин*. – *Колесников сказал. А ему Рулева растрепалась* [Иванов AntConc].

5. Уточнение, детализация, конкретизация. Адресант демонстрирует некоторое положение дел, обстоятельства, обладающие спецификой, в более детализированном, подробном виде:

– *А мы – черти в массовке. Бегаем там, бомбочки взрываем, ну в смысле е хлопушки... Почему-то это сообщение всех ужасно развеселило.* – *А признайтесь, Олечка,* – *вдруг поддразнил её Глинка,* – *вы бы не отказались пополнить этим Домби свою коллекцию?* [НКРЯ]

– *Как ты?* – *На букву ха,* – *отвечает,* – **в смысле** – *хорошо... Впрочем, мы отвлеклись. У Андрея Черкасова тоже всё хорошо* [НКРЯ].

3.2.5. Дискурсивный маркер как бы

Частотность *как бы* составляет 16310 документов и 89926 вхождений в Национальный корпус русского языка, 8878 результатов в Reverso Dictionary: translation, context, definition, synonyms и 91123 контекстов в Leipzig Corpora Collection.

Проанализированные лексикографические источники относят *как бы* к:

1. Союзу [ТС-У; ТС-Е];
2. Наречию [ТС-У; СС-А];
3. Частице [ТС-ОШ];
4. Сочетанию сравнительного союза *как* и частицы *бы* [МАС];
5. Дискурсивному маркеру [Дараган 2000: эл. ресурс; Gaynutdinova 2014: эл. ресурс].

На основании изучения источников были выявлены следующие значения *как бы*:

- 1) *если бы, кабы* (простореч.) [ТС-У; ТС-Е];
- 2) *каким образом, способом* [ТС-У; СС-А];
- 3) условно-предположительное сравнение; *как будто* [ТС-У; ВС; МАС; ТС-Е];
- 4) предположительность, условность высказывания; *будто, будто бы* [ВС; ТС-Е; СРС-А];
- 5) недостоверное сравнение; *как если бы как бы, будто бы* [ТС-Е];
- 6) приблизительное подобие, сходство [ТС-ОШ];
- 7) вежливость;
- 8) неуверенность;
- 9) скромность [Кронгауз 2009: 35];
- 10) признаковая неопределённость: приблизительность, зыбкость, «кажимость» [Воротников 2019: 24];
- 11) смягчение, некатегоричность [Кронгауз 2009: 35; Воротников 2019: 26];
- 12) непреднамеренность [Воротников 2019: 25];
- 13) демонстрация уважения [Кронгауз 2009: 35];
- 14) заполнение паузы, поиск подходящей номинации [Воротников 2019: 27];
- 15) концептуализация (формирование в сознании говорящего понятия, соответствующего плану содержания одной или нескольких языковых единиц, которое затем будет вербализовано) [Дараган 2000: эл. ресурс];
- 16) оценка говорящим собственных высказываний с точки зрения удачности реализации [Там же: эл. ресурс].

В проанализированных лексикографических источниках выявлен синонимический ряд *как бы: будто, будто бы, в виде, в некоторой степени, в некотором роде, вроде, вроде бы, кабыть, как будто, можно подумать, можно представить, на манер, наподобие, несколько, нечто, вроде, ровно, с понтом, своего рода, своеобразный, словно, словно бы, так сказать, типа, точно, точно*

бы, что-то, что-то, вроде, яко [СС-А]; наподобие, вроде, род, своеобразный, подобие, чисто, аналог, немного, примерно, ровно, яко, точно, словно, что-то, якобы, частично, отчасти, наполовину, фрагментарно, несколько, будто, будто бы, в виде, в некоторой степени, вроде бы, как будто, можно подумать, можно представить, на манер, нечто вроде, своего рода, что-то вроде, точно бы, словно бы, так сказать [КС].

Далее на основании анализа контекстов диалогов русскоязычных корпусов, форумов, чатов, мессенджеров были выделены прагматические функции дискурсивного маркера *как бы*. Всего было отобрано и проанализировано 600 контекстов и установлено, что дискурсивный маркер *как бы* демонстрирует следующие прагматические функции:

1. Неопределенность, неуверенность. Адресант актуализирует отрицательное нравственно-этическое качество, нерешительность, недоверие к сказанному, к суждениям. Ситуация общения реализуется в условиях неполной информации, неясных, неопределенных интенций. Адресант ощущает недостаток знаний, наличие альтернатив. Неуверенность граничит с неопределенностью:

– Как, как такое возможно? – Я не знаю, как я это делаю, просто, как бы нажимаю [RC].

– Когда буду? Скоро. Я как бы уже поужинал, но мне еще не принесли чек [RC].

2. Опасение, настороженность. Адресант демонстрирует склонность к проявлению напряженной внимательности, целенаправленной осторожности и тревожности:

– Смогу ли? Боюсь, как бы дождь к вечеру не пошёл [RC].

3. Поиск подходящей номинации, мыслительное затруднение. Адресант демонстрирует стремление подобрать соответствующие цели общения слова, сочетания слов, предложения. Наблюдается некоторое замешательство в подборе номинаций, вызванное процессами речепроизводства или внешними причинами:

– Почему так медленно? – Возможно, мы как бы в центре движения сейчас [RC].

– Разве слабых не жалеют больше, чем сильных? – Не в том дело... Я неправильно выразилась. Я не умею говорить так долго, складно и красиво, как Игорь... Как-то вот получается, что слабых больше жалеешь, но меньше любишь. Жалость от доброты идет, а любовь... ну, **как бы** это сказать... так положено человеку. Любовь первее жалости. Жалеть, конечно, надо, но больше хочется любить [Иванов AntConc].

4. **Предположение.** Адресант выражает предварительное суждение, предварительное намерение:

– Но как все-таки выжил Свистун? Он же **как бы** застрелился серебряной пулей... Или нет? – Уистлер, насколько мне кажется, таки пальнул мимо, рука дрогнула или уже вампирский вирус стал действовать на мозги... [НКРЯ]

– Ну а ты? – Я, честно говоря, не знаю, **как бы** я поступила, если бы моей девице вздумалось права качать. Но мы как-то без этого обходимся. А на дискотеки она – не любительница:-) Мы больше на тренировки:-) [НКРЯ]

5. **Смягчение, некатегоричность, хеджирование.** Адресант / адресат использует преднамеренное смягчение как коммуникативную стратегию, с определенной целью: целенаправленном ослаблении иллокутивной силы высказывания, без которого оно может звучать невежливо, излишне эмоционально или даже агрессивно:

– Пытаюсь придумать, **как бы** сказать... У вас может быть **как бы** асексуальная культура [RC].

– Что "но"? – деревянным голосом спросила я, уже догадываясь, что за этим последует. – Но... **как бы** это сказать... ты меня иногда смущаешь своей опытностью и умением. Я сжала зубы. И ничего не ответила на это заявление [НКРЯ].

6. **Сравнение.** Адресант реализует речевую тактику сравнения, с помощью которой уподобляет один предмет или явление другому по общему для них признаку, реализуя при этом цель – выявить новые, важные, преимущественные свойства:

– *И твоё выступление должно представлять собой как бы диалог со слушателями [LCC].*

– *Оттого ли, что она умерла при мне, можно сказать "на моих руках", видел её борьбу со смертью, слышал её последнее прерывистое дыхание; слышал, как из её тела вышел последний дух жизни и она стала недвижимой? То ли потому, что у нас было слишком много общего в характерах, и с её уходом я как бы потерял часть себя? [НКРЯ].*

7. **Усиление.** Адресант / адресат реализует значение усиления путем выдвижения более ярких, сильных, действенных качественных и количественных признаков, свойств, характеристик объекта; фиксируется степень проявления интенсивности тех или иных признаков:

– *Ухожу. Почему? Мне как бы надоело бегать по коридорам! [RC]*

– *Что здесь скажешь? Это уже как бы совсем низкий уровень [RC].*

8. **Условие.** Адресант детализирует специфику обстоятельств, окружающей действительности, явлений объективной реальности относительно себя и своих целей:

– *Про силиконовую долину слышал? Сколько там наших... И всякий неамериканец, независимо от звания и состояния, только и мечтает, как бы так бросить всё и любой ценой зацепиться в Америке! [НКРЯ]*

9. **Уточнение, конкретизация.** Адресант актуализирует некоторое положение дел, обстоятельства, обладающие спецификой, в более детализированные, подробные:

– *Значит, это как бы семейный проект? – Да [RC].*

3.2.6. Дискурсивный маркер *слушай*

Частотность *слушай* составляет 3382 контекстов Leipzig Corpora Collection, 3366 документов и 10991 вхождений в Национальный корпус русского языка, имеет 32258 результатов в Reverso Dictionary: translation, context, definition, synonyms.

Варианты употребления *слушай* составляют: *слушай, слушайте, послушай, послушайте* (табл. 5).

Таблица 5. Нормализованные частоты вариантов ДМ *слушай*

ДМ	Imp (количество употреблений на миллион слов корпуса)
<i>Слушай</i>	674, 27
<i>Слушайте</i>	74,55
<i>Послушай</i>	15,58
<i>Послушайте</i>	5,56

Как видно из таблицы, выбранный нами для анализа дискурсивный маркер *слушай* является самым частотным в своей группе [Блинова 2019: 193–196].

Слушай рассматривается как дискурсивный маркер, состоящий из двух слогов, но имеющий краткие реализации и часто звучит как *слуш*, *слъш*, *сьш*; *слушайте* в редуцированной форме может звучать как *слуште*, *сушьте* и др. *Слушай* подобен русским единицам *смотри*, *скажи*, *заметь* и др. и английским *look*, *say*, *listen*, *say* etc. [Блинова 2019: 189].

Проанализированные источники относят *слушай* к следующим разрядам:

1. Глагол (повелительное наклонение) [ТС-О; ВС];
2. Вводное слово [ТС-О];
3. Частица [ТС-О; ВС];
4. Наречие [С];
5. Дискурсивный маркер (отымперативный) [Блинова 2019: 185–204].

В лексикографических источниках содержатся следующие значения *слушай*:

- 1) побуждающее обращение к кому-н. в начале речи (разг.) [ТС-О];
- 2) призыв сосредоточить внимание;
- 3) призыв следовать чьим-нибудь советам, приказам, довериться чьему-то мнению [ТС-О; ВС];
- 4) (повел. накл.) выражает желание привлечь внимания собеседника к своей речи [ВС].

В проанализированных лексикографических источниках выявлен синонимический ряд *слушай*: *внимай*, *дебатируй*, *обсуждай*, *рассматривай*, *слушайся*, *следуй* [ВС]; *гей*, *эй*, *слышь*, *приколись!* [С].

На основании анализа контекстов диалогов русскоязычных корпусов, форумов, чатов, мессенджеров были выделены прагматические функции дискурсивного маркера *слушай*. Всего было отобрано и проанализировано 600 контекстов и установлено, что дискурсивный маркер *слушай* актуализирует следующие прагматические функции:

1. **Акцентирование, аттракция.** Адресант создает некий образ, выделяет некую деталь или часть целого и актуализирует доминирующую нагрузку:

– *Слушай, мы с тобой будем работать по две смены, по двенадцать часов, понимаешь?* [LCC]

– *Мег? Мег, слушай, я забронировал Джуди день в спа-салоне* [RC].

– *Слушай, я обещаю взять отпуск. В Анталию полетим? Или в Кемер. Вдвоем. Ты и я. А? Олл инклюзив. Как белые люди. – А вернемся как синие. – Вот прямо сейчас начинаю искать тур. Честное слово. – Честное слово съела корова* [Глуховский AntConc].

2. **Запрос информации.** Адресант демонстрирует факт неполноты получаемой информации и ставит перед собой цель получения дополнительной информации, чтобы принять решение о последующих действиях или шагах:

– *Слушай, а на кого ты учиться хочешь? – На программиста, наверное* [LCC].

В машине, оставшись наедине, мы некоторое время неловко молчали. – Слушай, а чего ты на меня так обиделся? – наконец первым заговорил он. – Я не обиделся. С чего ты взял? [НКРЯ]

3. **Переключение, смена мысли, темы, действия.** Адресант использует тактику смены темы в связи с тем, что не хочет или не может ответить на поставленный вопрос, сознательно (умышленно) переводит разговор на другую тему:

– *Слушай, а ты мне изменить смог бы? – Изменить ... ну, это смотря с кем* [LCC].

И будто читая мои мысли, Ромка вдруг спросил напрямик: – Слушай, я тут как-то сидел вспоминал, как мы с тобой... как ты и я... Скажи, ты помнишь... нашу первую ночь? – Помню ли я? [НКРЯ]

4. Побуждение, призыв, понуждение, просьба. Адресант актуализирует позитивную или негативную мотивацию с целью информативной модификации системы убеждений адресата:

– Слушай, если ты так хорошо все знаешь, может, тебе самой пойти торговать? – ??? [LCC]

– Ну, милая, слушай, прежде чем сердиться... – Я вся внимание! [RC]

– Если что-то человеческое в тебе осталось, Уислер, слушай [RC].

– Если у меня спрашивают: «Слушай, деньги нужны позарез, сможешь подкинуть?» Я даю и больше на них не рассчитываю. Все довольны, никаких отрицательных эмоций [НКРЯ].

5. Предложение, приглашение (к совместному действию). Адресант реализует речевой акт гортатив, призывая адресата к совместному выполнению действий:

Но он сказал совсем другое совершенно для меня неожиданное. – Слушай, – обратился он к рыжему, – а не направить ли нам молодого человека к Мышкину? Он у нас большой любитель всех понимать... Чем-то эта идея их очень развеселила [НКРЯ].

– Слушай, полетим вместе в Ялту, а? Отдохнёшь, загорись... Ну чего ты без толку в Москве болтаешься? [НКРЯ]

6. Предположение. Адресант выражает предварительное суждение, предварительное намерение:

– Поздравляю, – ещё раз сказал я. – Слушай, а, может, ты разозлился из-за того, что я тебе тогда деньги давал? – Кто же из-за этого будет злиться? – усмехнулся я [НКРЯ].

Чурилин присмотрелся к нему и толкнул меня локтем: – Слушай, да какой он псих?! Нормальный человек. Сначала жрать хотел, а теперь ему бабу подавай [НКРЯ].

7. **Удивление, изумление.** Адресант выражает когнитивную эмоцию, возникающую при неожиданной ситуации; при этом актуализируется психическая каузация на эмоциональное состояние адресата с целью его модификации в положительное или отрицательное:

– *Слушай, а ты теперь два языка знаешь? – Правда* [LCC].

3.2.7. Дискурсивный маркер *как хочешь*

Как хочешь составляет 1189 документов и 1772 вхождений в Национальный корпус русского языка, 679 результатов в Reverso Context Dictionary и 885 – в Leipzig Corpora Collection.

Как хочешь отражает семантику основного компонента – глагола *хотеть*: испытывать желание, охоту, ощущать потребность, необходимость в чем-л.; иметь намерение (делать что-либо), который употребляется для обозначения возможности осуществления какого-либо действия и предполагает наличие выбора [КС; СРусЯз–Е].

Как хочешь означает 1) *как тебе (вам) угодно*. 2) при возражении: *а все-таки, тем не менее, несмотря ни на что* [КС].

Как хотите / как хочешь имеет следующие значения: 1) *как вам или тебе угодно, нравится*; 2) вводное слово; употр. при возражении на что-н. в знач. *а все-таки, несмотря ни на что, действительно* [ТС-У].

Проанализированные источники причисляют *как хочешь* к следующим разрядам:

1. Вводному слову [ТС-У; ТС-ОШ];
2. Дискурсивному маркеру, дискурсивной формуле: типовому высказыванию, равному одной реплике, которая выступает маркером реакции на определенный вербальный стимул [Жукова 2019: 297].

В лексикографических и иных лингвистических источниках содержатся следующие значения *как хочешь*:

- 1) *как вам или тебе угодно, нравится* [ТС-У; ТС-ОШ; МАС; БТС-К];
- 2) возражение на что-нибудь в значении *а все-таки, несмотря ни на что, действительно* [ТС-У; ТС-ОШ];

3) (разг.) *может быть, тебе неприятно; вопреки твоим желаниям* [ФФ];

4) (прост.) *сам выходи из затруднительного положения* [ФФ].

В проанализированных лексикографических источниках выявлен синонимический ряд *как хочешь: смотрите, несмотря ни на что, как угодно, а все-таки, как знаешь, дело хозяйское, или так, или этак* [С].

Прагматические функции дискурсивного маркера *как хочешь* были выделены на основании анализа контекстов с данным элементом из диалогов русскоязычных корпусов, форумов, чатов, мессенджеров. Всего было отобрано и проанализировано 600 контекстов с маркером *вообще* и установлено, что дискурсивный маркер *как хочешь* актуализирует прагматические функции, представленные следующими контекстами и интерпретациями:

1. **Безразличие, утрата интереса.** Адресат демонстрирует равнодушие к сложившейся ситуации, обстоятельствам, положению дел, обусловленное запретом, нежеланием адресата поддерживать коммуникацию:

– Ну, не знаю... **Как хочешь**... В глубине квартиры затрещал энергичный женский голос. – Кого? Она спит – сказал Феропонт и положил трубку [НКРЯ].

– Что за договор был? – Хотел я заключить договор на обслуживание с Минскими электросетями. Думал, как в ЖЭСе: квалифицированный электрик будет приезжать по первому требованию. Ан нет. Весь сервис заключается в том, что несколько раз в год специалисты электросетей проведут обследование, укажут на недостатки – и все. А дальше, **как хочешь**, никому до нас дела нет [LCC].

– Дух-то зато укрепляется... – с важностью заметил Кудиныч. – Нет, ты посмотри: лужайка-то, травка муравка-то какая, цветок к цветку... Я, **как хочешь**, прилягу... – вдруг переменял он разговор [НКРЯ].

2. **Возмущение, негодование.** Адресант выражает негативную эмоцию, демонстрируя крайнее недовольство, возмущение относительно действий или поступков адресата. Адресант находится с адресатом в иерархически подчиненных / соподчиненных отношениях. Адресат ограничен в своих действиях:

– Не хочешь? Ну, **как хочешь!** Я думал, что ты мужчина, а ты ещё ребёнок: рано тебе ездить верхом... Азамат вспыхнул [НКРЯ].

3. **Возражение, обсуждение.** Адресант выражает обоснованное отрицание или отклонение какой-либо мысли, положения дел, утверждения:

– Ну, **как хочешь**; а только мальчику было бы веселее; при нашей работе скучать не годится; сам знаешь: веселость придает силу и бодрость... [НКРЯ]

4. **Заключение, завершение, вывод, итог, резюмирование.** Адресант актуализирует значение утверждения, сделанного на основе вывода. В процессе мыслительной деятельности выводится новое суждение относительно положения дел, обстоятельств ситуации:

– Ну, – ответил Борк, вздохнув, – мы, старики, все-таки держимся, а молодежь... А? О чем тут толковать? Вот и моя дочь пришла ко мне и говорит: **«Как хочешь, отец, незачем нам пропадать. Я пойду на фабрику в субботу. Пусть наша суббота будет в воскресенье»** [НКРЯ].

– Ты, конечно, **как хочешь**, а не по-людски это, Аня. – Почему не по-людски? [НКРЯ].

5. **Критика, осуждение.** Адресант реализует значение критики, анализируя, оценивая и осуждая положение дел, событий, явлений; адресант выявляет противоречия, ошибки, ошибочные представления адресата:

– Вот и веду я блог этот полгода. Прибыльно. Как тебе? – **Как хочешь**, но ты делаешь деньги на заниженной самооценке сломленных женщин [LCC].

6. **Негатив, недовольство, неодобрение.** Адресант выражает негативную эмоцию, актуализируя реакцию на ситуацию, не вписывающуюся в его понимание происходящего. Адресант демонстрирует неудовлетворённость действиями, поступками, словами адресата, выражая при этом порицание, осуждение:

– Нет, – сказала Валентина Степановна. – Я не подхожу к завершению жизни. Ты – **как хочешь**, а я – нет. – Как хочешь? Ну, ты всегда была строга. Узнаю тебя, узнаю! – засмеялся Володя и на секунду показал высокие, узкие, всё ещё красивые зубы [НКРЯ].

7. **Побуждение, призыв, понуждение, просьба.** Адресант актуализирует позитивную / негативную мотивацию с целью информативной модификации системы убеждений адресата:

– *Я, похоже, вырубился. Ну, это ничего. – Женька – хриплю я. – Женька? Ты как хочешь, но за спасение с тебя ребенок и литр пива. Она смотрит мне в глаза и вымученно улыбается [LCC].*

– *Знаешь, как он мне объяснил? Короче, как хочешь, типа, парень, будь мужиком и крутись [НКРЯ].*

– *Так вот я требую, чтобы ты заставил ее прекратить всё это. Как хочешь, но заставь! Ты думаешь, я не знаю, что у тебя на уме и почему ты это делаешь? Решил за мой счет уладить ваши с Тверязовым сердечные дела? [НКРЯ]*

8. **Сомнение, недоверие.** Адресант демонстрирует воздержание от окончательного определенного суждения в связи с невозможностью сделать однозначный вывод:

– *Слушай, мне платье купить или в ателье заказать? – Не знаю, как хочешь, – ответила Ольга, – но ты же его совсем не любишь. – Зато он меня любит. А я позволю ему себя любить [НКРЯ].*

– *Что за рукава?! – Да ну тебя! Довольно-таки ничего. – Как хочешь, тебе носить. Бери! – Давай еще посмотрим [НКРЯ].*

Дискурсивные маркеры *ну, вообще, типа, в смысле, как бы, слушай, как хочешь* охарактеризованы с точки зрения структурного, семантического и прагматического потенциала. Для анализа были использованы словари синонимов, этимологические, толковые, объяснительные, фразеологические, контекстные, частотные словари служебных слов; проанализировано от 600 контекстов на каждый маркер. В результате были выявлены новые прагматические функции данных дискурсивных маркеров, а также уточнены ранее зафиксированные значения.

Дискурсивные маркеры *ну, вообще, типа, в смысле, как бы, слушай, как хочешь* включаются в систему многоступенчатого прагматического варьирования

и модифицируют инвариантную интенциональную структуру в диалогическом единстве *вопрос-ответ*.

3.3. Семантические, структурные и прагматические характеристики дискурсивных маркеров в английском языке

3.3.1. Дискурсивный маркер *well*

Частотность *well* составляет 2391832 вхождений в Leipzig Corpora Collection, 141317 контекстов в British National Corpus, 1386082 контекстов в Corpus of Contemporary American English и 548673 результатов в Reverso Dictionary: translation, context, definition, synonyms.

В староанглийском языке *well* известен с XII в.:

1. Существительное: Middle English *welle*, from Old English; akin to Old English *weallan to bubble, boi*; Old High German *wella wave*; Lithuanian *vilnis*.

2. Глагол: Middle English, from Old English *wellan to cause to well*; akin to Old English *weallan to bubble, boil*.

3. Наречие: Middle English *wel going back to*; Old English *wel going back to*; Germanic *welō*; Old Frisian *wol, wel, wal in a good manner*; Old Saxon *wola, wela, wala*; Old High German *wola*; Old Norse *vel, val*, from an adjectival derivative of the base of *weljan to want* [MWD].

Анализ лексикографических и иных лингвистических источников позволяет причислить *well* к следующим разрядам:

1. Наречию [ColD; OLD; CamD; MWD; MD];
2. Прилагательному [OLD; CamD; MWD; MD];
3. Существительному [OLD; MWD; MD];
4. Глаголу [MWD; MD];
5. Восклицанию [ColD; OLD];
6. Коннектору [ColD];
7. Междометию [ColD; MWD; MD];
8. Дискурсивному маркеру [CamD].

Дискурсивного маркера *well* имеет следующие значения:

- 1) to indicate that you are about to say something [CamD; ColD; MWD];

- 2) to indicate resumption of discourse [CoLD; MWD; OLD; MD];
- 3) to ask about something;
- 4) to make a reply [MD];
- 5) to mark the end of a conversation [MD; CoLD; OLD];
- 6) to indicate the change of the topic [CoLD; CamD];
- 7) to indicate pause, time to think about what you are going to say;
- 8) to correct something that you have said [CoLD; OLD; CamD];
- 9) to preface a remark, to introduce a remark; gain time, etc. [CoLD; MWD];
- 10) to express doubt [CoLD; OLD; MWD; MD];
- 11) to indicate that you are waiting for someone to say something [CoLD; OLD];
- 12) to express surprise [CoLD; OLD; MWD; MD];
- 13) to express anger, irritation, indignation [CoLD; OLD; MD];
- 14) to express anticipation in waiting for an answer or remark [CoLD];
- 15) to express agreement [CoLD; OLD];
- 16) to express expostulation [CoLD; MWD];
- 17) to express resignation [CoLD; OLD; MWD];
- 18) to express relief [OLD];
- 19) to try to persuade someone;
- 20) to make someone feel less upset, worried, etc. [MWD];
- 21) to make a suggestion, criticism, or correction seem less definite or rude;
- 22) to indicate that you are amused by something you have heard or seen [CoLD];
- 23) to admit or acknowledge that something is correct or true when what we are about to say is not quite what is expected [CamD];
- 24) to reply to someone when you think that there is something slightly wrong with what they have said;
- 25) to reply to someone when they are expecting you to say *yes*, but the answer is *no* [MD];
- 26) what you say when you don't know what else to say;

27) a sarcastic remark given when someone is frustrated or annoyed by a person's comment or statements;

28) a deep subject (intensified with repetition) [UD].

Дискурсивный маркер *well* используется главным образом в разговорной речи, а также в речи персонажей художественных произведений, имитирующей живую речь [Блюднева 2019: 504–514]. В академическом письме, а также профессиональном и деловом общении рекомендуется избегать *well* [CoID; MD].

В проанализированных лексикографических источниках выявлен следующий синонимический ряд *well*: *ah, aha, come on, fie, indeed, my word, no, pshaw, what, why, acceptably, adequately, all right, alright, creditably, decently, fine, good, middlingly, nicely, OK (or okay), respectably, satisfactorily, serviceably, so-so, sufficiently, tolerably* [MWD]; *oh, okey-dokey, and, absolutely not, are you kidding? arguably, no, hardly, certainly not, of course not, not really, drop dead, don't make me laugh, excuse me, now, certainly not, by no means, any chance of...? any luck? like, it all began, hell, blast, for heaven's sake/sakes, ooh, wow, anyway, anyhow, period, good, hey, say, aah, brother, cor, eek, eh, God, heck, go, to be continued, it all began, once upon a time, I know, you know, I'm sorry, do you think? Do you mean? By any chance, after you* [MD].

Антонимами *well* являются *inappropriate, incomplete, infirm, little, poor, rough, sick, small, unfit, unhealthy, unsuitable, unsuited, weak, diseased, ill, unfortunate, unhappy, unlucky* [TC].

Прагматические функции дискурсивного маркера *well* были выделены на основании анализа контекстов с данным элементом из диалогов англоязычных корпусов, форумов, чатов, мессенджеров. Всего было отобрано и проанализировано 600 контекстов с маркером *well* и установлено, что дискурсивный маркер *well* актуализирует следующие прагматические функции.

1. **Акцентирование, аттракция, выделение.** Адресант реализует функцию выделения с целью акцентирования внимания адресата на тех или иных свойствах объекта. Адресант создает некий образ, выделяет некую деталь или часть целого и актуализирует доминирующую нагрузку:

– *How? Well now things are getting really interesting!* [RC]

Then he turned to Petunia. – Well, you seem all right, but I'm just going to send you off for a couple of tests. When somebody faints, sometimes it's a sign that everything's not right with their ticker. Ah? [Lanchester AntConc]

2. **Аргументация.** Адресант приводит доводы с намерением модификации информационной системы адресата в аспекте изменения убеждения другой стороны:

I began by asking her if she liked boys. She said she did a bit but she was also afraid of them a bit as well. I asked why and she gave me a reply I hadn't expected. Well, my Mum told me not to let boys fondle me or kiss me now I've started me periods, otherwise, if I did, I'd soon be having a baby. I told her that I was surprised at that because my Mum had said the same and I hadn't believed her [BNC].

3. **Возражение, обсуждение.** Адресант актуализирует обоснованные отрицание или отклонение какой-либо мысли, положения дел, утверждения:

– *To rob him of yourself would be the worst thing that could happen to him. – And pray, how came I to be his property? What right has he in me, but such as a thief may plead to stolen goods? – Why, was ever the like heard? This is downright rebellion. I protest! Well, well, lambkin, if I was in his place he should not have his property in you long questionable* [BNC].

4. **Дополнение, добавление информации.** Адресант реализует функцию дополнения с целью увеличения объема получаемой информации:

– *How? Well, I'm buying and she's selling, and we'll have that money back. – You may have noticed that night at the Oldakers' – well, women, Mr. Bines, are uncertain* [BNC].

– *Well I don't make sixty million pounds an hour, said Will. Nothing like. – How much, then? Marcus, said Suzie. So what's this song, Will? If you can live off it, we must have heard of it* [Hornby AntConc].

5. **Запрос информации.** Адресант актуализирует факт неполноты получаемой информации и ставит перед собой цель получения дополнительной информации, чтобы принять решение о последующих действиях или шагах:

– *Oh! Oh, look, there's some Dilley books... Dilley and the big kids. There's four stories in there. Oh well what do you think? Shall we have that one or keep ... keep us going for a bit?* [BNC]

5. **Ирония.** Адресант использует прием «ирония» с целью импликации противоречий, не относящихся к явному смыслу:

– *Well, Nick the Barber gave you a trimming, huh? – Well, boy, this was the payoff* [КСА].

6. **Категоричность.** Адресант находится с адресатом в подчиненных / соподчиненных отношениях и демонстрирует решительность, уверенность в суждениях, формулировках, не позволяя адресату выразить возражения:

So then she says: Well, pack your things and go! [RC]

7. **Минимизация достижений, преуменьшение.** Адресант актуализирует значение минимизации с целью демонстрации незначимости, неважности, нерелевантности достижений, поступков, слов:

– *What do you, personally, think about that approach, Fred? – Mueller asked. – Well, I guess I agree with the committee's original view that we should not put any major new investment in the UK, – Klepner replied* [BNC].

9. **Обращение.** Адресант призывает к общению, реализуя тем самым апеллятивную функцию:

– *Well, I'm going to start today by a number of questions, general questions about foreign policy. Can you read that? – I'll dim er if I can find a dimmer. – You can read it now, can't you? Well, the first question is, is foreign policy different from other areas of policy making* [BNC].

10. **Объяснение, пояснение.** Адресант актуализирует акт рассуждения, содержащий информацию, достаточную для вывода из нее необходимой смысловой составляющей: объясняемое подводится под известное общее положение или опирается на утверждение о каузальной связи:

– *What about me? Well, I tell you, Alex, if it's good enough for you, it's good enough for me to take a chance* [КСА].

– *What are we going to do? I don't know. How should I know? Out somewhere. With Matya. What are we going to do? – Well, for a start, we're going to have to cut back on expenditure everywhere. Everywhere, said Roger. No child-support money to spend on frocks, not any more* [Lanchester AntConc].

11. **Ответ на вопрос, зов или обращение, отклик.** Адресант демонстрирует ответную реакцию на вопрос, обращение, зов и т. д:

– *How did you come to be an actor? – Well, I was always going to be an artist and it was always assumed that I would leave South Africa and go to somewhere like Italy and study at an art school. I'm not sure how that ambition changed course in Cape Town. I was always terribly shy and I was sent to what were known as elocution lessons – to get me out of myself* [BNC].

– *Was Smitty's grandmother a posh wanker?' asked the DI. – Well Smitty was a posh wanker, much more than he let on,' the boy snapped back. It was him I wanted to mess with. I didn't think his nan would be that bothered* [Lanchester AntConc].

12. **Отрицание, отказ, несогласие.** Адресант демонстрирует функционирование механизма психологической защиты, отказываясь признавать существование нежелательного факта или отрицая существование такого факта. Адресант выражает несогласие относительно событий и информации, которые не может или не готов принять:

– *There's also another thing that a golf course has is a where you want a distance marker. If you go along to a good quality golf course they have the score card a planner but they also have a little script that tells you about the hole. Eh? – Well, no we don't go into that. That's quite expensive to produce. – Right okay so* [BNC].

– *Did Shakespeare cross your path early on? – Well, not really* [BNC].

13. **Побуждение, призыв, понуждение, просьба.** Адресант актуализирует позитивную / негативную мотивацию с целью информативной модификации системы убеждений адресата:

Craig's hands tightened into fists as he saw his brother, flanked by his mother and Emily, step forward and throw a little earth into the grave. "Blasted hypocrite!" he said savagely? – Did you hear me? – Well, let brother Spencer enjoy his ill-gotten gains

while he may, the day was coming shortly when his fraud would be exposed for all to see [BNC].

14. Поиск подходящей номинации, мыслительное затруднение: Адресант демонстрирует стремление подобрать соответствующие цели общения слова, сочетания слов, предложения. Наблюдается некоторое замешательство в подборе номинаций, вызванное процессами речепроизводства или внешними причинами:

– *How was your meeting?* – *Well, it's difficult to say. I think they liked our presentation but I am not sure.* – *How long would it take to drive from Dundee to here?* – *Well, let me see. I'd say it would take at least three hours, if not more* [BNC].

– *Have you found a house yet?* – *Well, we've stopped looking actually. Nadia's company has offered her another contract and we've decided to stay in Edinburgh for another year* [BNC].

– *Did you like that book?* – *Well, it was interesting, but war stories are not really my favourite* [BNC].

15. Предложение, приглашение (к совместному действию). Адресант реализует речевой акт гортатив, призывая адресата к выполнению действий:

– *Well, shall I throw him something?* – *Yeah, it's high time* [KCA].

– *I need to talk to my son, Cal.* – *Well, why don't we all go inside where we can sit down and have a civil conversation?* [KCA]

16. Предположение. Адресант выражает предварительное суждение, предварительное намерение:

Hauser introduced Carver and Galvone. "Both senior vice presidents". He smiled. "One day one of them will take over from me. The question is, which one?" "Well, I think that's your decision" [BNC].

17. Противопоставление. Адресант реализует значение противопоставления, используя элементы сопоставления и сравнения объектов с целью указания на их несходство и противоположность; наблюдается выдвижение объекта, равного другому, замещающего или превосходящего по своим свойствам, характеристикам, признакам, критериям, качествам:

– *Longinus did invite us to a boutique opening. You know, cocktails, DJ? – Well, I wanted something more than that anyway [RC].*

18. **Смягчение, некатегоричность, хеджирование.** Адресант / адресат использует преднамеренное смягчение как коммуникативную стратегию, с определенной целью: целенаправленном ослаблении иллокутивной силы высказывания, без которого оно может звучать невежливо, излишне эмоционально или даже агрессивно:

I thought he was quieter than he used to be. Less spring. Is he beaten down, do you think? – Well, everyone gets older [BNC].

– *Did anybody tell you? His mother was big in his life and she's, well, she's not long to live, it seems. It's sad, actually, she's a very respected woman in the village [BNC].*

– *So you told him what you thought of his idea, then? – Well, not exactly [MD].*

– *Do you have a bed, Miss Honey? – Well not exactly, – Miss Honey said, smiling again. – But they say it's very healthy to sleep on a hard surface [BNC].*

19. **Согласие, подтверждение.** Адресат демонстрирует общность точек зрения, взаимную договоренность:

– *It'll take four hours to get to Glasgow. – It'll take more than that. We'll have to stop for a break somewhere. – Well, that's true. – There's something I have to tell you. – What is it? (silence) – Well? Well? What did you say to her? [BNC]*

– *Okay, well... well, take some time, think about it [RC].*

20. **Сомнение, недоверие.** Адресант демонстрирует воздержание от окончательного определенного суждения в связи с невозможностью сделать однозначный вывод:

– *What's Dennis's mate like? – Well, he's tall and very good-looking. He's twenty-four years old. – What job's he got? – Don't know. Dennis did tell me but we was too busy... well, you know. – No, I don't know. And you know that. Come on, Marge, tell me. What's it like? Margaret pursed her bright orange lips [BNC].*

Well, you know, they're pretty, but it's kind of odd, the whole idea of someone giving someone a flower 'cause it's like, "Oh, you know? I like you, so let me give you something that's dying" [KCA].

21. **Стимуляция, поощрение.** Адресант осуществляет поощрение, содействуя появлению, проявлению реакции адресата:

– *Well ... – That's a deep subject. Eh? – Well, well ... – That's a very deep subject [COCA].*

22. **Угроза, вызов.** Адресант актуализирует запугивание, обещание причинения вреда адресату; акт угрозы рассматривается как экспликация умысла:

– *Oh, but you can't have everything, can you? – WELL, CROOK, THIS IS THE END OF THE GAY LIFE FOR YOU! [KCA]*

23. **Удивление.** Адресант выражает когнитивную эмоцию, возникающую при неожиданной ситуации; при этом актуализируется психическая каузация на эмоциональное состояние адресата с целью его модификации в положительное или отрицательное:

– *Well, well, well, if it isn't Eric Northman who's come a-knockin' on my door? [RC].*

– *Robinson must have gotten the picture from somebody on the inside, mustn't he? – Nobody can tell for sure [BNC].*

– *What? Wow! Well, that's great news [RC].*

24. **Уступка.** Адресант выражает завершение или разрешение социального конфликта, осуществляя это действие добровольно или вынужденно:

– *What should I do now? – Well, don't sit around figuring the worse things you'd do to him if you was Mussolini [KCA].*

25. **Утверждение, утвердительный ответ.** Адресант выражает подтверждение, согласие, позволение, разрешение на выполнение действия или разделяет позицию адресата относительно положения дел:

– *Well, can I say something to you in that case then? – Yes, sure [BNC].*

– *She still thinking about it? – Well, yes, since she's the cause, she can also be the cure [RC].*

3.3.2. Дискурсивный маркер *anyway*

Частотность *anyway* составляет 80678 вхождений в Leipzig Corpora Collection, контекстов в British National Corpus – 1533, контекстов в Corpus of Contemporary American English – 97991, а также 29042 результатов в Reverso Dictionary: translation, context, definition, synonyms.

Anyways известен с XII в. (1150–1200 г.г.); *anyway* is from Middle English *aniwei* [D].

Анализ лексикографических источников позволяет причислить *anyway* к следующим разрядам:

1. Наречию [MWD; CoID; OLD; CamD; MD; LCD];
2. Дискурсивному маркеру [Coll 2009: эл. ресурс; CamD].

На основании лексикографических и иных лингвистических источников были выявлены значения дискурсивного маркера *anyway*:

- 1) *despite something; even so* [OLD; CamD];
- 2) *in any way; whatever; anyway* [MWD];
- 3) *in any case; anyhow; without regard to other considerations* [MWD];
- 4) (spoken) used when you are ignoring details [LCD];
- 5) to organize what we say so as to help the listener (in front position); sentence initial [Coll 2009: эл. ресурс; MWD];
- 6) as an additional consideration or thought [MWD],
- 7) to suggest that a statement is true or relevant [CoID];
- 8) to indicate that you are asking what the real situation is [CoID; MD],
- 9) to indicate that you are missing out some details in a story [CoID];
- 10) to change the topic or return to a previous topic [CoID; OLD; CamD; MD];
- 11) to indicate that you want to end the conversation; represents some kind of conclusion [CoID; MD; Coll 2009: эл. ресурс; OLD; MD];
- 12) used to end an awkward conversation [UD];
- 13) used when adding something to support an idea or argument [OLD];
- 14) used to correct or modify a statement [CoID; OLD; CamD; Coll 2009: эл. ресурс];

- 15) used when stating a particular fact that shows that something just mentioned is not important;
- 16) used for saying that something is not surprising;
- 17) used when adding a statement that limits what you have just said;
- 18) used for introducing what happened next [MD];
- 19) used when someone is being spoken to, but either disagrees with what is being said or is very uninterested with the entire conversation [UD];
- 20) used as an explicit statement of non-remembrance;
- 21) used when speakers shift from the paralinguistic (e.g. laughing) to the linguistic parameters;
- 22) used after a hesitation;
- 23) a marker of digression (deviation from the main topic, central theme, or purpose of a discourse) [Coll 2009: эл. ресурс].

В лексикографических источниках выявлен следующий синонимический ряд *anyway*: *anyhow, anyways, regardless, whatever* [MWD]; *in any event, leastwise, at any rate, leastways, at least, anyways, besides, in any case* [S].

Прагматические функции дискурсивного маркера *anyway* были выделены на основании анализа контекстов с данным элементом из диалогов русскоязычных корпусов, форумов, чатов, мессенджеров. Всего было отобрано и проанализировано 600 контекстов с маркером *anyway* и установлено, что данный дискурсивный маркер актуализирует следующие прагматические функции:

1. **Акцентирование, аттракция, выделение.** Адресант реализует функцию выделения с целью акцентирования внимания адресата на тех или иных свойствах объекта. Адресант создает некий образ, выделяет некую деталь или часть целого и актуализирует доминирующую нагрузку:

– *What does the word "public" mean today then? – Well... Anyway, I didn't mean those things I said, and I never should have said 'em. The public is obsessed, which is my point* [RC].

2. **Дополнение, добавление информации.** Адресант реализует функцию дополнения с целью увеличения объема получаемой информации:

– *Okay, it's bad enough that Vincent knew about this, but you knew about it, too? Anyway, now the police are here to arrest him [RC].*

3. Заключение, завершение, вывод, итог, резюмирование. Адресант реализует значение утверждения, сделанного на основе вывода. В процессе мыслительной деятельности выводится новое суждение относительно положения дел, обстоятельств ситуации.

When it could have done some good? Anderson has long claimed that his private life is his own, that “as a journalist he didn't want to BECOME part of the story.” I have always been puzzled by this. If you look at his career, you'll see that he has a habit of inserting himself into every story he does ANYWAY [LCC].

– *Well, what did you do before? – Nothing. – You've never worked? – I've done the odd day here and there, but ... – Oh. Well, that's...She trailed off, and Will knew why. Not having a job ever, that's...nothing. There was nothing to say about it at all, not immediately, anyway [Hornby AntConc].*

4. Запрос информации. Адресант демонстрирует факт неполноты получаемой информации и ставит перед собой цель получения дополнительной информации, чтобы принять решение о последующих действиях или шагах:

– *How long will you be doing your cake? – I'm not making a cake, I'm making marmalade this afternoon. Still got Christmas cake, so ... – I know. But... – Anyway, what's on? – How much of that is left? – Not much [BNC].*

– *Walking brings me physical fitness and mental joy. Swimming under the water does the same. And if I can't get mental joy along with the physical benefits, what's the point in exercising, anyway? Has there been a compilation of fat-friendly gyms anywhere on the Internet? I suppose it would be a short list, but perhaps there are some hidden gems out there [BNC].*

5. Обращение, адресация. Адресант призывает к общению, реализуя тем самым апеллятивную функцию.

Seems like that's more what the blogger is getting at, to me anyway: "Your work and your worries are every bit as real as those of anyone else, but somehow your "in-between" status renders you a non-entity. Nobody gets a PhD thinking that it will make

them rich, but either way, many people mistakenly believe that their PhD will help them land a stable, middle-class job even if they can't get an academic TT job. Do they believe this because this is what people tell them? [BNC].

6. Переключение, смена мысли, темы, действия. Адресант использует тактику смены темы в связи с тем, что не хочет или не может ответить на поставленный вопрос, сознательно, умышленно переводит разговор на другую тему:

I mean to be healthy it's more important to dry things and keep them dry for a while than to boil them. Bacteria survive heat for a short time. Yeah. But they don't ... for the percentage of bacteria that survives drought is minimal. So you don't need to boil logically, do you? Er if you just keep your hankies iron them, keep them dry. Then they are, then they are sterile. Anyway, back to the point. He said pointedly [BNC].

7. Поиск подходящей номинации, мыслительное затруднение. Адресант демонстрирует стремление подобрать соответствующие цели общения слова, сочетания слов, предложения. Наблюдается некоторое замешательство в подборе номинаций, вызванное процессами речепроизводства или внешними причинами.

– *We probably shouldn't say anything about this. I mean... what... would they say... anyway... behind the scenes?* [RC]

8. Сомнение, недоверие. Адресант демонстрирует воздержание от окончательного определенного суждения в связи с невозможностью сделать однозначный вывод:

– *Hello? – Hi. Oh, you didn't have to get off of the other line. – I would've called you back. – No, that's okay. I wanted to talk to you. You know, I really could... could've called you back, but... Anyway, I probably should have waited two days. That's what my friends said* [COCA].

3.3.3. Дискурсивный маркер *sure*

Частотность *sure* составляет 800911 вхождений в Leipzig Corpora Collection, 23470 контекстов в British National Corpus, 453766 контекстов в Corpus of Contemporary American English и 64872 результатов в Reverso Dictionary: translation, context, definition, synonyms.

Sure известно как прилагательное и наречие с XIII века: Middle English *seur*, *sure*, from Anglo-French *seur*, from Latin *securus secure* [MWD]; Middle English: from Old French *sur*, from Latin *securus* “free from care” [OLD; CoLD].

Анализ лексикографических и иных лингвистических источников позволяет причислить *sure* к следующим разрядам:

1. Наречию [MWD; CoLD];
2. Прилагательному [OLD; CamD; MWD; MD; CoLD];
3. Коннектору;
4. Интенсификатору [CoLD].

На основании лексикографических источников были выявлены значения дискурсивного маркера *sure*:

- 1) used about something that is definite and cannot be questioned or doubted; *without any doubt* [MD; CamD; MWD; MWD; OLD];
- 2) certain that something is real, true, or correct [MD; MWD; CoLD; CamD];
- 3) not allowing any possibility of failure [MWD];
- 4) used to say *yes* or *I agree* to a request or suggestion [UD; CamD; MWD];
- 5) *certainly; indeed*, often used as an affirmative answer to questions [CoLD].
- 6) used to disagree with a negative statement or suggestion;
- 7) used to emphasize that you agree with the first part of the statement that you are about to make [MWD];
- 8) confident that you know something or that you are right [OLD; MD];
- 9) certain that you will receive something or that something will happen [OLD];
- 10) certain to happen or to result from something;
- 11) certain to succeed [MD];
- 12) to emphasize the belief that something will happen;
- 13) an informal way of saying *yes* or *all right*;
- 14) to emphasize what you are saying [CoLD];
- 15) the quickest way to answer a question when not paying attention that usually doesn't include any thinking;

16) a comment/ statement made when an individual would like to imply sarcasm or a lack of interest;

17) when used by a guy it means *yes*, when used by a girl, it means *not really* [UD].

В лексикографических источниках выявлен следующий синонимический ряд *sure*: *assured, certain, clear, cocksure, confident, doubtless, implicit, positive, sanguine, all right, alright, assuredly, certainly, clearly, definitely, doubtless, easily, forsooth, hands down, inarguably, incontestably, incontrovertibly, indeed, indisputably, plainly, really, so, surely, truly, unarguably, undeniably, undoubtedly, unquestionably* [MWD].

Антонимами *sure* являются *doubtful, dubious, uncertain, unsure* [MWD].

Наиболее частотными являются следующие сочетания с *sure*: *to be sure, for sure, make sure, sure-fire, pretty sure, sure enough, sure-footed, sure-handed, sure thing, absolutely sure, sure-fire way, not exactly sure, surefire, be sure of oneself, sure as eggs is eggs* [CoID].

Прагматические функции дискурсивного маркера *sure* были выделены на основании анализа контекстов с данным элементом из диалогов англоязычных корпусов, форумов, чатов, мессенджеров. Всего было отобрано и проанализировано 600 контекстов с маркером *sure* и установлено, что дискурсивный маркер *sure* актуализирует следующие прагматические функции:

1. **Возражение, обсуждение.** Адресант актуализирует обоснованные отрицание или отклонение какой-либо мысли, положения дел, утверждения:

– *Paul, why don't you just outline the whole issue? – However, **sure**, the issue here is not only that* [RC].

2. **Ирония, сарказм.** Адресант использует прием «ирония» с целью импликации противоречий, не относящихся к явному смыслу:

– *Well, no, **sure**, the infinite stuff your mom said... Why should you listen to it?* [RC]

3. **Категоричность.** Адресант находится с адресатом в подчиненных / соподчиненных отношениях и демонстрирует решительность, уверенность в суждениях, формулировках, не позволяя адресату выразить возражения:

– *Adrian is not going to have my baby, and you stop trying to make her have a baby. Got it? – I mean, **sure**, having a baby costs a fortune [RC].*

4. **Объяснение, пояснение.** Адресант актуализирует акт рассуждения, содержащий информацию, достаточную для выведения из нее необходимой смысловой составляющей: объясняемое подводится под известное общее положение или опирается на утверждение о каузальной связи:

– *What do I mean? I mean, **sure**, we all love his music... [RC]*

– *What are you talking about? – I mean alligators 're **sure** cool [LCC].*

5. **Предположение.** Адресант выражает предварительное суждение, предварительное намерение:

– *My father, rest in peace, was accused of some questionable activities, **sure**. – How can that happen? [RC]*

– *He gets treated like a prince when he's with his grandparents; in my house, this 3-year-old has to put on his own clothes, put his shoes away when he gets home and feeds the cat. At his grandparents, I'm not sure he even lifts a finger. What would you say? – **Sure**, it might be years since your parents have handled a baby or toddler, but keep in mind that there is something to be said for experience. [COCA].*

6. **Согласие, подтверждение.** Адресант актуализирует общность точек зрения, взаимную договоренность:

*I'm bored. Can I go and get a video? – Will couldn't resist it: he had a theory he wanted to test out. Hey, Fiona. Why don't you get your sheet music out, and we can murder "Both Sides Now"? – OK. Would you like to? – Yeah. **Sure** [Hornby AntConc].*

– *He just wants to protect her and make sure that she is happy, eh? – **Sure**...He hates to lose the girl [KCA].*

– *Scrambled eggs? Toast? Bacon strip? Breakfast cereal? – Yeah, **sure**, cereal tastes delicious [LCC].*

– *I always think English Breakfast is nicer with milk, but I've got some sliced lemon here if you need it.* – **Sure.** *Thanks. Listen, Nan, can I borrow this? Do you mind if I borrow all these cards?* – *Of course you can, darling. Drink up, it's much less nice when it goes cold* [Lanchester AntConc].

– *Well, could you, would you give me some numbers please?* – *Yes, sure, I've actually got erm a list here of erm all, all the members you agree with it or you don't agree with it* [BNC].

7. **Убеждение, ободрение.** Адресант направляет поведение и действия адресата, основываясь на осмысленном принятии адресатом информации, сведений, идей, актуализируя анализ и оценку:

– *I don't want to keep testing the waters on things. I just need to get busy and at the very least, do the work I need to do. Be on time, be early. Get the work done I've set out to do or have on my plate. I mean, how else do you succeed? Sure there are people who receive everything just handed to them – but there's a cost. There's always a cost* [COCA].

8. **Усиление.** Адресант / адресат реализует значение усиления путем выдвижения более ярких, сильных, действенных качественных и количественных признаков, свойств, характеристик объекта; фиксируется степень проявления интенсивности тех или иных признаков:

– *Do I remember you? I sure remember you, Clarence. And our first time together* [RC].

– *Boy, look! Can you see it? He sure looks different* [RC].

9. **Утверждение, утвердительный ответ.** Адресат выражает подтверждение, согласие, позволение, разрешение на выполнение действия или разделяет позицию адресата относительно положения дел:

– *Well, can I say something to you in that case then?* – *Yes, sure* [BNC].

– *Rod, can I ask you a question?* – *Yes, sure* [RC].

– *Could you do it for me?* – **Sure, sure...** [RC]

3.3.4. Дискурсивный маркер *sort of*

Частотность *sort of* составляет 171859 вхождений в Leipzig Corpora Collection, контекстов British National Corpus – 22559, контекстов в Corpus of Contemporary American English – 144512, результатов в Reverso Dictionary: translation, context, definition, synonyms – 15208.

Sort of известен как наречие с 1790 г. в значении *to a moderate degree; somewhat* [MWD; OLD; CoLD].

Sort of (также *sorta*) используется главным образом в разговорной речи [OLD; CamD; LCD; D; S].

Анализ лексикографических источников позволяет причислить *sort of* к следующим разрядам:

1. Наречию [MWD; CoLD];
2. Фразе [CoLD; MD];
3. Металингвистическому оператору [Weinreich 1996: 142–216];
4. Маркеру-филлеру [UD];
5. Дискурсивному маркеру;
6. Хеджу;
7. Аппроксиматору [Медведева 2011: эл. ресурс].

Были выявлены следующие значения дискурсивного маркера *sort of*:

- 1) *to a moderate degree; somewhat* [MWD; CoLD];
- 2) *in some way or other* (used to convey inexactness or vagueness); *as it were; rather* [CoLD; UD];
- 3) *slightly; in some ways* [MD];
- 4) *to some extent* [UD; OLD];
- 5) *similar, but not exactly the same* [MD];
- 6) used to express reservation or qualified assent [CoLD];
- 7) used to say that your description of something is not very accurate [CoLD; OLD; CamD];
- 8) used to say that something is partly true;

9) used when you are trying to describe something but it is difficult to find the right word or to be exact;

10) used to make what you are saying sound less strong or direct [LCD];

11) means nothing and everything depending on how it is used [UD].

В лексикографических источниках выявлен следующий синонимический ряд *sort of*: *enough, fairly, kind of, like, moderately, more or less, pretty, quite, rather, relatively, something* [MWD]; *rather, slightly, somewhat, to a degree* [TC]; *kind of, kinda, sooner, instead, quite, preferably* [S].

Наиболее частотными являются следующие сочетания с *sort of*: *(and) that sort of thing, all sorts of something* [CamD].

Прагматические функции дискурсивного маркера *sort of* были выделены на основании анализа контекстов с данным элементом из диалогов англоязычных корпусов, форумов, чатов, мессенджеров. Всего было отобрано и проанализировано 600 контекстов с маркером *sort of* и установлено, что дискурсивный маркер *sort of* актуализирует следующие прагматические функции:

1. **Объяснение, пояснение.** Адресант актуализирует акт рассуждения, содержащий информацию, достаточную для вывода из нее необходимой смысловой составляющей: объясняемое подводится под известное общее положение (описание) или опирается на утверждение о каузальной связи:

– *How? Listen, now. Your own report should suggest some **sort of** mind control. It's called food deprivation, and it's one of the most effective tools in mind control* [RC].

2. **Опасение, настороженность.** Адресант демонстрирует склонность к проявлению напряженной внимательности, целенаправленной осторожности и тревожности:

– *This crime remains unsolved and unpunished. – Could this **sort of** heinous crime be repeated someday?* [LCC]

3. **Перечисление.** Адресант реализует значение перечисления, используя гиперо-гипонимический ряд:

Now, people often ask me, why go on holiday in the first place? And I tell them this: Unless you're Peter Pan, in which case you probably believe in fairies as well, it's

*probably fair to say that you are only young once. And believe me, being young, say between 18 and 30, is far and away the best time to travel. See the world. Get around. Have fun. That **sort of** thing [BNC].*

4. **Предположение.** Адресант выражает предварительное суждение, предварительное намерение:

– *And who exactly is the right person? – Perhaps I am your **sort of** person [RC].*

– *So you didn't tell her it was me? – No, but I think she guessed. 'How? – I haven't got any other friends, have I? – Does she know you still come round here? – **Sort of**. She's stopped asking me, so I think she's given up worrying about it [Hornby AntConc].*

5. **Смягчение, некатегоричность, хеджирование.** Адресант / адресат использует преднамеренное смягчение как коммуникативную стратегию, с определенной целью: целенаправленном ослаблении иллокутивной силы высказывания, без которого оно может звучать невежливо, излишне эмоционально или даже агрессивно:

*And after a year or two of kind of thing, you know, the **sort of** rather strange costumes we wore, there was – it seemed a natural thing to do to do something a bit different and into suits and more kind of anonymous look, you know? [COCA]*

– *Do you ever get lonely living here all by yourself? – I'm **sort of** rather ashamed to say it, but I'm very rarely alone [COCA].*

6. **Сомнение, недоверие.** Адресант демонстрирует воздержание от окончательного определенного суждения в связи с невозможностью сделать однозначный вывод:

– *Who is responsible I wonder? – Well, I **sort of** thought that maybe this was out of your area of expertise [RC].*

7. **Усиление.** Адресант / адресат реализует значение усиления путем выдвижения более ярких, сильных, действенных качественных и количественных признаков, свойств, характеристик объекта; фиксируется степень проявления интенсивности тех или иных признаков:

– *What happened to inspiring people to fight for what's right? And they were really **sort of** the most hard-working and constantly inspiring people I knew* [RC].

8. **Уточнение, детализация, конкретизация.** Адресант актуализирует некоторое положение дел, обстоятельства, обладающие спецификой, в более детализированные, подробные:

– *They're not very well-made, though, are they? These California homes? They're just **sort of** bits of woods with plasterboard stuck on. – We actually just moved into this Victorian terrace. – Oh, yeah? It's brick-built, so it's really solid* [COCA].

9. **Цитирование; приблизительная или неточная формулировка, близкая к оригиналу передача чужих слов.** Адресант демонстрирует стремление восстановить в памяти, точно выразить чьи-либо мысли, предложения, решения и т. п.:

*"What would a woman be thinking about someone who's getting ready to have a baby?" And I guess we could, **sort of** you know, try and find a metaphor in that, you know, maybe this is like an, maybe, possibly an incredible time coming into my career, where you know, who knows what's going to happen? And I feel like I'm **sort of** at a point where maybe I'm out to give birth to something* [COCA].

3.3.5. Дискурсивный маркер *after all*

Частотность *after all* составляет 58305 вхождений в Leipzig Corpora Collection, 6112 контекстов в British National Corpus, 60599 контекстов в Corpus of Contemporary American English и 10642 результатов в Reverso Dictionary: translation, context, definition, synonyms.

After all известен как наречие с 1590 г. в значении *in spite of considerations or expectations to the contrary; nevertheless* [MWD].

Анализ источников позволяет причислить *after all* к следующим разрядам:

1. Наречию [MWD; S];
2. Фразе [ColD; MD];
3. Идиоме [OLD];
4. Интенсификатору [ColD].

На основании лексикографических источников были выявлены значения дискурсивного маркера *after all*:

- 1) *in spite of everything; despite everything; nevertheless* [UD; CoID; MWD];
- 2) *in spite of considerations / expectations / efforts* [MWD; CoID; OLD; LCD; S];
- 3) *in view of all circumstances* [MWD];
- 4) emphasizes something to be considered / remembered [S; LCD];
- 5) used when introducing a statement [CoID];
- 6) used when you are saying that something that you thought might not be the case is in fact the case [CoID; CamD];
- 7) used for saying that something is true despite what was said or planned before [MD];
- 8) used when you are explaining something or giving a reason [OLD; MD];
- 9) used to add information [CamD].

В лексикографических источниках выявлен следующий синонимический ряд *after all*: *after, all in all, at last, at the end, behind, bringing up rear, finally, in conclusion, in the rear, to conclude, to sum up, ultimately* [TC]; *eventually, upon the whole, when all has been considered, in the end, nevertheless* [S].

Прагматические функции дискурсивного маркера *after all* были выделены на основании анализа контекстов с данным элементом из диалогов англоязычных корпусов, форумов, чатов, мессенджеров. Всего было отобрано и проанализировано 600 контекстов с маркером *after all* и установлено, что дискурсивный маркер *after all* актуализирует следующие прагматические функции:

1. **Дополнение, добавление информации.** Адресант реализует функцию дополнения с целью увеличения объема получаемой информации:

*I'm also beginning to re-connect more regularly with like-minded colleagues. No man – or woman – is an island. Thanks for the insightful piece – and nudge! – I just quit my job to focus on writing. At first I thought it was okay – **after all**, it was my dream right? Then after many days holed up in my room, I begin to seriously get depressed*

and I wondered why? **After all**, I was doing what I enjoyed right? This article has helped me a lot in sorting out the problem – that we writers need a community too [COCA].

2. **Заключение, завершение, вывод, итог, резюмирование.** Адресант актуализирует значение утверждения, сделанного на основе вывода. В процессе мыслительной деятельности выводится новое суждение относительно положения дел, обстоятельств ситуации.

– *At the picnic, all the desserts were lined up – JL's pudding in a cloud and MH's yogurt walnut cake (GM's mother's recipe) along with others that have faded from memory. The balding waiter got cold feet in the end and decided not to enter the bread pudding **after all**. – What was up with that? – Everyone oohed and ahd at the presentations, especially mine [COCA].*

*It was the first time that any adult had ever asked them what they believed and how it mattered in their life. “So why was Jesus killed **after all**?” Many teens, like most adults, don't know much about their religion. They have one advantage over their elders: curiosity [COCA].*

3. **Закономерность, регулярность.** Адресант актуализирует существенную повторяющуюся взаимосвязь явлений действительности; адресант выводит связь между предметами и явлениями, событиями и действиями.

*This is a very normal thing for prospective PhD students to think. For all that training and hard work, there must be rewards at the end. All of our own professors have been successful, **after all**! So why not us? – I suggest to watch your cohort closely. Watch where the best and brightest of the newly graduated PhDs are going. If they are getting jobs, maybe you can! But if they can't, then what does that say about your chances? [COCA].*

4. **Запрос информации.** Адресант демонстрирует факт неполноты получаемой информации и ставит перед собой цель получения дополнительной информации, чтобы принять решение о последующих действиях или шагах:

*Is garden blogging still viable? **After all**, why blog if you can post on Facebook or tweet? – I have to say that as a news consumer, I love Twitter. I follow many garden writers, but ALL the significant food writers [COCA].*

*Casey remembered almost to the day when Darlene's mother had redecorated it because she'd been so jealous. She'd confessed her jealousy to Darlene. Then Darlene had promised her that whatever she had, she would share with Casey. **After all**, weren't they best friends? "How do I look?" She danced around Darlene's room, the white, gauzy dress billowing around her. "You look perfect. Go on. Knock' em dead!" [COCA]*

5. Противопоставление. Адресант реализует значение противопоставления, используя элементы сопоставления и сравнения объектов с целью указания на их несходство и противоположность; наблюдается выдвижение объекта, равного другому, замещающего или превосходящего по своим свойствам, характеристикам, признакам, критериям, качествам:

*– Men and women express grief differently, Liz. – Grief, **after all**, is viewed as somewhat taboo, even today [LCC].*

*– You wanted to give me my best chance. – I know this is not all you wanted, my love, but **after all**, what else could you possibly need when you are my husband? [RC]*

3.3.6. Дискурсивный маркер *you know*

Частотность *you know* составляет 42317 контекстов в British National Corpus, 795381 контекстов в Corpus of Contemporary American English и 186665 результатов в Reverso Dictionary: translation, context, definition, synonyms.

В староанглийском языке *you know* известен с XII в. [MWD].

You know используется в разговорной речи [MWD; ColD; OLD; MD; CamD].

Анализ источников позволяет причислить *you know* к следующим разрядам:

1. Междометию [S];
2. Фразе [MD; CamD];
3. Идиоме [OLD];
4. Коннектору;
5. Филлеру [ColD];
6. Дискурсивному маркеру [CamD; Бажура 2016: 13–15].

На основании анализа источников были выявлены значения дискурсивного маркера *you know*:

- 1) *you understand* (a phrase used in conversational pauses) [CoID];
- 2) an expression signifying hesitation [S; MWD; CoID];
- 3) a parenthetical filler phrase used to make a pause in speaking [CoID; S];
- 4) used for emphasis [MWD; CoID; OLD; MD; LCD];
- 5) used when one is trying to help someone remember something [MWD];
- 6) used when you are thinking of what to say next or to explain more clearly what you mean [OLD; MD; CoID];
- 7) used when you are giving extra information about something;
- 8) used before you start to talk about a particular person or thing [MD];
- 9) used to make sure that someone understands what you are saying;
- 10) used when you want to keep someone's attention;
- 11) used when you want to give more information [LCD];
- 12) expression used to imply meaning, rather than say it, such as when a person is embarrassed to say a word [S].

В проанализированных источниках выявлен следующий синонимический ряд *you know*: *um, uknow, erm, er* [S].

Прагматические функции дискурсивного маркера *you know* были выделены на основании анализа контекстов с данным элементом из диалогов англоязычных корпусов, форумов, чатов, мессенджеров. Всего было отобрано и проанализировано 600 контекстов с маркером *you know* и установлено, что дискурсивный маркер *you know* актуализирует следующие прагматические функции:

1. **Аргументация.** Адресант приводит доводы с намерением модификации информационной системы адресата в аспекте изменения убеждения другой стороны.

When I was a kid, we could go to a birthday party and our parents wouldn't worry that we were gonna get stolen out of the front yard by some perv. Could you? That's when America had values. Before Wal-Mart and Dukakis, peanut butter and jelly

*in one jar. **You know**, you're too young to remember this, but there was a time when policemen were respected, when young men wanted to fight for their country [COCA].*

2. **Акцентирование, аттракция, выделение.** Адресант реализует функцию выделения с целью акцентирования внимания адресата на тех или иных свойствах объекта. Адресант создает некий образ, выделяет некую деталь или часть целого и актуализирует доминирующую нагрузку:

– *Who is in charge of what? I think you all are smarter than everyone else but yet so transparent it makes me laugh. **You know** for once I feel left out. Lol [COCA].*

– *Oh, well, he kept saying, while Suzie raged on, **you know** – you can't afford to be soft. You'll just get messed around all the time. –She's never done it before [Hornby AntConc].*

3. **Дополнение, добавление информации.** Адресант реализует функцию дополнения с целью увеличения объема получаемой информации:

– *Something on your mind, sport? I did a little boxing in college, **you know** [RC].*

– *How come you ended up looking after Ned? I mean, I'm sure you're a brilliant dad and everything, but that's not usually how it works, is it? – No. She was going through a Kramer vs Kramer kind of thing at the time. **You know**, a sort of I-want-to-find-out-who-I-am malarkey [Hornby AntConc].*

4. **Заключение, завершение, вывод, итог, резюмирование.** Адресант реализует значение утверждения, сделанного на основе вывода. В процессе мыслительной деятельности выводится новое суждение относительно положения дел, обстоятельств ситуации.

– *Let's see. It is, uh... some kind of silk pillow? Well, it's more than that. See, there's a switch on the side, and when you lay on it, it... it plays ocean sounds for you. **You know**, it helps you relax [COCA].*

5. **Объяснение, пояснение.** Адресант актуализирует акт рассуждения, содержащий информацию, достаточную для выведения из нее необходимой смысловой составляющей: объясняемое подводится под известное общее положение или опирается на утверждение о каузальной связи.

– *Don't you think Georgia should do it? – **You know**, this is your responsibility [RC].*

*He concentrated his conversational efforts on Christine. – How are you, anyway, Chris? – Oh, **you know**. A bit washed out. – Been burning the candle at both ends? – No. Just had a baby [Hornby AntConc].*

*– Do I have any facial hair? Let me see. Oh, my God. – There's a bush. – What?! – Let me see. – I had hair?! – You had a little... oh, my God. – Yes, I did! – You had peach fuzz. – No! I think any girl's worst fear is growing a beard or a mustache. I mean, I just want to look feminine and, **you know**, look the way that I feel on the inside. And a beard and mustache is not how I feel on the inside [COCA].*

6. Оценка, скептическая оценка. Адресант находится с адресатом в иерархически соподчиненных отношениях и информирует о статусе значимости объекта для познающего адресата. Адресант устанавливает релевантность чего-либо для адресата, при этом актуализируется эмоциональная, положительная или отрицательная модификация:

*– Then why didn't you tell me about her? – **You know**, she's always been the tiebreaker [RC].*

7. Предположение. Адресант выражает предварительное суждение, предварительное намерение:

*– How? It's psychological, **you know**, this place is supposed to be haunted and your imagination starts to work overtime [RC].*

*– D'you reckon? – Well. There'll be lots of men... I mean, **you know**, you're a very... **You know**. I mean, you've met me, and I know I don't count, but... **You know**, there are plenty... He trailed off hopefully. If she didn't bite, forget it. – Why don't you count? Bingo [Hornby AntConc].*

8. Причина. Адресант актуализирует усиление каузальной связи, указывая адресату на явление, обстоятельства, обуславливающие возникновение других явлений или обстоятельств:

*– Did I see her? Well, **you know** she's done nothing but weep since she talked with you [RC].*

9. Смягчение, некатегоричность, хеджирование. Адресант / адресат использует преднамеренное смягчение как коммуникативную стратегию, с определенной целью: целенаправленном ослаблении иллокутивной силы высказывания, без которого оно может звучать невежливо, излишне эмоционально или даже агрессивно:

– *You never told me what are you doing! Did you? – All right, well, **you know**, I'm an astronaut [RC].*

– *D'you reckon? – Well. There'll be lots of men... I mean, **you know**, you're a very... **You know**. I mean, you've met me, and I know I don't count, but... **You know**, there are plenty... He trailed off hopefully. If she didn't bite, forget it [Hornby AntConc].*

10. Уточнение, детализация, конкретизация. Адресант фиксирует некоторое положение дел, обстоятельства, обладающие спецификой, в более детализированной, подробной форме:

– *Who would have ever guessed you'd survive your mother's death? – **You know**... when she died I had nothing [RC].*

3.3.7. Дискурсивный маркер *I see*

Частотность *I see* составляет 5073 контекстов в British National Corpus, 80664 контекстов в Corpus of Contemporary American English и 19417 результатов в Reverso Dictionary: translation, context, definition, synonyms.

I see используется в разговорной речи [CoLD; MD; UD].

Анализ лексикографических источников позволяет причислить *I see* к следующим разрядам:

1. Фразе [MD], [UD];
2. Идиоме [MWD];
3. Коннектору [CoLD].

На основании анализа лексикографических источников были выявлены следующие значения дискурсивного маркера *I see*:

- 1) a good response when you have nothing better to say [UD];

2) a conversational response which indicates a level of understanding without necessarily indicating agreement with the statement [UD; ColD; MD];

3) a phrase someone uses when they don't care enough to engage in conversation;

4) a phrase used when someone says something that is not particularly interesting but you feel the need to respond anyway as not to be rude; mostly used during instant messaging conversations;

5) a phrase used when you have no idea what the other person has just said but definitely do not want them to clarify [UD];

6) used for showing that you are paying attention to what someone is saying [MD];

7) used when someone just told you something and you literally can't come up with anything else to respond with;

8) used when you hear something really nasty [UD].

Наиболее частотными являются следующие сочетания с *I see*:

1) *so I see* – used in speech often in an ironic way to say that one knows about something because it is easy to see it just by looking [MWD];

2) *I'll / we'll see* – used to say that you will make a decision about something later [CamD];

3) *I see (your point)* – used for saying that you understand what someone is trying to say, especially when you disagree with it [MD].

В проанализированных лексикографических источниках выявлен следующий синонимический ряд *I see*: *I understand, right, uh huh, mmm, I'm with you, I've got you, ah ha, I mean, I suppose, I take it* [ColD]; *of course, OK, all right* [MD].

Прагматические функции дискурсивного маркера *I see* были выделены на основании анализа контекстов с данным элементом из диалогов англоязычных корпусов, форумов, чатов, мессенджеров. Всего было отобрано и проанализировано 600 контекстов с маркером *I see* и установлено, что дискурсивный маркер *I see* актуализирует следующие прагматические функции:

1. **Безразличие.** Адресант демонстрирует состояние полного равнодушия, незаинтересованности с целью подтолкнуть адресата к самостоятельным действиям:

– *Don't you know? – I broke my leg yesterday! – I see* [COCA].

So I was watching an episode of How It's Made today, it was about toilet seats. They make them in a factory with lasers, it's pretty cool. Did you get it? – I see [BNC].

2. **Нейтрализация.** Адресант актуализирует значение нейтрализации эмоционального подъема адресата с целью модификации этого состояния в диффузное:

– *Yeah do you hear? It was freaking awesome! – I see...* [COCA]

3. **Ответ на вопрос, зов или обращение.** Адресант демонстрирует ответную реакцию на вопрос, обращение, зов и т. д:

– *What could I do? He came home in my car. – I see* [RC].

– *Hey man, I just found my meaning... my reason to live. Did you? I finally found something to live for... – I see* [COCA].

4. **Согласие, подтверждение.** Адресант актуализирует общность точек зрения, взаимную договоренность:

– *What do I think? I don't think you should be dating that Denise girl. She's not right for you. – I see* [BNC].

– *Why are you smiling? – It's a bit funny, isn't it? You and me? – I suppose so. Marcus thought about it for a little while longer. Because we're such different heights. Oh. I see. Joke. Ha ha* [Hornby AntConc].

Дискурсивные маркеры *well, anyway, sure, sort of, after all, you know, I see* охарактеризованы с точки зрения структурного, семантического и прагматического потенциала. Для анализа были использованы словари синонимов, этимологические, толковые, объяснительные, фразеологические, контекстные, частотные, двуязычные, словари служебных слов; проанализировано по 600 контекстов на каждый маркер. В результате были выявлены новые прагматические функции данных дискурсивных маркеров, а также уточнены ранее зафиксированные значения.

Выводы по главе 3

Исследование 14 дискурсивных маркеров русского и английского языков было проведено с применением функционально-прагматического подхода, позволяющего дискурсивным маркерам конкретизировать свое значение в соотношении с другими единицами: одно из возможных значений маркера актуализируется под влиянием контекста. Коммуникативные единицы – дискурсивные маркеры – изучались с акцентом на их прагматике и функционировании.

При работе с материалом мы обратились к корпусному анализу (Национальный корпус русского языка, база данных корпусной лаборатории Лейпцигского университета, Британский национальный корпус и Корпус современного американского английского языка), контекстуальному анализу, а также приемам классификации и систематизации языкового материала.

Для поиска, анализа и подсчета дискурсивных маркеров был применен инструмент AntConc – корпус-менеджер, предназначенный для обработки корпусов, поиска и подсчета различных элементов текста, анализа частотности и контекста употребления словоформ, словосочетаний и морфем, сравнения употребительности словоформ в разных текстах. В нашей работе применение AntConc стало опытом создания собственных корпусов текстов и при этом ускорило процесс отбора, обработки и анализа материала исследования – диалогического дискурса повседневности, диалогического единства *вопрос-ответ* и 14 дискурсивных маркеров русского и английского языков.

В результате проведенного анализа был исследован функционально-прагматический потенциал 14 дискурсивных маркеров в диалогическом единстве *вопрос-ответ*: *ну, вообще, типа, в смысле, как бы, слушай, как хочешь* в русском языке и *well, anyway, sure, sort of, after all, you know, I see* в английском языке.

К исследованию было привлечено 60 словарей. Общее количество проанализированных дискурсивных маркеров составило 14; общее количество проанализированных контекстов – 8240.

Было установлено, что дискурсивные маркеры *ну, вообще, типа, в смысле, как бы, слушай, как хочешь* в русском языке и *well, anyway, sure, sort of, after all, you know, I see* в английском языке демонстрируют изоморфичные функции в аспекте актуализации функционально-прагматического потенциала.

Было выявлено 56 прагматических функций дискурсивных маркеров диалогического дискурса повседневности для двух языков.

Прагматические функций дискурсивных маркеров коррелируют с видами косвенного вопроса и косвенного ответа, что свидетельствует о полифункциональной природе дискурсивного маркера, диалогического единства и диалогического дискурса в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диалогическое единство *вопрос-ответ* представляет собой совокупность реплик, которые связаны между собой структурно, семантически и прагматически. Диалогическое единство демонстрирует актуализацию дискурсивного акта, включающего два и более речевых действий, каждое из которых соответствует отдельно взятому речевому акту.

Изучение структуры и содержания диалогического единства *вопрос-ответ* в рамках диалогического дискурса повседневности способствовало разработке классификации вопросов и ответов. С применением функционально-прагматического подхода были выявлены два основных типа вопроса: прямой вопрос, реализующий первичную функцию – запрос информации – и косвенный вопрос, актуализирующий множественные прагматические функции. Прямые вопросы встречаются значительно чаще, чем косвенные.

Прямой вопрос подразделяется на выяснение и выпытывание; выяснение отличается от выпытывания характером интенции. Косвенный вопрос реализует прагматические функции и классифицируется на многочисленные разряды, : критика, знакомство, приглашение, предложение, приказ, разрешение, просьба, предложение, сочувствие, угроза и др.

Вопрос тесно связан с ответом, так как данные речевые акты являются компонентами диалогического единства *вопрос-ответ* в формально-содержательном аспекте. Структура ответа может быть обусловлена структурой вопроса; в свою очередь, вопрос коррелирует с определенной моделью ответа. Актуализация вопроса и ответа обусловлена конкретными условиями коммуникации.

В диссертации предложена следующая классификация ответов на основании соответствия их содержания вопросам: 1) прямой ответ; 2) косвенный ответ (ассоциативный ответ, уклончивый ответ, умолчание, молчание). Прямой ответ содержит информацию, запрашиваемую собеседником.

Среди косвенных ответов достаточно высоко количество ассоциативных ответов, что, очевидно, связано с интеллектуализацией общения, увеличением тем

и компрессией содержания диалога. Уклончивый ответ возникает по причине нежелания собеседника отвечать на вопрос, стремления сменить тему разговора, поставить собеседника в тупик, прервать беседу, выиграть спор и т. д. Умолчание стимулирует интерес собеседника, вынуждает задавать новые вопросы или изменить тему разговора. Умолчание встречается достаточно часто; это связано с тем, что оно помогает стимулировать интерес собеседника, вынуждает его задавать новые вопросы или менять тему разговора. Что касается последнего вида ответа – молчания, то мы обращаемся только к коммуникативно значимому молчанию и интерпретируем его контекстуально.

Выявленные виды косвенного вопроса и косвенного ответа коррелируют с 56 прагматическими функциями исследуемых 14 дискурсивных маркеров, содержащихся в диалогическом единстве *вопрос-ответ: ну, вообще, типа, в смысле, как бы, слушай, как хочешь* в русском языке и *well, anyway, sure, sort of, after all, you know, I see* в английском языке.

Дискурсивные маркеры как единицы речи существуют в разноструктурных языках. Дискурсивные маркеры диалогического дискурса повседневности обладают большим функциональным потенциалом; дискурсивные маркеры *ну, вообще, типа, в смысле, как бы, слушай, как хочешь* в русском языке и *well, anyway, sure, sort of, after all, you know, I see* в английском языке демонстрируют изоморфизм функционирования.

В словарях 7 дискурсивных маркеров *ну, вообще, типа, в смысле, как бы, слушай, как хочешь* в русском языке относятся к следующим 13 разрядам: вводному слову, глаголу, дискурсивному маркеру, звукоподражательному слову, междометию, модальному слову, наречию, обобщающему слову, предикативу, предлогу, союзу, существительному, частице (табл. 6). Только 4 из 7 единиц нашего исследования – *типа, как бы, слушай, как хочешь* – были зафиксированы в словарях как дискурсивные маркеры, что свидетельствует о недостаточной изученности данного вопроса в современной лексикографии.

Таблица 6. Разряды дискурсивных маркеров
в русском языке

Маркер \ Разряд	Ну	Вообще	Типа	В смысле	Как бы	Слушай	Как хочешь
Вводное слово	–	+	+	–	–	+	+
Глагол	–	–	–	–	–	+	–
Дискурсивный маркер	–	–	+	–	+	+	+
Звукоподражательное слово	+	–	–	–	–	–	–
Междометие	+	–	+	–	–	–	–
Модальное слово	–	+	+	–	–	–	–
Наречие	–	+	–	+	+	+	–
Обобщающее слово	–	+	–	+	+	+	–
Предикатив	+	–	–	–	–	–	–
Предлог	–	–	+	+	–	–	–
Союз	+	+	–	+	+	–	–
Существительное	–	–	+	–	–	–	–
Частица	+	+	+	+	+	+	–

Основными функциями дискурсивных маркеров в диалогическом единстве *вопрос–ответ* являются *запрос* и *ответ*. Анализ показал, что для семи дискурсивных маркеров *ну*, *вообще*, *типа*, *в смысле*, *как бы*, *слушай*, *как хочешь* в русском языке характерны также еще 54 вспомогательные функции, а именно: *аргументация, акцентирование, безразличие, внезапность, возмущение, возражение, восхищение, выбор, выяснение, дополнение, заключение, закономерность, замечание, запрет, ирония, категоричность, критика, минимизация, негатив, нейтрализация, неопределенность, обобщение, обращение, объяснение, отрицание, опасение, оценка, переключение, перечисление, побуждение, поиск номинации, предложение, предположение, присоединение, причина, противопоставление, смягчение, согласие, сомнение, сравнение, стимуляция, требование, убеждение, угроза, удивление,*

удовлетворение, умолчание, усиление, условие, уступка, утверждение, уточнение, цитирование, экспрессия.

Виды косвенного вопроса (предложение, приглашение, побуждение, предположение, запрет, критика, оценка, приказ, разрешение, просьба, сомнение, сочувствие, угроза и т. д.) и косвенного ответа (ассоциативный, уклончивый, умолчание, молчание) коррелируют с прагматическими функциями, выделенными при анализе функционирования дискурсивных маркеров в диалогическом единстве *вопрос–ответ* в русском языке (табл. 7).

Таблица 7. Функции дискурсивных маркеров в русском языке

Маркер \ Функция	Ну	Вообще	Типа	В смысле	Как бы	Слушай	Как хочешь
Аргументация	+	-	-	-	-	-	-
Акцентирование	+	+	-	-	-	+	-
Безразличие	+	-	-	-	-	-	+
Внезапность	+	-	-	-	-	-	-
Возмущение	+	-	-	+	-	-	+
Возражение	+	-	-	-	-	-	+
Восхищение	+	-	-	-	-	-	-
Выбор	-	+	-	-	-	-	-
Выяснение	+	-	-	+	-	-	-
Дополнение	+	+	-	-	-	-	-
Заключение	+	+	+	-	-	-	+
Закономерность	-	+	-	-	-	-	-
Замечание	+	-	-	-	-	-	-
Запрет	+	-	-	-	-	-	-
Запрос	+	-	-	-	-	+	-
Ирония	+	-	+	-	-	-	-
Категоричность	+	-	-	-	-	-	-
Критика	-	+	-	-	-	-	+
Минимизация	+	-	-	-	-	-	-
Негатив	+	-	-	-	-	-	+

Маркер / Функция	Ну	Вообще	Типа	В смысле	Как бы	Слушай	Как хочешь
Нейтрализация	+	-	-	-	-	-	-
Неопределенность	+	-	-	-	+	-	-
Обобщение	-	+	+	-	-	-	-
Обращение	-	-	-	-	-	-	-
Объяснение	+	-	+	+	-	-	-
Ответ	+	-	-	-	-	-	-
Отрицание	+	+	-	-	-	-	-
Опасение	+	-	-	-	+	-	-
Оценка	+	+	-	-	-	-	-
Переключение	+	-	-	-	-	+	-
Перечисление	-	+	-	-	-	-	-
Побуждение	+	-	-	-	-	+	+
Поиск номинации	-	-	+	-	+	-	-
Предложение	+	-	-	-	-	+	-
Предположение	+	-	+	-	+	+	-
Присоединение	-	+	-	-	-	-	-
Причина	+	-	+	-	-	-	-
Противопоставление	+	+	-	-	-	-	-
Смягчение	+	-	+	-	+	-	-
Согласие	+	-	-	-	-	-	-
Сомнение	+	-	+	-	-	-	+
Сравнение	-	-	+	-	+	-	-
Стимуляция	+	-	-	-	-	-	-
Требование	+	-	-	-	-	-	-
Убеждение	+	-	-	-	-	-	-
Угроза	+	-	-	-	-	-	-
Удивление	+	-	+	+	-	+	-
Удовлетворение	+	-	-	-	-	-	-
Умолчание	-	-	-	-	-	-	-
Усиление	+	+	-	-	+	-	-

Маркер \ Функция	Ну	Вообще	Типа	В смысле	Как бы	Слушай	Как хочешь
Условие	-	-	-	-	+	-	-
Уступка	+	-	-	-	-	-	-
Утверждение	+	-	-	-	-	-	-
Уточнение	+	+	-	+	+	-	-
Цитирование	-	-	+	-	-	-	-
Экспрессия	+	-	-	-	-	-	-
Количество функций маркера	44	14	12	5	9	7	8

Анализ контекстов и словарей продемонстрировал принадлежность 7 дискурсивных маркеров *well, anyway, sure, sort of, after all, you know, I see* в английском языке к следующим 15 разрядам: аппроксиматору, восклицанию, глаголу, дискурсивному маркеру, идиоме, интенсификатору, коннектору, междометию, металингвистическому оператору, наречию, прилагательному, существительному, филлеру, фразе, хеджу. В нашем исследовании 4 из 7 единиц – *well, anyway, sort of, you know* – были зафиксированы в словарях как дискурсивные маркеры (табл. 8).

Таблица 8. Разряды дискурсивных маркеров в английском языке

Маркер \ Разряд	Well	Anyway	Sure	Sort of	After all	You know	I see
Аппроксиматор	-	-	-	+	-	-	-
Восклицание	+	-	-	-	-	-	-
Глагол	+	-	-	-	-	-	-
Дискурсивный маркер	+	+	-	+	-	+	-
Идиома	-	-	-	-	+	+	+
Интенсификатор	-	-	+	-	+	-	-
Коннектор	+	-	+	-	-	+	+
Междометие	+	-	-	-	-	+	-
Металингвистический оператор	-	-	-	+	-	-	-

Маркер \ Разряд	Well	Anyway	Sure	Sort of	After all	You know	I see
Наречие	+	+	+	+	+	-	-
Прилагательное	+	-	+	-	-	-	-
Существительное	+	-	-	-	-	-	-
Филлер	-	-	-	+	-	+	-
Фраза	-	-	-	+	+	+	+
Хедж	-	-	-	+	-	-	-

Виды косвенного вопроса (*предложение, приглашение, побуждение, предположение, запрет, критика, оценка, приказ, разрешение, просьба, сомнение, сочувствие, угроза* и т. д.) и косвенного ответа (*ассоциативный, уклончивый, умолчание, молчание*) коррелируют с прагматическими функциями, выделенными при анализе функционирования дискурсивных маркеров в диалогическом единстве *вопрос–ответ* в английском языке. Для семи дискурсивных маркеров *well, anyway, sure, sort of, after all, you know, I see* в английском языке характерны следующие 56 прагматических функций: *аргументация, акцентирование, безразличие, внезапность, возмущение, возражение, восхищение, выбор, выяснение, дополнение, заключение, закономерность, замечание, запрет, запрос, ирония, категоричность, критика, минимизация, негатив, нейтрализация, неопределенность, обобщение, обращение, объяснение, ответ, отрицание, опасение, оценка, переключение, перечисление, побуждение, поиск номинации, предложение, предположение, присоединение, причина, противопоставление, смягчение, согласие, сомнение, сравнение, стимуляция, требование, убеждение, угроза, удивление, удовлетворение, умолчание, усиление, условие, уступка, утверждение, уточнение, цитирование, экспрессия*. Помимо двух основных функций – *запроса информации* и *ответа* – в диалогическом единстве *вопрос–ответ* в английском языке реализуются дополнительно 54 функции. Это свидетельствует о том, что дискурсивные маркеры выполняют как основную, так и вспомогательную прагматические функции, включаясь в систему многоступенчатого прагматического варьирования. Дискурсивные маркеры

модифицируют инвариантную интенциональную структуру в диалогическом единстве *вопрос-ответ* (табл. 9).

Таблица 9. Функции дискурсивных маркеров в английском языке

Маркер \ Функция	Well	Anyway	Sure	Sort of	After all	You know	I see
Аргументация	+	-	-	-	-	+	-
Акцентирование	+	+	-	-	-	+	-
Безразличие	-	-	-	-	-	-	+
Внезапность	-	-	-	-	-	-	-
Возмущение	-	-	-	-	-	-	-
Возражение	+	-	+	-	-	-	-
Восхищение	-	-	-	-	-	-	-
Выбор	-	-	-	-	-	-	-
Выяснение	-	-	-	-	-	-	-
Дополнение	+	+	-	-	-	+	-
Заключение	-	+	-	-	+	+	-
Закономерность	-	-	-	-	+	-	-
Замечание	-	-	-	-	+	-	-
Запрет	-	-	-	-	-	-	-
Запрос	+	+	-	-	+	-	-
Ирония	+	-	+	-	-	-	-
Категоричность	+	-	+	-	-	-	-
Критика	-	-	-	-	-	-	-
Минимизация	+	-	-	-	-	-	-
Негатив	-	-	-	-	-	-	-
Нейтрализация	-	-	-	-	-	-	-
Неопределенность	-	-	-	-	-	-	+
Обобщение	-	-	-	-	-	-	-
Обращение	+	+	-	-	-	-	-
Объяснение	+	-	+	+	-	+	-
Ответ	+	-	-	-	-	-	-
Отрицание	+	-	-	-	-	-	+
Опасение	-	-	-	-	-	-	-

Маркер / Функция	Well	Anyway	Sure	Sort of	After all	You know	I see
Оценка	-	-	-	+	-	+	-
Переключение	-	-	-	-	-	-	-
Перечисление	-	+	-	+	-	-	-
Побуждение	+	-	-	-	-	-	-
Поиск номинации	+	+	-	-	-	-	-
Предложение	+	-	-	-	-	-	-
Предположение	+	-	+	+	-	+	-
Присоединение	-	-	-	-	-	-	-
Причина	-	-	-	-	-	+	-
Противопоставление	+	-	-	-	+	-	-
Смягчение	+	-	-	+	-	+	-
Согласие	+	-	+	-	-	-	-
Сомнение	+	+	-	+	-	-	+
Сравнение	-	-	-	-	-	-	-
Стимуляция	+	-	-	-	-	-	-
Требование	-	-	-	-	-	-	-
Убеждение	-	-	+	-	-	-	-
Угроза	+	-	-	-	-	-	-
Удивление	+	-	-	-	-	-	-
Удовлетворение	-	-	-	-	-	-	-
Умолчание	-	-	-	-	-	-	-
Усиление	-	-	+	+	-	-	-
Условие	-	-	-	-	-	-	-
Уступка	+	-	-	-	-	-	-
Утверждение	+	-	+	-	-	-	-
Уточнение	-	-	-	+	-	+	-
Цитирование	-	-	-	+	-	-	-
Экспрессия	-	-	-	-	-	-	-
Количество функций маркера	25	8	9	9	5	10	4

К перспективам исследования можно отнести анализ функционирования дискурсивных маркеров в других типах диалогических единств. Это поможет, с одной стороны, провести «инвентаризацию» лексического и грамматического материала, важного для процесса успешной коммуникации, а с другой – получить материал, который позволит усовершенствовать существующие описания семантики данных единиц.

Вместе с тем, при изучении дискурсивных маркеров часто возникают определенного рода сложности, а именно: терминологическая неопределенность; отсутствие четких критериев отнесения той или иной языковой единицы к дискурсивным маркерам; отсутствие единого мнения относительно точного определения границ данной группы слов; отсутствие денотата в общепринятом смысле (изучение возможно только через употребление); трудности с поиском границы между значением дискурсивного маркера и значением контекста (часто дискурсивные маркеры могут полностью сливаться с контекстом, дублируя семантику его отдельных фрагментов); описание дискурсивных маркеров обычно требует тщательного анализа контекстов.

В дальнейшем интерес могут представлять следующие аспекты: интегральное исследование функционирования дискурсивных маркеров на основе комплекса методов, включая методы корпусной лингвистики; изучение дискурсивных маркеров в аспекте лингвоконфликтности и лингвотолерантности, в аспекте языковой экономии; изучение функционирования дискурсивных маркеров в различных типах дискурса и в разноструктурных языках.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аверина А. В., Иванов В. Д. Немецкие дискурсивные частицы в структуре поля модальности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2 (80). Ч. 2. С. 274–277.
2. Аверина А. В. Функции модальных частиц в немецких научных текстах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 1. С. 71–83.
3. Агранат Т. Б. Дискурсивные маркеры в водском языке // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 65–75.
4. Ажеж К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М.: Едиториал УРСС, 2008. 304 с.
5. Алпатов В. М. Что и как изучает языкознание? // Вопросы языкознания. 2015. № 1. С. 7–21.
6. Андреева О. С. Социальные сети как пространство для репрезентации повседневности современного человека. 2015. URL: http://www.rusnauka.com/16_PN_2017/Philosophia/4_225887.doc.htm (дата обращения: январь 2021).
7. Андреева С. В. Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи. Саратов: Изд-во «Саратовский университет», 2005. 188 с.
8. Апресян Ю. Д. К новой версии теории лексических функций (ЛФ) // Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы. Материалы и тезисы докладов. СПб.: ООО «Нестор-История», 2011. С. 21–26.
9. Апресян Ю. Д. Теоретическая лингвистика и практическая лексикография: постановка вопроса // Труды Отделения историко-филологических наук. 2005. М.: Наука, 2005. С. 23–39.
10. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998. 1392 с.
11. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике. М.: Высшая школа, 1991. 140 с.

12. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
13. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия АН ССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 356–370.
14. Асмус В. Ф. Логика. М.: URSS. 2021. 400 с.
15. Атаева Е. В., Малышева Д. С. О функционировании дискурсивных слов в речи молодежи // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. Выпуск 4. Раздел 3. Филология и лингвистика. 2009. С. 209–215.
16. Баженова Е. А. Прагматические единицы научного текста // Филологические заметки, Языкознание и литературоведение. Том 2. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 2007. С. 221–225.
17. Бажура Т. А. Дискурсивный маркер *you know* как сигнал об изменении темы // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. № 21. Сочи: Изд-во «Сочинский государственный университет», 2016. С. 13–15.
18. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
19. Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84–99.
20. Басовская Е. Н. Риторические вопросы в современной публицистике // Русская речь. 2004. № 1. С. 57–63.
21. Басовская Е. Н. Дискурсивная глубина как типологический признак медиатекста // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 1 (38). С. 21–33.
22. Басовская Е. Н. Частицы в медиатексте – крупницы «медиа смысла» (слово даже в сетевой кинокритике) // Человек в информационном пространстве. Сборник научных статей XVI Всероссийской с международным участием междисциплинарной научно-практической конференции. Под общей редакцией Т. П. Курановой. Ярославль: Изд-во «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2019. С. 223–228.
23. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1996. 181 с.

24. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 423 с.
25. Белнап Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов. М.: Прогресс, 1981. 288 с.
26. Беляева Л. Н., Чернявская В. Е. Доказательная лингвистика: метод в когнитивной парадигме // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3. С. 77–84.
27. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Пер. с фр., вступ. ст. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
28. Библия с комментариями. М.: Изд-во «Российское Библейское Общество», 2010. 2048 с.
29. Блинова О. В. Позиционные свойства русских усеченных обращений и дискурсивных маркеров типа СЛУШАЙ // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2019. Т. 3. № 15. С. 185–204.
30. Блох М. Я., Поляков С. М. Строй диалогической речи. Монография. М.: Прометей, 1992. 154 с.
31. Блюднева А. А. Дискурсивный маркер *well* и его функциональный перевод на русский язык при субтитровании и дубляже художественных фильмов // Полилингвильность и транскультурные практики. М.: Изд-во «Российский университет дружбы народов». 2019. Т. 16. № 4. С. 504–514.
32. Боброва Л. А. Природа логики: по материалам журнала "Логические исследования" // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал. Институт научной информации по общественным наукам РАН. 2020. № 2. С. 60–66.
33. Богданов В. В. Молчание как нулевой речевой акт и его роль в вербальной коммуникации // Языковое общение и его единицы. Межвуз. сб. науч. тр. Калинин: Изд-во «Калининский государственный университет», 1986. С. 12–18.
34. Богданов В. В. Классификация речевых актов // Личностные аспекты языкового общения. Межвуз. сб. науч. тр. Калинин: Изд-во «Калининский государственный университет», 1989. С. 25–37.
35. Богданов В. В. Речевое общение. Прагматический и семантический аспекты. Л.: Изд-во «Ленинградский государственный университет», 1990. 82 с.

36. Богданова Н. В. О проекте словаря дискурсивных единиц русской речи (на корпусном материале) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). Вып. 11 (18) / Гл. ред. А. Е. Кибрик. М.: Изд-во «Российский государственный гуманитарный университет», 2012. С. 71–83.

37. Богданова-Бегларян Н. В. Еще раз о законе экономии в повседневной спонтанной речи // Коммуникативные исследования. № 1, 2014. С. 241–251.

38. Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014а. № 3 (27). С. 7–20.

39. Богданова-Бегларян Н. В. Один в поле не воин: о «магнетизме» прагматических маркеров в русской устной речи // Социо- и психолингвистические исследования. Вып. 7, 2019. С. 14–19.

40. Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Зайдес К. Д., Попова Т. И., Шерстинова Т. Ю. Корпус естественной речи: проблемы ручного аннотирования прагматических маркеров и пути их решения // Анализ разговорной русской речи (АРЗ–2019). Труды восьмого междисциплинарного семинара, 2019. СПб.: Изд-во «Политехника-принт», 2019. С. 5–10.

41. Болдырев Н. Н. Функционально-семиологический принцип исследования языковых единиц // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю. С. Степанова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 383–393.

42. Болдырев Н. Н. Категориальная система языка // Когнитивные исследования языка. Вып. X. Категоризация мира в языке. Коллективная монография М., Тамбов: Институт языкознания РАН; Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. С. 17–120.

43. Болсуновская Л. М., Зеремская Ю. А., Дубровская Н. В. Виды дискурсивных маркеров в русскоязычных и англоязычных научных статьях по геологии и нефтегазовому делу // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (157). С. 117–123.

44.Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука, 1971. 116 с.

45.Бондарко А. В. Теоретические проблемы русской грамматики. СПб.: Изд-во «Санкт-Петербургский государственный университет», 2004. 208 с.

46.Бонола А., Стоянова Н. Изучение дискурсивных и прагматических маркеров в итальянской лингвистике: направления и методы // Вопросы языкознания. 2020. С. 124–147.

47.Бригинская Е. В. К проблеме статуса дискурсивных слов в современном языкознании // Язык: Мультидисциплинарность научного знания. Научный альманах / Под ред. О. В. Труновой; Барнаул: Изд-во «Алтайская государственная педагогическая академия. Лингвистический институт», 2010. С. 19–22.

48.Бузаров В. В. Изучение диалогической коммуникации – основная задача коммуникативной грамматики // Вестник Московского университета. Филология. Сер. 9. 2002. С. 26–29.

49.Бузаров В. В. Круговорот диалогической речи, или взаимодействие грамматики говорящего и грамматики слушающего. Ставрополь: Изд-во «Ставропольский государственный университет», 2001. 167 с.

50.Булыгина Т. В. О границах и содержании прагматики // Известия АН ССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 333–342.

51.Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Диалогические функции некоторых типов вопросительных предложений // Известия АН ССР. Серия литературы и языка. Том 41, № 4, 1982. С. 314–326.

52.Бюиссанс Э. Абстрактное и конкретное в лингвистических фактах: Речь – Дискурс – Язык // Политическая наука: Научный журнал / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Росс. ассоц. полит. науки; Ред. кол.: Мелешкина Е. Ю. (гл. ред.) и др. М., 2016. № 3: Политическая семиотика / Ред-сост. номера Золян С. Т., Фомин И. В. С. 213–229.

53.Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос. 2003. 173 с. URL: <http://yanko.lib.ru/books/language/ru/%C2%E0%EB%E3%E8%ED%E0,%20%CD.%D1.%20%D2%E5%EE%F0%E8%FF%20%F2%E5%EA%F1%F2%E0.%20%CC%EE%>

F1%EA%E2%E0,%20%CB%EE%E3%EE%F1.%202003.%20%D0%E0%F1%EF.%20(sl).pdf (дата обращения: январь 2021).

54. Васильев Л. Г. Приближение к диалогу: системно-прагмалингвистическая интерпретация // Языковой дискурс в социальной практике. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. 29–30 марта 2019 г. Тверь: Изд-во «Тверской государственный университет», 2019. С. 13–15.

55. Верховлетова Е. Ю. Структурно-динамический подход к социальной стратификации устной речи. Автореф. ... к. филол. н. Пермь, 2010. 19 с.

56. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 251–275.

57. Викторова Е. Ю. Вспомогательная система дискурса. Монография. Саратов: ИЦ «Наука», 2015. 404 с.

58. Викторова Е. Ю. Дискурсивные слова: единство в многообразии // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2014а. Т. 14. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 1. С. 10–15.

59. Викторова Е. Ю. Синкретизм дискурсивных слов // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. 2014б. Т. 14. Вып. 3. С. 14–21.

60. Викторова Е. Ю. Прагматическая полифункциональность дискурсивных слов // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014в. № 2. С. 18–22.

61. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 172 с.

62. Власян Г. Р. Особенности функционирования маркеров англоязычного разговорного дискурса // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 4 (16). С. 115–120.

63. Волоктина А. И. Коммуникативная структура диалогического СФЕ // Коммуникативно-прагматические функции языковых единиц. Межвуз. сб. Куйбышев: Изд-во «Куйбышевский университет», 1990. С. 49–57.

64. Волокитина А. И. Прагматика форм речевого общения. Самара: Изд-во «Самарский государственный университет», 2001. 208 с.
65. Вопросы Милинды. М.: Наука, 1989. 488 с.
66. Воротников Ю. Л. «Как бы на самом деле, да?» или «О чём говорят паразиты»? М.: Российская академия наук, 2019. 138 с.
67. Вохрышева Е. В. Коммуникативно-прагматические типы ответных реплик диалогических единств с идентифицирующим вопросом в новоанглийском языке // Коммуникативно-прагматическое функционирование языковых единиц. Межвуз. сб. Куйбышев: Изд-во «Куйбышевский университет», 1990. С. 109–115.
68. Вохрышева Е. В. Коммуникативные стратегии диалогического взаимодействия: принципы функционирования // Успехи современной науки. 2016. Т. 8. № 11. С. 6–9.
69. Гак В. Г. Прагматика, узус и грамматика речи // Иностранные языки в школе. 1982, № 5. С. 12–19.
70. Гак В. Г. Языковые преобразования. Монография. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.
71. Гедз С. Ф. Коммуникативно-прагматические особенности высказываний с интеррогативным значением в современном английском языке. Автореф. ... к. филол. н. Киев, 1998. 22 с.
72. Герасимова О. И. О типах значений косвенных высказываний // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. Сб. нач. тр. Калинин: Изд-во «Калининский государственный университет», 1985. С. 150–158.
73. Герасимова О. И. Прагматическая детерминированность ответных реплик // Языковое общение и его единицы. Межвуз. сб. науч. тр. Калинин: Изд-во «Калининский государственный университет», 1986. С. 44–48.
74. Голованова Е. И., Корсакова Ю. И. Функциональная семантика дискурсивных маркеров устной речи: динамический аспект // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 4 (181). С. 222–241.

75. Головач О. А. Принцип экономии в лингвистике // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2011. № 3 (17). С. 137–139.

76. Голубева Н. А., Зуева Е. В. К понятию коннектора в лингвистике // Язык и культура. Научный журнал. № 40. 2017. С. 36–48.

77. Голубева-Монаткина Н. И. Вопросительное предложение и речевые акты // Иностранные языки в школе, 1990, № 6. С. 82–86.

78. Голубева-Монаткина Н. И. Французская диалогическая речь в сопоставлении с русской (Вопросительное предложение). М.: Высшая школа, 1985. 127 с.

79. Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 276–302.

80. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.

81. Григорьев В. А. К толкованию понятия «риторический вопрос» // Прагматико-функциональное исследование языков. Межвуз. сб. научных трудов. Кишинев: Штиинца, 1987. С. 33–41.

82. Губарева О. Н. Особенности употребления дискурсивных маркеров в англоязычных и русскоязычных научно-учебных текстах экономического профиля // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. Центр развития научного сотрудничества. 2010. № 2. С. 224–231.

83. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 398 с.

84. Гурочкина А. Г. Диалогический дискурс как среда и как результат межличностного взаимодействия // *Studia linguistica XVIII*. Актуальные проблемы современного языкознания. Сборник статей. СПб.: Изд-во «Политехника-сервис», 2009. С. 43–48.

85. Гущина Л. В. К вопросу о базовых коммуникативно-прагматических функциях диалогического дискурса // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2010. № 2. С. 67–84.

86. Давыденко Л. Г., Джевала С. С. Дискурсивный маркер JUST в английском языке как компонент реализации стратегии вежливости // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. Ч. 2. № 3. С. 76–81.

87. Дараган Ю. В. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // Труды Международного семинара «Диалог 2000 по компьютерной лингвистике и её приложениям». Т. 1. Теоретические проблемы. Протвино, 2000. URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/daragan/> (дата обращения: январь 2021).

88. Девкин В. Д. Диалог. Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской. Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1981. 160 с.

89. Дейк Т. ван. Вопросы прагматики текста // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики. Сб. статей. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 90–168.

90. Деликанова Е. В. О двух частицах в бурятском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. СПб.: Институт лингвистических исследований Российской академии наук, 2018. С. 216–242.

91. Демьянков В. З. Загадки диалога и культуры понимания // Текст в коммуникации. М.: Институт языкознания АН СССР, 1991. С. 109–116.

92. Демьянков В. З. Коммуникативное знание в когнитивной и коммуникативной компетенциях // Когнитивные исследования языка. Выпуск 34. *Cognitio* и *communicatio* в современном глобальном мире: Материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике 10–12 октября 2018 г. М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2018. С. 52–55.

93. Дородных А. И. О моделировании процессов общения // Анализ знаковых систем. История логики и методологии науки. Тез. докл. IX Всесоюз. совещ. Киев: Наук. думка, 1986. С. 14–15.

94. Дускаева Л. Р. Диалог // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание. Сибирский

федеральный университет, под редакцией А. П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет (Красноярск), 2014. С. 127–128. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24548320_33580453.pdf (дата обращения: декабрь 2020).

95. Егорова М. А. Дискурсивный маркер *типа* по данным Национального корпуса русского языка: происхождение, семантика и прагматика // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 30 мая – 2 июня 2018 г.). Вып. 17 (24). М.: Изд-во «Российский государственный гуманитарный университет», 2018. С. 1–15. <http://www.dialog-21.ru/media/4295/egorovama.pdf> (дата обращения: ноябрь 2020).

96. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. Перевод с английского. Серия «Лингвистическое наследие XX века». М.: URSS. 2006. 248 с.

97. Ермоленкина Л. И. Диалог как дискурсообразующий фактор информационного радио // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 325. С. 18–24.

98. Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 404 с.

99. Жинкин Н. И. Вопрос и вопросительное предложение // Вопросы языкознания. 1955. № 3. С. 22–34.

100. Жукова С. Ю. Дискурсивные формулы русского языка как хочешь, как знаешь в диахроническом аспекте // Acta Linguistica Petropolitana. Т. 15. Ч. 3, 2019. С. 295–319. URL: https://alp.iling.spb.ru/static/alp_XV_3/13.pdf (дата обращения: ноябрь 2020).

101. Заботин В. В. Проблема вопроса и ответа в логике // Философские науки. 1961. № 1. С. 68–76.

102. Зализняк А. А., Падучева Е. В. Опыт семантического анализа русских дискурсивных слов: *пожалуй, никак, все-таки* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика, 2018. Т. 22. № 3. С. 628–652.

103. Згонникова А. А. Клишированные фразы в деловом дискурсе // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. Пятигорск: Изд-во «Пятигорский государственный лингвистический университет», 2014. № 7. С. 32–41.
104. Иванов В. Д. Функции дискурсивных частиц в немецком языке. Дисс.... к. филол. н. Мытищи, 2019. 179 с.
105. Ингарден Р. Очерки по философии литературы. Благовещенск: Изд-во «Благовещенский гуманитарный колледж им. И. А. Бодуэна де Куртенэ», 1999. 201 с.
106. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
107. Иссерс О. С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // Вестник Омского университета. 2011. № 4 (62). С. 227–232.
108. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии как реальность речевого общения // Стилистика и прагматика. Тез. докл. науч. конференции. Пермь: Изд-во «Пермский университет», 1997. С. 57–59.
109. Иссерс О. С. Речевое воздействие: учебное пособие. 4-е изд., стер. М.: Флинта, 2016. 224 с.
110. Каменская О. Л. Текст и коммуникация. М.: Высшая школа, 1990. 151 с.
111. Каменский М. В. Когнитивно-функциональная модель дискурсивных маркеров. Дисс... к. филол. н. Ставрополь, 2015. 548 с.
112. Карасик В. И. Дискурсивные слова как эмблемы личности // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1. С. 26–34.
113. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
114. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
115. Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления: из научного наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001. 864 с.

116. Кваскова Л. В. Основы функциональной грамматики: коммуникативно-прагматический аспект. Монография. М.: Московский педагогический государственный университет, 2016. 160 с.
117. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Дисс. ... д. филол. наук. М., 2003. 90 с.
118. Кибрик А. А. Дискурс // Лингвист Андрей Кибрик о этимологии слова, уровне дискурса и просодиях. 2012. URL: <https://postnauka.ru/video/3646> (дата обращения: ноябрь 2020).
119. Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. № 2, 2009. С. 3–21.
120. Кларк Г. Г., Карлсон Т. Б. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 270–321.
121. Князева Е. Г. Диалогический дискурс и смысловой синтез // Вестник Костромского государственного университета: Научно-методический журнал. Т. 24. № 1, 2018. С. 124–127.
122. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика Изд. 7, испр. и доп. М.: URSS. 2021. 360 с.
123. Когут С. В. Дискурсивные маркеры как отражение своеобразия естественнонаучной и научно-гуманитарной картин мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. I. С. 101–106.
124. Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи: учеб. пособие. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 1986. 92 с.
125. Кожина М. Н. Речеведческий аспект теории языка // Stylistyka VII. Opole, 1998. С. 20–21.
126. Козловская А. Б. Информативность как основная категория газетных сообщений // Вісник Сумського державного університету. 2006. № 11 (95). Т. 1. С. 40–47.

127. Колокольцева Т. Н. Современная диалогическая коммуникация и проблемы типологии диалогических дискурсов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 2 (66). С. 74–78.

128. Колокольцева Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград: Изд-во «Волгоградский государственный университет», 2001. 260 с.

129. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. М.: Наука, 1984. 175 с.

130. Колшанский Г. В. Лингвокоммуникативные аспекты языкового функционирования // Иностранные языки в школе. 1985. № 1. С. 22–27.

131. Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 349–383.

132. Копнин П. В. Природа суждений и способы их выражения в языке // Мышление и язык. Сб. статей. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 276–351.

133. Копылова Т. А. Молчание как культурный знак // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия история и филология. № 4, 2012. С. 126–129.

134. Корректно ли использовать слово «типа»? // Информационный портал Екатеринбурга. Образование. 23 марта 2017 URL: <https://www.ekburg.ru/news/18/65268-korrektno-li-ispolzovat-slovo-tipa/> (дата обращения: декабрь 2020).

135. Котюрова М. П., Баженова Е. А. Частицы-дискурсивы в аспекте критичности мышления журналиста // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 64. С. 63–75.

136. Кочарян К. Э. Коммуникативное задание речевого акта выпытывание // Речевые акты в лингвистике и методике. Межвуз. сб. науч. тр. Пятигорск: Изд-во «Пятигорский государственный педагогический институт иностранных языков», 1986. С. 92–95.

137. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
138. Крестинский С. В. Коммуникативная нагрузка молчания в диалоге // Личностные аспекты языкового общения. Межвуз. сб. науч. тр. Калинин: Изд-во «Калининский университет», 1989. С. 92–97.
139. Крестинский С. В. Коммуникативно-прагматическая структура акта молчания // Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц. Тверь: Изд-во «Тверской государственной университет», 1993. С. 59–67.
140. Крестинский С. В. Молчание как средство коммуникации и его функции в языковом дискурсе // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». Вып. 1. 2011. С. 34–37.
141. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва, М. Издательство: Знак, 2009. 145 с. // URL: http://www.pseudology.org/chtivo/Krongauz_MA_Ruski_Yazyk2.pdf (дата обращения: ноябрь 2020).
142. Кудрявцев И. А. Особенности процесса вербализации в диалогическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (30): в 2-х ч. Ч. I. С. 118–121.
143. Кузнецов И. А. Национально обусловленные модели фатической диалогической вопросно-ответной коммуникации в современной русской речи. Дисс.... к. филол. н. Нижний Новгород, 2020. 244 с.
144. Кузнецова Н. В., Почтарёва О. В. Служебная единица *в смысле* в союзной функции // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 57. С. 63–78.
145. Лазутова Л. А., Левина Е. Л. Вербальные и невербальные средства выражения концепта «молчание» в немецком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6. Ч. 3. С. 124–126.
146. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Пер. с англ. изд. 4. М.: URSS. 2021. 256 с.

147. Ларина Т. В. Соотношение формальности, неформальности, вежливости, невежливости и грубости: дискурсивно-прагматический аспект // Cuadernos de rusística española. 2020. № 16. С. 23–26.

148. Леви В. Л., Станиславский К. С., Карнеги Д. Искусство разговаривать и получать информацию. Хрестоматия. М.: Высшая школа, 1993. 303 с.

149. Левицкий Ю. А. Структура связного текста. Учебное пособие по спецкурсу. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 1978. 64 с.

150. Левицкий Ю. А. От высказывания – к предложению. От предложения – к высказыванию. Монография. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 1995. 196 с.

151. Левицкий Ю. А. Грамматика современного английского языка. Курс лекций. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 1997. 100 с.

152. Левицкий Ю. А. Проблема типологии текстов. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 1998. 106 с.

153. Левицкий Ю. А. Язык, речь, текст. Учебное пособие по курсу «Общее языкознание». Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 1999. 124 с.

154. Левицкий Ю. А. Проблемы лингвистики текста. Учебное пособие по спецкурсу. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 2004. 206 с.

155. Лейко И. М. Прагматические особенности употребления частицы *ну* в речи студентов и старшеклассников // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова, 2013. Т. 16, № 2. С. 150–154.

156. Лекант П. А. Аналитизм в категории русских частиц // Вестник Московского государственного областного университета. Электронный журнал. 2013. № 1. URL: <https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/295> (дата обращения: ноябрь 2020).

157. Ленерт У. Проблемы вопросно-ответного диалога // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 258–280.

158. Логинов А. В. Лексические средства выражения семантики интеррогативности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (17). С. 82–85.
159. Лотман М. Ю. Внутри мыслящих миров. Человек – Текст – Семиосфера – История. М.: Языки русской культуры, 1996. 191 с.
160. Макаров М. Л. Прагматика, стилистика и риторика: язык парламента // Языковое общение: единицы и регулятивы: межвуз. сб. науч. трудов, Калинин: Изд-во «Калининский университет», 1987. С. 46–51.
161. Макарова Н. П. Прагматические характеристики унисонных диалогических единств // Диалог о диалоге. Межвуз. сб. науч. тр. Саранск: Изд-во «Мордовский университет», 1991. С. 23–28.
162. Массалина И. П. Дискурсивные маркеры // Известия Калининградского государственного технического университета. 2009, № 15. С. 211–217.
163. Медведева М. В. Дискурсивные функции «sort of» // Пятигорский государственный университет. Университетские чтения. 2011. Часть 02. URL: https://pgu.ru/editions/un_reading/detail.php?SECTION_ID=2864&ELEMENT_ID=9954 (дата обращения: ноябрь 2020).
164. Меликян С. В. Молчание в русском общении. Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: Изд-во «Воронежский государственный технический университет», 2000. С. 47–52.
165. Мельникова Е. Л. Диалог, живая интонация. URL: http://www.ychitel.com/menu%20to/metod/metod_3_3 (дата обращения: ноябрь 2020).
166. Мишиева Е. М. Дискурсивные маркеры в молодежной онлайн-коммуникации (на материале английского языка). Дисс... к. филол. н. М., 2015. 233 с.
167. Мишланов В. А., Салимовский В. А. Дискурс враждебности как социальный феномен // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. Екатеринбург: Изд-во «Уральский государственный университет», 2006. С. 56–66.

168. Млинарова Б. Семантика и функции частиц в современных газетных статьях на русском языке в дискурсивном аспекте. Дисс. ... к. филол. н. Пермь, 2018. 135 с.
169. Мурашкова Е. М. Подходы к исследованию дискурсивных маркеров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014, № 5. С. 53–56.
170. Мурзин Л. Н., Сметюк И. Н. Как обучать языку? (Об основах лингводидактики). Пермь: Изд-во «Пермский университет», 1994. 136 с.
171. Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во «Уральский государственный университет», 1991. 172 с.
172. Мухаметов Д. Б. Молчание как компонент русской культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 5 (3). С. 72–82.
173. Норман Б. Ю. Диффузный характер языковых знаков, динамичность синтаксической структуры и речевая свобода носителя языка // Дискурс, социум, креативность. Коллективная монография / Отв. ред. М. Ю. Олешков. Нижний Тагил: Изд-во «Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт», 2012. С. 42 – 55.
174. Носова О. Е. Молчание: стратегия или тактика // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 1. С. 105–109.
175. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.
176. Остин Дж. Избранное. М.: Идея-пресс, 1990. 332 с.
177. Павлоцки Е. П. Типа или типо – как правильно? // URL: https://aif.ru/society/education/tipa_ili_tipo_-_kak_pravilno (дата обращения: ноябрь 2020).
178. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 272 с.

179. Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога // Известия АН ССР. Серия литературы и языка. Том 41, № 4. М.: Наука, 1982. С. 305–313.

180. Палехова О. В. Риторический вопрос как средство воздействия на адресата // Гуманитарные науки и вызовы нашего времени. сборник научных статей по итогам II Всероссийской научной конференции с международным участием. 5–6 марта 2020 г. СПб.: Изд-во «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», 2020. С. 43–46.

181. Панова Л. Н. М. М. Бахтин и Ю. М. Лотман: Диалог о диалоге // Теория и история культуры. Исследования молодых ученых. Вестник МГУКИ, ноябрь–декабрь, 6 (32) 2009. С. 57–60.

182. Петерсон М. Н. О вопросах // Русский язык в школе. 1940. № 2. С. 38–40.

183. Пиотровский Р. Г. Инженерная лингвистика: теория – эксперимент – реализация // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1978. Т. 37, № 1. С. 10–19.

184. Пирс Ч. С. Начала прагматизма / Перевод с английского, предисловие В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. 352 с.

185. Плахотная Ю. И. Диалогический дискурс в когнитивном аспекте // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 25 (240). Филология. Искусствоведение. Вып. 58. С. 135–137.

186. Плотникова С. Н. Дискурс и дискурсивное пространство // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / Отв. ред. О. А. Сулейманова. М.: ЛЕНАНД, 2018. С. 31–61.

187. Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2. С. 7–20.

188. Плунгян В. А. Дискурсивные слова. 25 августа 2012. URL: <https://postnauka.ru/video/2961> (дата обращения: сентябрь 2020).

189. Плунгян В. А. Дискурсивные слова. Семь фактов о богатстве значений слов-паразитов. 17 января 2013. URL: <https://postnauka.ru/faq/8572> (дата обращения: ноябрь 2020).
190. Плунгян В. А. Лингвистика в XXI веке: проблемы, перспективы, точки роста // Слово.ру: Балтийский акцент, Т. 9. № 1. 2018. С. 7–12.
191. Понятина Т. П. Коммуникативные функции дискурсивных слов в художественных текстах // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2013, № 4 (2). С. 373–376.
192. Почепцов О. Г. Основы прагматического описания предложения. Киев: Вища школа, 1986. 116 с.
193. Почепцов О. Г. Семантика и прагматика вопросительного предложения (на материале русского и английского языка). Автореф ... к. филол. н. Киев, 1979. 24 с.
194. Пророкова В. М. Слова-"приправы", слова-"заплаты". Модальные частицы в немецком языке. М.: Высшая школа, 1991. 127 с.
195. Прытков В. П., Ивлев Ю. В., Симонов А. Н. Вопрос и ответ. Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий, 2002–2018. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7350> (дата обращения: сентябрь 2020).
196. Пушина Н. И., Маханькова Н. В., Широких Е. А. Коммуникативные неудачи в межкультурной коммуникации: причины, типология, стратегии минимизации // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2015. Т. 25. № 6. С. 28–34.
197. Рамазанова М. К. Функции частиц в вопросительных предложениях лезгинского языка (на примере вопросительных частиц) // Международный научно-исследовательский журнал. № 04 (58). Часть 2. 2017. С. 69–71.
198. Рец Ю. С. Дискурсивные маркеры: семантика и практика (на материале языка идиш). 2017. URL: <https://nauchkor.ru/pubs/diskursivnye-markery-semantika-i-pragmatika-na-materiale-yazyka-idish-5a6f882b7966e12684eea1e1> (дата обращения: сентябрь 2020).

199. Романов А. А. Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: системный анализ. М.: URSS. 2020. 264 с.
200. Рябова М. Ю. Знаковость дискурса повседневности // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 21 (275). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/znakovost-diskursa-povsednevnosti> (дата обращения: декабрь 2021).
201. Салимовский В. А. Вклад М. Н. Кожиной в развитие лингвистической стилистики и становление речеведения // Медиалингвистика. № S1, 2013. С. 7–32.
202. Саркисян О. Н. Дискурсивные маркеры как макроконнекторы в организации дискурса. URL: https://pglu.ru/upload/iblock/54d/uch_2010_ii_00027.pdf (дата обращения: сентябрь 2021).
203. Северская О. И. «Языковой мир сузился до смартфона»: что беспокоит лингвистов. 2019. URL: https://www.gazeta.ru/science/2019/08/17_a_12584209.shtml (дата обращения: сентябрь 2020).
204. Семенов В. Е. Социальная психология искусства. Л.: Изд-во «Ленинградский государственный университет», 1988. 160 с.
205. Сеничкина Е. П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке. М.: Изд-во «Московский государственный областной университет», 2002. 307 с.
206. Сергеева Т. А. Коммуникативные особенности риторических вопросов // Диалог о диалоге. Межвуз. сб. науч. тр. Саранск: Изд-во «Мордовский университет», 1991. С. 57–62.
207. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986а. С. 170–194.
208. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986б. С. 195–222.
209. Служебные слова в лексикографическом аспекте. Монография / Е. А. Стародумова, В. Н. Завьялов, Е. С. Шереметьева, И. Н. Токарчук, Г. М. Крылова, Г. Н. Сергеева, Е. А. Шнырик, А. Ф. Прияткина, Н. Т. Окатова,

Г. Д. Зайцева, П. М. Тюрин, Е. В. Откидыч, Т. В. Конченко, В. В. Гавриленко. Владивосток: Изд-во «Дальневосточный федеральный университет», 2017. 377 с.

210. Сметюк И. Н. Диалогический текст: коммуникативно-динамический и лингводидактический аспекты (на материале английского и русского языков). Автореф... к. филол. н. Пермь, 1994. 20 с.

211. Стативка В. И. Текстово-дискурсивная категория информативности: лингвометодическая проекция // Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды. Харьков: Изд-во «Харьковский национальный педагогический университет имени Г. С. Сковороды», 2019. С. 51–63.

212. Степанов Ю. С. В поисках прагматики (Проблема субъекта) // Известия АН ССР. Серия литературы и языка. Том 40, № 4, 1981. С. 325–332.

213. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Едиториал УРСС, 2002. 312 с.

214. Стрельцов А. А. Классификация вопросительных высказываний (на примере английского, немецкого и русского языков). Монография. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во «Южный федеральный университет», 2020. 162 с.

215. Стрельцов А. А. Три подхода к категории вопросительности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. № 3, 2017. С. 43–58.

216. Строгович М. С. Логика. Изд. 4. М.: URSS. 2021. 368 с.

217. Сунь Вэй. О преподавании русских дискурсивных слов в Китае // Российский гуманитарный журнал. 2019. Том 8. № 3. С. 213–219.

218. Сычева И. Б. Общие аспекты категории вопросительности в русском, английском и немецком языках // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 29 янв. 2015 г.) / Редкол.: О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С. 282–283.

219. Телень Э. Ф. Газета в современном мире. Пособие по англ. яз. М.: Высшая школа, 1991. 158 с.

220. Торжок А. Г. О диалогических единствах // Вопросы общего языкознания и теории текста. Сборник научных статей. Чебоксары: Изд-во «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева», 2018. С. 208–212.

221. Трофимова Н. А. Рацио и эмоцио в повседневной коммуникации // Ratio at Emotio: Рациональное и эмоциональное в языке и речи. Монография / Н. А. Трофимова, Я. А. Манукян, Т. Г. Мегрелишвили, Л. М. Рязановский, С. В. Шустова, Н. П. Сюткина. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2020. С. 10–31.

222. Троценкова Е. В., Блинова О. В. Прагматические маркеры в аспекте коммуникативного выравнивания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2020. Т. 19, № 3. С. 49–58.

223. Тубалова И. В. Специфика организации дискурсов повседневности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 4. С. 41–52.

224. Тюрина С. Ю. О вежливом прерывании делового общения // Альманах современной науки и образования. 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 221–224.

225. Тюрина С. Ю. Дискурс как объект лингвистического исследования // Inter-cultur@l-net. Выпуск 03, 2004. URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/129/> (дата обращения: октябрь 2021).

226. Тюрина С. Ю. Лексико-фонетические характеристики связующих элементов дискурса в английской деловой речи (На материале фраз вежливого прерывания разговора). Дисс. ... к. филол. н. Иваново, 2003. 194 с.

227. Фатхулова Д. Р. Анализ связности компонентов в диалогических единствах // Иностранные языки в школе и вузе. Сборник трудов конференции Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы. Уфа: Изд-во «Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы», 2017. С. 68–74.

228. Харгистова Э. В. К вопросу о стереотипности и творчестве в диалогических текстах вопросно-ответного типа // Стилистика и прагматика. Тез.

докл. науч. конференции. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 1997. С. 99–100.

229. Хинтиikka И. Вопрос о вопросах // Философия в современном мире. Философия и логика. М.: Наука, 1974. С. 303–362.

230. Хомский Н. О природе и языке: Язык, разум, мозг. Минималистическая программа лингвистической теории. Секулярное священство и опасности, которые таит демократия. Пер. с англ. Изд. стереотип. М.: URSS, 2021. 288 с.

231. Цапро Г. Ю. Гендерные дискурсивные маркеры (хеджинг WELL) в англоязычном интервью // Научная дискуссия: инновации в современном мире. Материалы VII международной заочной научно-практической конференции. Часть II (05 декабря 2012 г.). М.: Международный центр науки и образования, 2012. С. 30–40.

232. Царенко Н. М. Когнитивная нелогичность дискурсивных маркеров (на материале русского и английского языков) // Евразийский гуманитарный журнал, № 2, 2019. С. 59–62.

233. Царенко Н. М., Шустова С. В. Дискурсивные маркеры: прагмалингводидактический подход. Монография. Пермь: АНО ДПО «Пермский институт экономики и финансов», 2018. 148 с.

234. Чахоян Л. П., Паронян Ш. А. Взаимодействие интенций как фактор, определяющий типы межличностного общения // Личностные аспекты языкового общения. Межвуз. сб. науч. тр. Калинин: Изд-во «Калининский университет», 1989. С. 67–75.

235. Чехлыстова С. И. Нарушение принципов речевого общения в конфликтном дискурсе // Языковой дискурс в социальной практике. Материалы Междунар. научно-практ. конф. Тверь: Изд-во «Тверской государственный университет», 2016. С. 267–277.

236. Чжуан-цзы, Ян Чжу, Лецзы. Мудрецы Китая. Перев. Позднеева Л. Д. СПб.: Амфора, 2013. 357 с.

237. Чхетиани Т. Д. Специализированные метакоммуникативные сигналы поддержания речевого контакта // Прагматические и текстовые характеристики предикативных и коммуникативных единиц. Сб. науч. тр. Краснодар: Изд-во «Кубанский государственный университет», 1987. С. 27–33.

238. Шаронов И. А. Коммуникативы в естественных и в художественных диалогах // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 3 (10). С. 114–127.

239. Шаронов И. А. Проблемы описания русских коммуникативов, состоящих из служебных слов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. Вып. 3. Том 12. 2012. С. 7–13.

240. Шведова Н. Ю. К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы // Вопросы языкознания. 1956, № 2. С. 67–82.

241. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Азбуковник, 2003. 310 с.

242. Шевцова А. К. Дискурсивные слова как одно из средств создания естественности радиоречи // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики. Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. Р. Г. Пиотровского, г. Минск, 15–16 июня 2010 г.: в 2 ч. / редкол.: А. В. Зубов (отв. ред.). Ч. 1. Минск: Изд-во «Минский государственный лингвистический университет», 2010. С. 174–177.

243. Шевченко Г. В. Риторический вопрос – реакция на местоименный и неместоименный вопросы // Структура синтаксиса словосочетания и предложения в германских языках. Сб. науч. тр. Пятигорск: Изд-во «Пятигорский государственный педагогический институт иностранных языков», 1990. С. 15–24.

244. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. Монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 344 с.

245. Шикина Т. С., Рябова М. Э. Диалогический дискурс современного общества // Гуманитарий. Научно-публицистический ежегодник. 2008. № 7. С. 44–50.

246. Шилихина К. М. Лексические маркеры жанров интернет-коммуникации // Жанры речи. 2018. № 3 (19). С. 218–225.

247. Шилихина К. М. Прагматикализация языковых единиц как средство обеспечения когерентности дискурса // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 733–736.

248. Шилихина К. М., Смирнова В. В. Историческая динамика семантики и сфера действия дискурсивного маркера «видимо» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2. С. 107–112.

249. Шишкина Т. А. Косвенное высказывание в теории речевой деятельности // Прагматика и структура текста. Сб. науч. тр. Вып. 209. М.: Изд-во «Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза», 1983. С. 83–92.

250. Шустова С. В. К вопросу о функциональном потенциале языковой единицы (на примере семантической и синтаксической валентности) // Историческая и социально-образовательная мысль. № 3 (19). 2013. С. 161–164.

251. Шустова С. В., Журавлева Е. Р., Путина О. Н., Исаева Е. В. Дискурсивные маркеры: прагмалингвистический и прагмалингводидактический аспекты. Монография / Научн. ред. Е. В. Боднарук. Пермь: Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2020. 180 с.

252. Шустова С. В., Егорова И. В. К вопросу о прагматическом потенциале лексического и лексико-синтаксического каузатива // Вестник Прикамского социального института. 2011. № 1. С. 58–60.

253. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 7–8.

254. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. С. 77–100.

255. Эпос о Гильгамеше. О все видавшем. М.: Эксмо, 2005. 544 с.

256. Юзманов П. Р. Категория информативности в русском и немецком документном образовательном тексте / дискурсе. Дисс. ... к. филол. н. Тюмень, 2012. 181 с.
257. Якубинский Л. П. О диалогической речи. Глава 7. Бытовой шаблон и диалог. URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/jacub/jacublz.htm> (дата обращения: январь 2021).
258. Aijmer K. *Understanding Pragmatic Markers: A Variational Pragmatic Approach*. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2013. 186 p.
259. Aijmer K., Simon-Vandenberghe A. M. *Pragmatic markers // Handbook of Pragmatics*. Amsterdam. Philadelphia: John Benjamins, 2009. 278 p.
260. Aristotle. *Rhetoric*. W. Rhys Roberts, translator, W. D. Ross, editor. New York: Cosimo Classics, 2010. 194 p.
261. Austin J. L. *How to Do Things with Words*. Cambridge (Mass): Harvard University Press, 1962. 167 p.
262. Balota D. A., Marsh E. J. *Cognitive Psychology: Key Readings*. New York: Psychology Press, 2004. 766 p.
263. Blakemore D. *Relevance and Linguistic Meaning: The Semantics and Pragmatics of Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004. 189 p.
264. Bolden G. Little words that matter: Discourse markers “So” and “Oh” and the Doing of Other-Attentiveness in Social Interaction // *Journal of Communication*. 2006. № 56. P. 661–688.
265. Brinton L. *I mean: The rise of a pragmatic marker // Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics*. Georgetown, Washington, DC. February 15–17, 2003. P. 41–58.
266. Cabarrao V., Moniz H., Batista F., Ferreira J., Trancoso I., Mata A. I. Cross-domain analysis of discourse markers in European Portuguese // *Dialogue & Discourse*. Vol. 9, No 1, 2018. URL: <http://www.inesc-id.pt/publications/14324/pdf> (дата обращения: декабрь 2020).
267. Choi Inji. How and When do Children Acquire the Use of Discourse Markers? // *The Fifth Cambridge Postgraduate Conference in Language Research*,

20th–21st March, 2007. p.p. 13–14. URL: http://camling.soc.srcf.net/camling5/downloads/abstracts/camling07_abstractbooklet_short.pdf (дата обращения: сентябрь 2020).

268. Coll M. U. *Anyway: A Formal Approach to the Syntax and Semantics of Discourse Markers* // A thesis submitted for PhD, Department of Language and Linguistics, University of Essex, February 2009. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/citations;jsessionid=C0470CFFF9C32C8F74CD0D0937BABBCE?doi=10.1.1.645.1021> (дата обращения: декабрь 2020).

269. Danqi Zhang. The pragmatics of hedges in political communication: A critical discourse analysis of the 2016 US presidential debates. *ALR Journal* 5 (1), 2021. P. 54–67.

270. Der C. I. On the status of discourse markers // *Acta Linguistica Hungarica*, Vol. 57 (1), 2010. P. 3–28. URL: https://www.researchgate.net/publication/250009173_On_the_status_of_discourse_markers (дата обращения: сентябрь 2020).

271. Dijk T. A. *Discourse and migration* // *Qualitative Research in European Migration Studies*. Switzerland: Springer Open, 2018. P. 227–245.

272. Descartes R. *The Philosophical Writings of Descartes*. UK: Cambridge University Press, 1984. 418 p.

273. Dujmić M. *Discoursal Markers of Emotional States in Mixed Sex Conversations among Young Adults* // Bachelor's Thesis, J. J. Strossmayer University of Osijek, Faculty of Humanities and Social Sciences, Department of English, Osijek, 2017. URL: <https://repozitorij.ffos.hr/en/islandora/object/ffos%3A2240> (дата обращения: октябрь 2020).

274. Erman B. Some pragmatic expressions in English conversation // *English in speech and writing. A symposium*. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1986. P. 131–147.

275. Fanego T. *Paths in the development of elaborative discourse markers: Evidence from Spanish* // University of Santiago de Compostela, 2010. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Paths-in-the-development-of-elaborative->

discourseFanego/d73047b7ff3c91eb9ad41a94ee0333587a628b14 (дата обращения: декабрь 2020).

276. Fischer K. Validating semantic analyses of discourse particles // *Journal of Pragmatics*. 1998. Vol. 29. P. 111–127.

277. Fraser B. Pragmatic markers // *Pragmatics*. 1996. № 6 (2). P. 167–190.

278. Fraser B. Towards a theory of Discourse Markers // *Approaches to Discourse Particles*. Amsterdam: Elsevier Press, 2005. P. 189–204.

279. Fuschi L. Discourse markers in spoken Italian: The functions of *sentì* and *guarda* // *Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde, Bielefeld, Oktober 2013*. URL: <https://pub.uni-bielefeld.de/record/2757191> (дата обращения: ноябрь 2020).

280. Gardiner W. L. *The Psychology of Communication*. Bloomington: Trafford Publishing. 2008. 291 p.

281. Gaynutdinova S. «Ну, как бы, всё!»: слова-паразиты как дискурсивные маркеры в монологах и устных последовательных переводах, Heinäkuu, 2014. *Täytesanat diskurssipartikkeleina monologeissa ja konsekutiivitulkkausissa* // <https://trepo.tuni.fi/bitstream/handle/10024/95985/gradu07190.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: ноябрь 2020).

282. Gethmann Carl Friedrich. *Dasein: Erkennen und Handeln: Heidegger im phänomenologischen Kontext*. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1993. 346 S.

283. Grice H. P. *Aspects of Reason*. Oxford: Clarendon Press, 2005. 136 p.

284. Gross A. Is Evidence Based Linguistics the Solution? Is Voodoo Linguistics the Problem? *Lacus Forum* 32. The United States: The Linguistic Association of Canada and The United States. 2006. P. 173–188.

285. Grote B., Stede M. Discourse marker choice in sentence planning // *Natural Language Generation*, W98–1414, 1998. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/W98-1414> (дата обращения: ноябрь 2020).

286. Haselow A. Discourse marker and modal particle: the functions of utterance-final then on spoken English // *Journal of Pragmatics*. 2011. Vol. 43. Is. 14. P. 3603–3623.

287. Huang L.-F. Discourse markers in spoken English: A corpus study of native speakers and Chinese non-native speakers // A thesis submitted to the University of Birmingham for PhD, Department of English, School of English, Drama and American & Canadian Studies, College of Arts and Law, the University of Birmingham, July 2011. URL: <https://etheses.bham.ac.uk/id/eprint/2969/> (дата обращения: октябрь 2020).

288. Hussein M. Two accounts of discourse makers in English // Journal of Pragmatics Volume 49, 2005. P. 1–26. URL: https://www.researchgate.net/publication/254420148_TWO_ACCOUNTS_OF_DISCOURSE_MARKERS_IN_ENGLISH (дата обращения: сентябрь 2020).

289. Jaworski A. The Power of Silence: Social and Pragmatic Perspectives // Language and Language Behaviors. Ser. 1. Newbury Park: Sage Publications, 2015. No 3. P. 23–24.

290. Kawamori M., Shimazu A., Kawabata T. A Phonological Study on Japanese Discourse Markers // Language, Information and Computation Proceedings of the 11th Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation, 1996. P. 297–306. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/Y96-1031> (дата обращения: декабрь 2020).

291. Kibrik A. A. Dynamics of attention focus in narrative discourse: The Plural case // Languages of the world. 1992. No 4. P. 4–12.

292. Lakoff R. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago: Chicago Univ. Press, 1972. P. 183–228.

293. Langacker R. Mystery particles and affixes // Papers from the 12th Regional Meeting. Chicago Linguistic Society. April 23–25, 1976. Chicago: Chicago Univ. Press, 1976. P. 468–475.

294. Leech G. N. Principles of pragmatics. New York, London: Pan Books Ltd, 1983. 250 p.

295. Lenk U. Discourse Markers // Handbook of Pragmatics. Amsterdam: John Benjamins Publ. Co., 2005. P. 1–17.

296. Lenk U. Discourse markers and global coherence in conversation // *Journal of Pragmatics*. 1998. Vol. 30. P. 245–257.
297. Liu Binmei. The use of discourse markers *but* and *so* by native English speakers and Chinese speakers of English // *Pragmatics*, Volume 27, Issue 4, Jan 2017. P. 479–506. URL: <https://benjamins.com/catalog/prag.27.4.01liu/fulltext/prag.27.4.01liu.pdf> (дата обращения: декабрь 2020).
298. McCarthy M. *Discourse analysis for language teachers*. Cambridge: University press Publishing, 1991. 213 p.
299. Maschler Y., Schiffrin D. *Discourse Markers: Language, Meaning, and Context* // *The Handbook of Discourse Analysis*. Second Edition. VOL. I, 2015. London: Bloomsbury Publishing Plc. P. 189–221.
300. Östman J.-O. *You Know: A Discourse-Functional Approach*. Amsterdam: Benjamins, 1981. 92 p.
301. Piurko E. *Discourse markers: their function and distribution in the media and legal discourse* // Lithuanian University of Educational Sciences, Faculty of Philology, Department of English Philology, Vilnius, 2015. URL: <http://gs.elaba.lt/object/elaba:8645298/> (дата обращения: январь 2021).
302. Plato. *Protagoras*. UK: London, Aeterna Press. 2015. 52 p.
303. Redeker G. Linguistic markers of discourse structure // *Linguistics*. 1991. Vol. 29. P. 1139–1172.
304. Schiffrin D. *Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. 376 p.
305. Schourup L. *Common Discourse Particles in English Conversation*. New York: Garland, 1985. 231 p.
306. Searle J. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge (Mass): Harvard University Press, 1976. 245 p.
307. Searle J., Kiefer F., Bierwisch M. *Speech Act Theory and Pragmatics*. Luxemburg: Springer Science & Business Media. 2012. 320 p.
308. Silvermintz D. *Protagoras*. London: Bloomsbury Publishing, 2016. 128 p.

309. Stede M., Schmitz B. Discourse Particles and Discourse Functions // Machine Translation 15: Kluwer Academic Publishers. Printed in the Netherlands. 2000. P. 125–147.
310. Troshchenkova E. V., Blinova O. V. Pragmatic markers in the aspect of communicative alignment // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. 2020. T. 19. № 3. С. 49–58.
311. Venn J. Symbolic Logic Scholar's Choice Edition. New York: Scholar's Choice, 2015. 488 p.
312. Wittgenstein L., Russel B. Tractatus Logico-Philosophicus. New York, London: Cosimo Classics, 2010. 116 p.
313. Yang S. Discourse markers? An area of confusion // Newcastle University, UK, 2012. URL: <https://w3.ual.es/revistas/PhilUr/pdf/PhilUr07.4.YangShanru.pdf> (дата обращения: ноябрь 2020).
314. Yule G. Pragmatics. New York, Oxford: Oxford University Press. 1996. 188 p.
315. Zarei F. Discourse markers in English // Islamic Azad University, Beiza, Iran International Research Journal of Applied and Basic Sciences, 2013. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/DIS-COURSE-MARKERS-IN-ENGLISH-Zarei/7876ada209ccc00d6a82fe621a23c062b14c52e8> (дата обращения: октябрь 2020).

СЛОВАРИ

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. URL: <http://www.dict.t-mm.ru/abramov/> (дата обращения: 2020).
2. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник: около 11 000 синонимических рядов / З. Е. Александрова. 17-е изд., стер. М.: Дрофа: Рус. яз. Медиа, 2010. 564 с.
3. Ахапкин Д., Гаврилова Т., Дмитриев Д. и др. Толковый словарь русского языка: Около 7 тыс. словарных статей; Свыше 35 тыс. значений; Более 70 тыс. иллюстративных примеров / Под ред. Дмитриева Д. В. М.: Астрель, 2003. 1582 с.
4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.
5. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнёры, 1993. 205 с.
6. Большой толковый словарь русского языка: А–Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
7. Большой энциклопедический словарь. 20-ое изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 1999. 1456 с.
8. Викисловарь <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BD%D1%83> (дата обращения: 2020).
9. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство/ Сб. ст. / под ред. К. Л. Киселевой, Д. Пайара. М.: Азбуковник, 2003. 206 с.
10. Дискурсивные слова русского языка: Опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Л. Киселевой, Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. 280 с.
11. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка: 15 000 словарных статей: 22 000 семантических единиц / Т. Ф. Ефремова. М.: Русский язык, 2001. 862 с.
12. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. В 2 т. М.: Русский язык. 2000. 1209 с.

13. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.

14. Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru/%D1%81%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D1%8B%D0%BA%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%83/%D0%BD%D1%83> (дата обращения: 2019–2020).

15. Контекстный русско-англо-русский словарь – EN.KARTASLOV.RU. URL: <https://en.kartaslov.ru/> (дата обращения: 2018–2020).

16. Краткий словарь по логике. М.: Просвещение, 1991. 208 с.

17. Лингвистический энциклопедический словарь. Глав. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.

18. Ляшевская О. Н., Шаров С. А., Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. URL: http://dict.ruslang.ru/freq.php?act=show&dic=freq_spoken&title=%D7%E0%F1%F2%EE%F2%ED%FB%E9%20%F1%EB%EE%E2%E0%F0%FC%20%E6%E8%E2%EE%E9%20%F3%F1%F2%ED%EE%E9%20%F0%E5%F7%E8 (дата обращения: 2020).

19. Малый академический словарь / Сост. Евгеньева А. П. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/small-academic-vocabulary/index.htm> (дата обращения: 2020).

20. Мартин Б., Рингхэм Ф. Словарь семиотики / Пер. с англ. М: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2010. 256 с.

21. Морковкин В. В. Большой универсальный словарь русского языка: около 30 000 наиболее употребительных слов / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачёва, Н. М. Луцкая; Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; под ред. проф. В. В. Морковкина. М.: Словари XXI века; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. 1451 с.

22. Морковкин В. В. Объяснительный словарь русского языка. М.: АСТ, 2003. 432 с.

23. Объяснительный словарь русского языка. Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные,

связочные глаголы: около 1 200 единиц / под ред. В. В. Морковкина; Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. Изд. 2-е, испр. М.: Астрель: АСТ, 2003. 421 с.

24. Рогожникова Р. П. Толковый словарь словосочетаний, эквивалентных слову. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 416 с.

25. Синонимы. URL: <https://sinonim.org/s/%D0%B2%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5> (дата обращения: 2020).

26. Словарь наречий и служебных слов русского языка / Сост. В. В. Бурцев. М.: Русский язык – Медиа, 2005. VIII. 750 с.

27. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Институт лингвистических исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 702 с.

28. Словарь синонимов русского языка. URL: <https://synonymonline.ru/%D0%92/%D0%B2%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5> (дата обращения: 2020).

29. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. Александрова З. Е. 2011. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-aleksandrova/fc/slovar-205-8.htm#zag-16533> (дата обращения: 2020).

30. Словарь служебных слов русского языка / Авторы: А. Ф. Прияткина, Е. А. Стародумова, Т. Н. Сергеева, Г. Д. Зайцева, Е. С. Шереметьева, Н. Т. Окатова, И. Н. Токарчук, Г. М. Крылова, Т. А. Жукова, Т. В. Петроченко, В. Н. Завьялов. Владивосток: ГУП "Примполиграфкомбинат", 2001. 363 с.

31. Словарь современного русского города: ок. 11 000 слов, ок. 1000 идиоматических выражений / Под ред. д-ра филол. наук, проф. Б. И. Осипова. М.: ООО «Издательство «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2003. 565 с.

32. Словарь социолингвистических терминов / В. А. Кожемякина, Н. Г. Колесник, Т. Б. Крючкова и др.; отв. редактор В. Ю. Михальченко; Институт языкознания РАН. – М.: 2006. 312 с.

33. Словарь трудностей под редакцией Ю. А. Бельчикова и О. И. Ражевой. URL: <http://window.edu.ru/resource/037/53037> (дата обращения: 2020).

34. Современный толковый словарь русского языка Т. В. Ефремовой. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/%D0%B2%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5> (дата обращения: 2018–2020).
35. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2006. 696 с.
36. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. URL: <http://slovardalja.net/> (дата обращения: 2020).
37. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В. Даль. Репр. воспроизв. изд. 1912–1914. М.: Цитадель, 1998. в Т. 2: И–О. М.: Цитадель. 2030 с.
38. Толковый словарь русского языка / Отв. ред. Д. Н. Ушаков. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1938. Т. 2. 1040 с. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 2017–2020).
39. Толковый словарь русского языка Д. В. Дмитриева. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-dmitriev/index-205.htm#205> (дата обращения: 2017–2020).
40. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=36540> (дата обращения: 2017–2020).
41. Толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 2017–2020).
42. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азъ, 1994. 907 с.
43. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под общ. ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир и Образование: ОНИКС, 2012. 1375 с.
44. Толковый словарь С. И. Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 2018–2020).
45. Универсальный фразеологический словарь русского языка / Под ред. Т. Волковой. М.: Вече, 2000. 463 с.

46. Фразеологический словарь русского литературного языка А. И. Фёдорова. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm> (дата обращения: 2020).

47. Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А. К. Шапошников: в 2 т. Т. 1. М.: Флинта: Наука, 2010. 584 с.

48. Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка. в 2 т. Т. 2. / Сост. А. К. Шапошников. М.: Флинта: Наука, 2010. 576 с.

49. Школьный этимологический словарь русского языка. Составители: Н. М. Шанский, Т. А. Боброва, 2004. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/school-etymological-dictionary/index.htm> (дата обращения: 2019–2020).

50. Этимологический словарь русского языка. Составитель: М. Р. Фасмер, 1964–1973. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/etymological-dictionary/index.htm> (дата обращения: 2017–2020).

51. ABBYY Lingvo Live. URL: <https://www.lingvolive.com/> (дата обращения: 2016–2020).

52. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 2017–2020).

53. Collins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 2017–2020).

54. Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com/> (дата обращения: 2019–2020).

55. Hugoe M. P. The Concise Oxford Dictionary of Linguistics. Oxford, New York: Oxford University Press, 1997. 410 p.

56. Longman Contemporary Dictionary. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 2017–2020).

57. Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 2017–2020).

58. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary> (дата обращения: 2017–2020).

59. Oxford Advanced Learner's Dictionary
<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 2016–2020).
60. Oxford Dictionary of English. URL: <http://www.lexico.com/definition/online>
(дата обращения: 2016–2020).
61. Oxford Learner's Dictionaries. URL:
<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 2016–2020).
62. Reverso Context. Контекстный словарь. URL: <https://context.reverso.net>
(дата обращения: 2017–2020).
63. Sketch Engine for Language Learning. URL: <https://skell.sketchengine.co.uk>
(дата обращения: 2020).
64. Thesaurus.com. URL: <https://www.thesaurus.com/> (дата обращения: 2017–
2020).
65. Urban Dictionary.com. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата
обращения: 2017–2020).

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Блог WoMo // URL: <https://womo.ua/> (дата обращения: 2020).
2. Глуховский Д. А. Текст: М.: АСТ, 2017. 320 с.
3. Гоголь Н. В. Мертвые души: поэма. М.: Художественная литература, 1985. 368 с.
4. Иванов А. В. Географ глобус пропил. М.: АСТ, 2014. 448 с.
5. Иванов А. В. Общага-на-Крови. М.: Издатель «Азбука-классика», 2006. 320 с.
6. Ильф И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев. Роман. М.: Просвещение, 1987. 272 с.
7. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 2016–2020).
8. Слово «Ну» Лингвофорум. URL: <https://lingvoforum.net> (дата обращения: 2020).
9. Форум. Яндекс Знатоки. URL: <https://yandex.ru/znatoki> (дата обращения 2020).
10. Щербакова Г. Н. Вам и не снилось. М.: Азбука, 2015. 352 с.
11. Щербакова Г. Н. Женщины в игре без правил. М.: Азбука, 2015. 448 с.
12. Щербакова Г. Н. Три любви Маши Передреевой. М.: Эксмо-Пресс, 2010, 256 с.
13. AdMe. Творчество. Свобода. Жизнь. URL: <https://www.adme.ru/> (дата обращения: 2020).
14. Candler R. Farewell, My Lovely. Stories. М.: Raduga Publishers, 1983. 368 p.
15. Chase J. H. A Lotus for Miss Quon. Moscow: Manager, 2003. 224 p.
16. Christie A. Short Stories. London: Harper Collins Publishers, 2012. 40 p.
17. Contemporary British Stories. Oxford: Perspective Publications Ltd, 1994. 222 p.
18. Hammett D. Selected Detective Prose. М.: Raduga Publishers, 1985. 485 p.
19. Hornby N. About a boy. London: Publisher Gollancz, 1998. 278 p.
20. Lanchester J. Capital. London: W. W. Norton Company, 2013. 528 p.
21. Saint-Exupéry A. M. J.-B. R. Le petit prince. Word Press, 2015. 107 p.
22. Tremain R. A Shooting Season // Contemporary British Stories. Oxford: Perspective Publications Ltd, 1994. 222 p.
23. Trevor W. The Collected Stories. London: Penguin Books Ltd, 1992. 1280 p.

КОРПУСЫ

1. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 2016–2020).
2. AntConc – корпус-менеджер для обработки корпусов первого порядка, поиска и подсчета различных элементов текста, анализа частотности и контекста употреблений. URL: <https://www.laurenceanthony.net/> (дата обращения: 2018–2020).
3. British National Corpus. URL: <https://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 2017–2020).
4. Corpus of Contemporary American English. URL: <https://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 2017–2020).
5. Leipzig Corpora Collection / Deutscher Wortschatz. URL: <http://wortschatz.uni-leipzig.de/en> (дата обращения: 2016–2020).

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. БТС-К – Большой толковый словарь русского языка. Кузнецов С. А.
2. БЭС – Большой энциклопедический словарь
3. ВС – Викисловарь
4. КС – Карта слов и выражений русского языка
5. КСА – Контекстный русско-англо-русский словарь
6. КСЛ – Краткий словарь по логике
7. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь
8. МАС – Малый академический словарь. Евгеньева А. П.
9. НКРЯ – Национальный корпус русского языка
- 10.НС-Е – Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. Ефремова Т. Ф.
- 11.НУ – Лингвофорум. Слово "Ну"
- 12.ОСМ – Объяснительный словарь русского языка. Структурные слова. Морковкин В. В.
- 13.ПДС – Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В.
- 14.С – Словарь синонимов русского языка – онлайн
- 15.СЛТ – Словарь лингвистических терминов. Ахманова О. С.
- 16.СЛТ-Ж – Словарь лингвистических терминов. Жеребило Т. В.
- 17.СНСС – Словарь наречий и служебных слов русского языка. Бурцев В. В.
- 18.СС-А – Словарь синонимов русского языка: практический справочник. Александрова З. Е.
- 19.СРС-А – Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. Абрамов Н.
- 20.СРусЯз-Е – Словарь русского языка под ред. Евгеньевой А. П.
- 21.СС – Словарь семиотики. Мартин Б., Рингхэм Ф.
- 22.ССЛА – Служебные слова в лексикографическом аспекте – монография. Стародумова Е. А., Завьялов В. Н. и другие.

23. ССРГ-О – Словарь современного русского города под ред. Осипова Б. И.
24. СССР – Словарь служебных слов русского языка. Прияткина А. Ф., Стародумова Е. А. и другие.
25. ССТ – Словарь социолингвистических терминов. Отв. редактор В. Ю. Михальченко.
26. СТ – Словарь трудностей под редакцией Бельчикова Ю. А. и Ражевой О. И.
27. СТСРусЯз – Современный толковый словарь русского языка. Ефремова Т. В.
28. СЭС – Стилистический энциклопедический словарь русского языка под ред. Кожиной М. Н.
29. ТС-Д – Толковый словарь русского языка. Дмитриев Д. В.
30. ТСЖВЯ – Толковый словарь живого великорусского языка. Даль В. И.
31. ТС-О – Толковый словарь. Ожегов С. И.
32. ТС-ОШ – Толковый словарь русского языка. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.
33. ТСП – Толковый словарь словосочетаний, эквивалентных слову. Рогожникова Р. П.
34. ТССЧР – Толковый словарь служебных частей речи русского языка. Ефремова Т. Ф.
35. ТС-У Толковый словарь русского языка под ред. Ушакова Д. Н.
36. УФС-В – Универсальный фразеологический словарь русского языка. под ред. Волковой Т.
37. ФФ – Фразеологический словарь русского литературного языка. Фёдорова А. И.
38. ФЯЗ – Форум. Яндекс Знатоки
39. ЧС – Частотный словарь современного русского языка. Ляшевская О. Н., Шаров С. А.
40. ШЭС – Школьный этимологический словарь русского языка. Шанский Н. М., Боброва Т. А.
41. ЭС-Ф – Этимологический словарь русского языка. Фасмер М. Р.
42. ЭС-Ш – Этимологический словарь современного русского языка. Шапошников А. К.

43. AdMe – Творчество. Свобода. Жизнь
44. AntConc – A freeware corpus analysis toolkit for concordancing and text analysis
45. BNC – British National Corpus
46. CamD – Cambridge Dictionary
47. COCA – Corpus of Contemporary American English
48. CoLD – Collins Online Dictionary
49. D – Dictionary
50. LCC – Leipzig Corpora Collection
51. LCD – Longman Contemporary Dictionary
52. MD – Macmillan Dictionary
53. MWD – Merriam-Webster dictionary
54. OLD – Oxford Learner's Dictionaries
55. RC – Reverso Context
56. SELL – Sketch Engine for Language Learning
57. TC – Thesaurus
58. UD – Urban Dictionary
59. WoMo – Блог WoMo